

Часть 1

Записки Василия Даниловича

Дерево берёт силы из корней своих, живёт и красуется, питаясь через них соками земли. Любое строение тем долговечнее, чем крепче его фундамент. Государство черпает силы из духовности народов, его населяющих. Тем оно сильнее, чем чаще при принятии решений используется опыт поколений. Каждый день приносит подтверждение этому. В своём повествовании хочу рассказать о жизни родственников и их односельчан. Вместе с ними пройти их жизненными дорогами, начиная со времён царя Александра 1, и до наших дней, поразмышлять о жизни и месте отдельного человека в ней. Буду пытаться показать красоту наших мест и действия людей по её сохранности. Прошу простить меня за возможные несоответствия матушке истории.

Помощь при работе над книгой оказали в нелидовском отделе краеведения, городской библиотеке, архиве. Свои описания основываю на воспоминаниях дяди моего Василия Даниловича Румянцева и матери - Матрены Даниловны. Василий Данилович отличается пытливостью ума, часть бесед с родственниками и умными людьми записывал, а часть запоминал. Память у него хорошая. Эти воспоминания являются нам сегодня, как приветствия из давно ушедших лет и говорят: стойте крепко, мужайтесь. У нас были ситуации сложнее, мы сдюжили. Подниметесь и вы. Берите пример с нас – не чужих вам людей. Как мне удалось это повествование, судить Вам. Я хочу только, чтобы моя книга, в какой - то степени, способствовала укреплению вашей веры в свои силы, помогла возродить гордость за державу и память о своих родственниках. В этом издании я несколько изменил хроникку событий по сравнению с повестью Козинцы, изданной в 2009 году и дополнил событиями.

Приношу мой поклон и благодарность за помощь, всем тем, к кому я обращался.

Кочнов Иван Григорьевич. Лето, 2009 г.

Преданья старины глубокой

Григорий Васильевич Румянцев – смоленский дворянин. Родился в шестидесятых годах восемнадцатого столетия. От родителей ему в наследство перешли: большой кирпичный дом с флигелем, конюшней и обслугой, земельные угодья. По тем временам, человек видный, получил он образование и служил на государственной службе, участвовал в баталиях. Отличился в боях с французами. Император Александр – 1 отметил его боевыми наградами и наделил вотчиной в Иоткинской волости Бельского уезда Смоленской губернии, по правому берегу реки Межи: от деревни Прудня до деревни Богданово. Ему отошли луга и пахотные земли, леса. После разгрома войск Наполеона прошёл он дорогами Европы. На своем иноходце участвовал в параде победителей в Париже, вернулся на родину. Года напоминали о себе, ушёл в отставку. Поселился в родовом имении. Император не позволил отойти от дел, а назначил руководить погранично–правовой комиссией по решению Российско-Польско-Литовских пограничных дел. Он вынужден был часто посещать ранее оккупированные поляками и литовцами селения: бывать в Бельском уезде, Великом Новгороде, Торопце, Осташкове. Для передачи накопленного опыта ему разрешили взять в помощники сына – одарённого отрока, 1798 года рождения, Архипа Григорьевича Румянцева. С 1815 года отец брал его в поездки. Бывал с ним и в Питере – в центральной комиссии. После смерти отца в 1822 году Архипа назначили руководителем этой комиссии. Отец передал сыну право владения вотчинной землей по берегу реки Межа. Ранее Григорий Васильевич с сыном приезжали в Иоткинскую волость – земли посмотреть и людей хороших проведать.

В сельце Иоткино проживали дальние родственники Григория Васильевича – потомки «мужа знатна короны Польския» Владислава Кашанелидзево, который в составе Литовской дружины Брянского князя Дмитрия Ольгердовича пришел на помощь Дмитрию Донскому перед Куликовой битвой и принимал в ней участие. Приняв российское подданство, получил поместье в Калужской губернии, фамилию изменил на русский лад. Начало оставил польское, а в конце прибавил русское «ов» и получилось – Нелидов. Нелидовы с лучшей стороны проявили себя в годы смуты и борьбы с Польско-Литовскими интервентами. Царь, Алексей Михайлович, даровал стольнику Семену Федоровичу Нелидову сельцо Иоткино с прилегающими землями. Привилегии правительства способствовали заселению свободных земель мещанами и стрельцами. Беглые приписывались к местным владельцам и являлись их собственностью. Расширению сельскохозяйственных угодий способствовала вырубка в 1710 году, по указу Петра 1, ценного ельника, дубняка и сосны по берегам реки Межа, для плавучих бастионов, готовящихся к взятию города Риги.

В 1822 году отец с сыном навестили Нелидовых, но ночевать уехали к Андрейзену в деревню Нелидовку. Григорий Васильевич хорошо знал Франца Марковича Андрейзена – хозяина особняка, владельца урочища Прудня и участка леса. Приходилось давать заключение о праве наследования. Прадеда Франца – лесоруба и корабела – привёз в Россию царь – плотник, для вырубки леса, трелёвки его к реке Межа, строительства плавучих бастионов и челнов. Росли у Франца дети – дочь Тереза, помладше Архипа, и сын Эдуард. Пока отец решал служебные вопросы, Архип был под надзором хозяйской дочери. Поначалу бегали по лугу, как босоногие сорванцы, ничем не отличаясь от крестьянских детей. Помогая Терезе залезть на раскидистую яблоню, Архип дотронулся до её упругого торса. Электрический «ток», пробив изоляцию порядочности, прошёл по их телам – родилась любовь. Вначале они скрывали свои чувства, а когда дали им волю, родился мальчик. Назвали Климом. Помог отец, Франк Маркович. Он передал младенца на воспитание своим друзьям. Когда Клим подрос, определили в Петербург, в военное

училище. После окончания оно́го Клим на военную службу не направили: комиссия обнаружила легочное заболевание. Устроили его в тамо́жню, однако болезнь обострилась. Врачи пришли к выводу, что виноват климат, и рекомендовали жить на родине. Так он оказался в урочище Козино. Андрейзены построили ему крестьянский домик, рядом поселили свою дворовую - вдовую солдатку, чтобы помогала. Иногда приезжала мать – Тереза. У неё была семья – муж Илья Исаевич, дети. Клим - дитя любви, его не афишировали, но помогали постоянно. Время он проводил в труде. Благоустроивал жилище, формировал пасеку, занимался сочинительством. В 1828 году, в Смоленске, у Архипа Григорьевича родился сын Ларион. Воспитывался он в дворянской среде, обучался хорошим манерам, а по достижению соответствующего возраста был определен в столицу, на обучение. В тридцатых годах двадцатого века жена внука Архипа – Ивана - рассказывала, что бывали они с мужем у родственников в Смоленске, в большом доме из красного кирпича.

После получения Ларионом воинского чина, в 1852 году, отец ходатайствовал о его переводе к нему секретарем и отставке от воинской службы. С тех пор он везде сопровождал отца. Высокий, стройный, молодцеватый – умел щегольнуть выправкой, поддержать застолье, произнести тост. Был он душой компании, любимцем прекрасного пола. Не заботясь о последствиях, смело бросался в рискованные мероприятия, что часто мешало ему в жизни. Отец его, Архип, мечтал о прекрасном будущем сына. Пока все складывалось удачно.

ЗНАКОМСТВО

Однажды дождливой осенью через селение Босино, что в шестидесяти верстах от города Белый, проезжал смоленский дворянин Архип Григорьевич Румянцев с сыном Ларионом. Сырой осенний дождь промочил одежду, захотелось в тепло. Решили переждать непогоду, остановились на деревенской площади. Окинув взглядом деревню, выбрали один из лучших домов. Послали к хозяину порученца с визитной карточкой, испросить: кто хозяин, и не сможет ли он приютить на время господина Румянцева Архипа Григорьевича с сыном Илларионом Архиповичем, порученцем Зубовым и кучером. Они следуют из Смоленска в Великий Новгород по делам государевым. За услуги ему заплатят. Порученец, а им был исполнительный секретарь Смоленской губернской нотариально-правовой канцелярии Илья Зубов, принял с поклоном визитную карточку и, обходя лужи, направился к парадному крыльцу. Обмыв сапоги, поднялся к двери. Прочитал на ней табличку: «В этом доме проживает с семьёй купец 2 гильдии Шмырёв Прокопий Васильевич». Деревянным молоточком постучал по медной пластине на двери. Дверь отворилась: на пороге стоял молодой человек с кудрявой коротко подстриженной бородкой. Хозяин взглянул на пришельца и спросил: кто он и чего желает. Зубов протянул ему визитку. Тот внимательно прочитал и сказал: «С этим нужно к отцу. Извольте следовать за мной». Прошли сени, вошли в просторную комнату, а за ней - кабинет с большими швейцарскими часами. За столом с точеными ножками сидел человек лет пятидесяти, в темно – зелёном сюртуке с золотыми пуговицами, усатый, с коротко подстриженной бородой. Завидев гостя, он поднялся из-за стола, представился: «Шмырев Прокопий Васильевич. Чем могу служить?» Сын подал визитку. Прочитав, отец зажал её в руке и вышел на крыльцо, проследовал к карете, пригласил гостей в дом. Кучер подогнал экипаж к ступеням крыльца. Гости вошли в дом. Им показали комнату для отдыха. Пока гости отдыхали, хозяева подготовили продукты и вина, пригласили гостей к столу. За столом были: хозяин – Шмырев Прокопий Васильевич, жена его - Домна Андреевна, сын Иван с женой Евдокией Петровной, дочь – семнадцатилетняя красавица Ульяна и гости: Архип Григорьевич, его сын Илларион и Илья Зубов. Гостям понравилась Ульяна. После ужина ветераны уединились. Архип Григорьевич попросил Прокопия Васильевича подумать – о согласии на свадьбу Иллариона и Ульяны. Пока

гости спали, в кабинете хозяина проходил совет – обсуждали предложение Архипа. «Жених высок, статен, красив, на вид скромн, Ульяне приятен. Почему бы не согласиться? Вотчину обещал».- проговорил отец. Рано утром Архип Григорьевич пригласил Прокопия Васильевича к себе и сказал: «Дом построим в Козино, свадьбу сыграем через год. Подготовь смету, денег дам. Теперь, прошу тебя, собирайся, поедem смотреть будущую вотчину молодых». Прокопий Васильевич пригласил с собой сына Ивана и приказчика. Запрягли дрожки и отправились в путь. До деревни Иоткино доехали без происшествий, переночевали у Нелидовых и поехали дальше. По просёлочной дороге подъехали к ручью с широкой, глубокой поймой перед урочищем Прудня. Там велись работы по устройству дамбы для создания водохранилища и прудового хозяйства. На тачках, по дощатым настилам, крестьяне окрестных деревень завозили глину в «тело» насыпи, сглаживая тем самым косогоры по обе стороны поймы, уменьшая крутизну подъёма. Поднявшись на гору, путешественники оказались среди цветущего луга, который простирался до хвойного бора, а с левой стороны опускался по косогору к пойме реки. За ней угадывались огороды деревни Борки. Дорога выбегала на заливной луг, затем на горбатый мостик через ручей «Блодинец» и вступала на козинские земли. Урочище Козино разместилось на плоском плато над речной поймой. Левый берег был довольно крут, зато правый плавно опускался к ручью, который отделял поля от лесных угодий и нёс свои воды в ручей Блодинец. Заливной луг вдоль реки представлял собой изрезанное промоинами поле, саженей триста в длину и около семидесяти в ширину. Весной этот луг, как и луга на другом, борковском берегу, совместно с пруднянскими, в весеннее половодье заполняются стремительным потоком, искрящимся и переливающимся под лучами солнца. Русло реки угадывалось по зарослям ивы на её берегах. Проехав ручей, путешественники по узкой колее поднялись на ровное поле.

Саженой за двести чернели крыши крестьянских дворов. Там жили крестники Архипа Григорьевича – Рулев Николай Васильевич и Копейка Игнат Сидорович. Слева, на высоком берегу, над поймой реки, белели огороженные изгородью пчелиные домики. «Пасеку сооружает,- подумал Архип про Клима, - «Молодец. Поселю здесь Лариона, пусть помогают друг другу». Поравнялись с первым домом. Во дворе правил загородку Николай Васильевич. Увидав хозяина, он выбежал на дорогу, встал по стойке смирно и приложил ладонь к виску. «Честь отдает», - подумал Архип. Ему нравился этот озорной, бывший солдат. Из соседнего дома вышел коренастый, степенный мужчина – Игнат Сидорович Копейка. Подошел к дрожкам, снял картуз.

Соседи дополняли друг друга. Проехав около ста сажен, справа увидели небольшую избу Климентия. Напротив, через выгон, на неё смотрело жилище няньки его бывшей горничной Евдокии Егоровны Слуцкой, с дочерью. Домик Клима, построенный сравнительно недавно, отличался весёлым обликом. Не тронутый гнилью, он желтел под лучами мягкого осеннего солнца. Отливали желтизной пропитанные льняным маслом наличники. Присоединившись к путникам, Клима рассказывал, как сооружал свою пасеку, искал рои диких пчел, переносил их в изготовленные своими руками ульи, которые перед холодами, помещал во мшаник. От дома Клима выгоном прошли в лес, который встретил их осенней тишиной и шелестом ветвей. Лес был неоднородный: встречались осина с березой, но в основном среди зарослей брусники возвышались стройные ели. Незаметно рельеф понизился, изменилась растительность. Чаще встречались заросли ивняка. Вскоре сквозь голые ветви листовенного подростa увидели мох с блюдцами воды на нём. Рядом с краем мха на этом ковре краснели крупные ягоды. «Клюква!» - закричал Иван и побежал ко мху. Он занёс ногу, чтобы ступить на него, но теперь кричал Клима: «Стой, или утонешь!» Все с любопытством уставились на него: «Идите за мной – покажу».

Он отвёл их немного западнее, метров на пятьдесят ото мха, и показал гнилые бревна сруба. А поодаль, на берегу отыскал он полусгнившие долблёнки – бывшие лодки.

Все говорило о том, что раньше здесь была деревня. Клим стал рассказывать: «На другой стороне мха, в деревне Миндюри, древний старик рассказывал мне, что давно, ещё до большого повала леса, из которого царь Петр 1 строил плавучие бастионы, здесь была деревня Козино. Жителей было немного. С миром они общались при помощи долблёных лодок. Дорогу не прорубали специально, чтобы не быть застигнутыми врасплох ватагами «вольных» людей, отрядами поляков и литовцев. Когда молодой царь навёл порядок, постепенно переселились на новое место - где теперь и находится деревня Козино. Наведовалась туда конница Наполеона. Жители сопротивлялись. Всех зарубили саблями. Только теперь, сравнительно недавно, пришли люди, вновь затеплилась жизнь». Задумчивые и сосредоточенные, путники возвращались из леса. Действительность радовала. «Жить можно, только не ленись», – выразил общее мнение Иван. «Крестьян нет, – сказал Архип, - но придут. Главное подбирать умело. Это я поручу тебе, Клим, и Лариону». В конце дня присели отдохнуть на копне сена, у обрыва, вблизи Климовой пасеки. Архип задумчиво посмотрел на излучины реки, дальние луга за ней, проговорил: «Богатый, чудесный край! Может быть, и я, отойдя от дел, проживу здесь с сыном и его семьёй, остаток дней своих. Дай - то Бог!. Человек предполагает, а Бог располагает. Не все мечты воплощаются в жизнь». Переночевав у Андрейзена, рано утром гости уехали. Распрощались на расстанях, где дорога из Иоткино встречается с большаком на Смоленск. Румянцевы отправились налево, в Новгород Великий, а Шмырёв Прокопий Васильевич - направо, в Босино. Договорились о встрече в будущем году, детей своих женить. На следующий год - Архип Григорьевич с Ларионом отправились в Босино. За год Иван повзрослел и всё более походил на отца – широкого в плечах русобородого богатыря, а сестра его Ульяна - на мать – стройная, высокая, узколикая, с длинной русой косой.

По мере взросления сына отец приучал его к торговле. Поначалу - помощник в лавке, затем – продавец, он изучал спрос населения, требования к качеству, приобретал опыт общения с людьми. С отцом ездили они в города и сёла за товарами. Дочь помогала матери управляться с хозяйством. Могла косить и стоговать, стирать и гладить. Мать наделила её умением читать, писать, считать. Научила она дочь закону Божьему, чтению святых книг, увлечению историей родного края; дала азы акушерства. Такую голубоглазую красавицу встретил молодой светский щёголь – Илларион. Сын грамотных, обеспеченных родителей, рос он непоседой. В детстве заслушивался рассказами своего отца о деде, участвовавшем в войне 1812 года, как громили они французов и шли по дорогам Европы. Вместе с тем заметили россияне разницу в уровне жизни тамошних народов и России. Там отменили крепостное право, наделили крестьян землёй, создали условия для развития промышленности и возникновения рабочего класса. У них повысилась результативность труда и улучшилась жизнь народа. Получили мощный импульс наука и культура.

В России, после подавления декабрьского выступления 1825 года и казни главарей – умнейших людей того времени, ужесточилась цензура и слежка. Высшее общество разделилось. Одни, наиболее консервативные, во главе с царем праздновали «пиррову» победу, почивая на лаврах победителей. Другие – понимающие, что ход истории остановить нельзя и изменение внутренней политики неизбежно, ушли в глубокое подполье. Злободневные вопросы обсуждались в небольших группах проверенных людей, искали приемлемые варианты. Как всегда, наиболее мобильной и отзывчивой на требования времени была молодежь. Она начала революционную деятельность в подполье. Собирались на дружеских вечеринках, пикниках, тайных сходках. В кружках изучали труды лучших умов по строительству социалистического общества и шли в деревню, в народ, надеясь на понимание. Темное, забитое, неграмотное крестьянство было слишком далеко от их идей. Крестьян интересовали частные вопросы экономического характера. Часты были случаи избиения пропагандистов, выдача их

полицейским, что приводило к ужесточению преследований, к судам, каторге и смертным приговорам.

Молодой Илларион незаметно для себя сблизился с членами подпольной организации «Земля и Воля», которые надеялись, внедрив в крестьянскую среду своих людей - деревенских переселенцев, подготовить боевые группы для поддержки антиправительственных выступлений. На деле прожекты оказались нереализованными. Боевые дружины создать не удалось. Деятельность свелась к террору. Власти ужесточили репрессии. Поселенцы оказывали крестьянам помощь как лекаря, юристы, учителя. Зная о намерениях друзей внедрять своих людей в крестьянство, поддерживать их и желая быть им полезным, Илларион не противился намерению отца своего и купца Шмырева Прокопия породниться, поженив детей своих. Тем более, что испытывал он к Ульяне симпатию. Она смотрела на него любящим взглядом. Архип надеялся, женив сына на доброй трудолюбивой девушке и поселив вдали от крупных городов, трудом и заботами отбить у него интерес к революционной деятельности.

Женитьба Лариона.

Осенью 1857 года, в местной церкви обвенчались Илларион Архипович и Ульяна Прокопьевна. Для постоянного жительства определили им деревню Козино Иоткинской волости. Молодых оставили у тестя, а в Козино Клима Архиповича готовил временное жилье для молодой семьи. Клима приучен был к крестьянскому труду, знал плотницкое и столярное дело, пчеловодство и земледелие. Окруженная лугами и пахотными землями, деревня Козино в то время была не бедной. С запада ко дворам примыкали поля, а к ним вплотную подступал лес. Отвоеванные когда-то у леса пахотные земли естественными ложбинами соединялись с ручьем, берущим начало неподалеку, в лесной болотине. Таким образом, суглинистые уголья осушались, а при умелом внесении удобрений давали хорошие урожаи. Семьи были большие, скота держали много. Где скот, там и навоз, а при наличии подстилки его накапливалось много. Если в нужное время его уложить в бурт, пересыпать золой и переложить травой, вовремя внести в почву, хорошо перепахать, то и урожай будет отменный.

С восточной стороны к огородам вплотную подступали изрезанные промоинами заливные луга. Нанесенные потоками воды, почвы были плодородными, потому урожай трав давали хороший.

Границами земель были ручьи, отделяющие козинские земли от дулевских и пруднянских. Постройки добротные, из крупного леса. Строились две избы с коридором между ними – зимняя теплая, и летняя. Хлева для скота ставились на небольшом от них удалении. Рядом - сенные сараи. Сена готовили много, чтобы прокормить всю скотину – коров, телят, овец. В домах выкладывали большие русские печи с изразцами из кирпича-сырца, а подполье в рост человека - для хранения картофеля и солений. Стены протёсывались и простругивались, конопатились. Полы и потолки из распиленных надвое бревен тоже простругивались и к праздникам натирались венником - гольнем с добавкой речного песка и золы, тщательно мылись. Холили и стены. В переднем углу помещались иконы с лампадами, большой стол с лавками, покрытыми скатертями. Над столом - керосиновая лампа с абажуром. На кухне, возле печи, большие вязанки лука и чеснока, пучки лекарственных трав, черники, брусники, рябины. В углу - ухваты, на шестке - чугушки, а в кладовке, на морозе, клюква в коробах. В подполье в больших чанах пенилась: брага и квас, дразнила обоняние квашеная капуста, а свежая – подвешивалась за кочерыжки. Редька, репа, сельдерей, тыква – всему находилось место.

Ближе к дороге - амбары для хранения зерна, семян льна, гороха. На полях - риги, для обмолота. В крайнем доме с северной стороны деревни у отставного солдата Рулева Николая летняя половина дома была недоделана. Подготовить её к зиме и должен был Клима. Сначала он отремонтировал фундамент, заложив соломой, обмазав глиной с

песком, затем поправил наличники, проконопатил стены. Вдоль стен соорудил широкие лавки. В «красном» углу, над большим столом, расположил иконостас с лампадой и лампу с большим абажуром. В другом углу рядом с печью соорудил деревянную кровать с пологом и повесил к потолку люльку – качалку, отремонтировал русскую печь. Хозяин предложил и хлев. Клим Архипович утеплил его, подбив в «пазы» паклю, добавил жерди на потолок, залатал дранкой крышу. Не поленился - обновил обвалованный грунтом нижний венец, наполовину сгнивший, убрал его и подложил доставленные из леса бревна.

В то время крепостное право ещё не отменили. Крестьяне были крепостными отца. Но, испытав на себе его добрый нрав, дарованную им относительную свободу и щадящие подати, относились к его родным хорошо. Вот Игнат Сидорович Копейка - местный крестьянин средних лет, жилистый, трудолюбивый, умеющий грамотно вести хозяйство, глава большой семьи. Он хозяйствовал с умом. Землю чувствовал интуитивно. Вел в большой тетради календарь работ, отмечал, когда пахали, сеяли, убирали урожай, сколько посеяли и собрали, какая была погода. По возможности вводил севооборот, живо интересовался опытом соседей и соседних деревень. Расспрашивал о зарубежном опыте.

Шила в мешке не утаишь. Вскоре соседи увидели сметливость и трудолюбие Климата, стали считать его своим, принимали в компанию, оказывали посильную помощь. Как-то, в конце ноября, написав отцу письмо с отчетом о выполненных работах и необходимости его приезда, чтобы выбрать место подворья, зашел он после окончания трудового дня к Игнату на огонёк, присел к теплой печи и слушал пение собравшихся к хозяйке женщин. К нему подошел хозяин и попросил рассказать, что слышно об отмене крепостного права, о наделении крестьян землей. Из газет и бесед с отцом, Климентий знал, что вариантов несколько, последнее слово за царем. Ожидается его указ. «Давно пора» - сказал Игнат, - живём в ужасной серости и нищете, а закон не позволяет проявить способности, реализовать желание жить по-людски. За границей уже давно определились. Крепостного права у них нет. Кто-то в городе на заработках, другие получили землю и работают на ней».

После уборки урожая, от Покрова до Рождества Христова, деревня отдыхает. Играют свадьбы. Молодежь присматривает суженых. После Рождества приехала Климова родня: Илларион с женой и скарбом, его тесть с сыном; запахивая полы медвежьей шубы, из саней появился отец. Разместились в подготовленном доме, собрали мужиков и предложили готовить лес для дома и хозяйственных построек. Строить решили с южной стороны деревни, на свободном пространстве, у излучины реки. Цену за работу предложили хорошую, люди остались довольны, да и работы много. Лес готовили на все постройки. Его нужно было, на лошадях, подвезти к строительной площадке, положить на подкладки, весной ошкурить, летом рубить стены, распиливать бревна для полов и потолков. Начали рубить избу, затем два хлева, сенной сарай, амбар для зерна, гумно для обмолота, конюшню. Конечно, стоило это больших денег. Помог отец Иллариона. Отец и тесть, оставив деньги, для расчета с людьми, уехали. Их ждали неотложные дела. Руководили работами Илларион и Иван – брат Ульяны. Климентий руководил распиловкой леса на доски.

В июне 1858 года Ульяна родила первенца. Родился он крупным, большеголовым, с широким лбом. Назвали Василием. На крестины внука и новоселье приехал дед Архип с другом Шмыревым Прокопием. Гостей восхитило качество строительных работ и отделка жилья. На торжество пригласили Нелидовых, жителей деревни, строителей и уважаемых людей из соседних деревень.

Завершался июль, уже можно было определить, каким будет год. Все приметы обещали хороший урожай на полях, огородах и лесных нивах. Вовремя политые обильным дождём, наливались зерном хлеба, зелёной стеной стоял лён, отцветал картофель. Звала сборщиков черника, на старых вырубках краснела брусника, на мхах наливалась соком клюква. Хорошим урожаем радовали травы. Шел сенокос, каждый день

- на учёте, но хозяину и благодетелю отказать никто не мог. Люди подходили, любовались отделкой и заходили в дом. Свежевыструганные стены, полы и потолки излучали мягкий, желтоватый свет, который лился как - бы изнутри бревен и дополнялся ароматом смолы. Лики на образах, освещенные трепетным огоньком лампадки, словно улыбались и возбуждали благодать в душах вошедших. «Мир этому дому», - говорили земляки и рассаживались за большим столом. Когда все расселись, поднялся Румянцев Архип Васильевич и начал речь: «Уважаемые мои, хочу порадовать вас благой вестью – императору передали для подписи указ об отмене крепостного права. Я не согласен с решением вопроса о земле – слишком мало её дают народу, и та принадлежит общине. Лучшие земли остаются у помещиков, и стоимость их велика, редко кто сможет купить. Однако хорошо уже то, что люди стали свободными, а время внесёт свои поправки. Главное, чтобы было желание работать, а я буду вам помогать. Надеюсь, что поможете сыну моему стать настоящим, рачительным хозяином. Может так случиться, что и мне придется доживать век свой с ним, среди вас». Поздравив молодых, в меру выпив и поев, гости разошлись по домам, ибо маленький Василий давал понять, что приём закончен, и он хочет спать.

Отец уехал, обеспечив сына скотиной, скарбом, орудиями труда и деньгами, на первое время. Выделены были Иллариону пахотные земли, пастбища и сенокосы. По хозяйству Ульяне помогал Клим, но она и сама стремилась войти в ритм крестьянской жизни. Любила стирать вымоченное в большом чане с водой, с добавкой золы и опускаемыми туда раскаленными камнями, бельё, которое источало тонкий древесный аромат и отличалось свежестью. Полоскать его она ходила на речку, что в ста метрах от дома. Спуск к реке был крутой, со ступеньками, усиленными перилами из жердей. Река подмыла берег, он стал почти отвесным. От большой глубины вода казалась чёрной, и создавалось впечатление, что пучина поглощает солнечные лучи и прячет их в водовороте.

Деревня Козино

К началу девятнадцатого века, на севере деревни жили Архиповы крестники - Рулёв Николай Васильевич и Копейка Игнат Сидорович. Следом за ними поселили Клима, а затем Лариона с женой. Через несколько лет из Пустого Подлесья пришел Щербаков Аристарх. Позже из лесов попросились Гореловы – муж и жена. К концу девятнадцатого века, пришли в деревню с четырьмя сыновьями старик со старухой, по фамилии Хрисанковы, украинцы или белорусы. Они обратились к Климу просить разрешения поселиться в деревне, поближе к лесу. Клим посоветовался с жителями деревни и разрешил построить дом у опушки, в двухстах метрах от деревни. Они, несказанно довольные, приступили к заготовке бревен. Козинцы им помогали. «Обществом» наняли двоих плотников и соорудили им колодец. В 1909 году Хрисанковы женили самого младшего, Данилу, на местной из хорошей семьи девушке – Фрузе. Павел и Демьян ушли на заработки, по слухам, под Смоленск. Дома остались старики, Никита и Данила с женой. Жили они дружно, трудились, очищали поле от мелкокося. Тайно вернулись домой Павел и Демьян. Жители деревни видели, что Данила зачастил в лес.

В то время к Климу зашли бродячие специалисты – шаповалы. Старший у них - Тарас. Они рассказали, что в деревне скрываются два конокрада. Недавно угнали четырех лошадей из деревни Паново, что недалеко от города Белый - прячут их здесь, где-то в лесу. Воров и лошадей они нашли. Старший вор - Павел, помощник - Демьян. Никита отошел от них, а Данила помогает. На тот случай, по деревне проезжал исправник из Июткино – молодой ротмистр Митя. Посланные Климом молодые деревенские ребята узнали, что в трёх километрах от дома, в густом ельнике, Данила прячет лошадей. Двое остались их сторожить, а двое прибежали к Климу. Клим, не мешкая, собрал двадцать мужиков. Дом Хрисанковых окружили и сообщили там собравшимся свою волю - всем

мужчинам выйти во двор. Хрисанковы бросились к лесу. На опушке была засада. Всех повязали. Появился жандармский ротмистр. Беглецов подвели к дому. Они на всех глядели исподлобья. Исправник, глядя на них, сказал, что преступники хорошо осознают, что их ожидает. В это время Павел сумел снять с ног веревку и побежал к лесу. Ему кричали: - «Стой!» Он уходил всё дальше. Исправник, не торопясь, достал из деревянной кобуры маузер, спокойно прицелился и выстрелил. Павел, словно споткнувшись, упал лицом в кочку. Лес был рядом. К нему подбежали односельчане. Павел уже не дышал. Собрались в круг. Решили: «Демьяна наказать сотней «полноценных» розог, а Данилу – пятидесятью щадящих, для науки». Жена его молодая, на сносях, стояла рядом. По распоряжению ротмистра Фросю увели. Данилу уложили на снятую дверь, привязали руки и ноги. Тарас сёк его прутьями. Данила вздрагивал, но не каялся. Хрисанковы не умели каяться и просить о пощаде. Клим отсчитал пятьдесят ударов и остановил экзекуцию. Подошла очередь Демьяна. Клим спросил его: «Будешь ли каяться?» Тот спокойно ответил: «Бейте насмерть, я знал, на что иду». Тарас, из последних сил, взмахивал прутом, просил у бога прощенья. Демьян испустил дух после восьмидесяти ударов прутом. Исправник Митя, огромным, белым платком, вытер текущий с лысины Тараса пот. Листар начал набирать воду из канавы, а Иван Ларионович затоплял баню – обмыть покойных. В стороне от толпы, наблюдал за происходящим Ларион Архипович Румянцев. Происходило это в 1910 году. Казнённых, Павла и Демьяна помыли в бане, одели в лучшие одежды. Иван Тихонович сколотил один гроб на двоих. Данила жаловался, что горит всё тело. Привели старушку, которая ставила ему примочки.

Обмывавшие тела покойников женщины проговорились, что те кастрированы. Тогда вспомнил Климентий слова Тараса: «Шелудивых котов» лишили возможности сеять семена». Фруза, напоив мужа молоком, отнесла его в сени, положила в полог. В тот день она ничего не ела. Присев рядом с мужем, гладила его по голове, притихла и незаметно уснула. Приходили родственники, звали домой - не пошла. Стали приносить еду. Данила пошел на поправку. Братьев, по повелению настоятеля церкви, хоронили рядом с павшим скотом, в церкви не отпевали. (В 1911 году Фруза родила мальчика – Ивана, через четыре года дочь – Евгению, в 1918 году – Егора.) Жили они бедно, помогали родственники, соседи. Земли было мало, но корова и поросенок были. Собирали «дары леса». Односельчане к праздникам приносили мясо, сало, яйца, зерно. Все жалели их, пытаясь понять, почему при равных условиях живут они хуже всех.

Как это было

Жизнь налаживалась. Ульяна с Василием сумели выплыть в бурном потоке жизни. Василий встретил будущую жену. Скоро свадьба. Память Ульяны воспроизводила картины житого. В её мозгу мелькали воспоминания: как брат её Иван, по просьбе отца строил им с Ларионом дом по образцу и подобию родительского в Босино. Он привлёк хороших мастеров: плотников, столяров, печников. Строил полгода. Все говорили, что - краше Боснийского. Свекор – Архип Григорьевич подарил им с Климом Иоткинскую вотчину – двенадцать деревенок и оплатил расходы на строительство. На первом году семейной жизни Ульяна забеременела Васей. Муж любил её, души не чаял. Ульяна была хороша собой. Сын походил на неё. Затем родились Мария и Иван. Они копировали отца. Первые годы жизни были сплошным праздником. Ларион поехал в Смоленск проведать отца, который болел всю зиму. Было тому далеко за шестьдесят. У отца пробыл не дольше трёх дней, торопился домой. Отец, с приездом сына немного поправился, и Ларион со спокойной душой распрощался. Домой он приехал через три

недели и вёл себя странно: ходил осторожно, боязливо, беспричинно смотрел по сторонам, домашними делами не интересовался.

Когда Ивану исполнился годик, Ларион пропал на два дня. Ульяна не знала, что и делать. Решили искать. На третий день, утром, открыв ворота, увидела лежащего человека. Присмотрелась и узнала Ларю. Занесли в избу, сняли сапоги, поддевку, брюки, переодели во всё чистое. Следов насилия не было, он был мертвецки пьян. Не зная, что предпринять, на исходе дня, привели старушку – знахарку и ворожею. Ларион был в глубокой прострации. Взгляд отсутствующий, никого не узнавал. Ворожея пробовала поговорить с ним, но не получалось. Посоветовала истопить баню, но не очень горячо, попарить его с мятой и девясилом, уложить спать и два дня не беспокоить. Когда придёт в себя, дать малый гранёный стаканчик русской водки, глаз с него не спускать, из дома не выпускать. Прошла неделя. Приехал брат Ульяны Иван Прокопьевич Шмырёв – купец 2 гильдии, пошёл к Лариону. Они беседовали сначала вдвоём, а затем пригласили Ульяну. Немного выпили. Ларя разговорился. Когда ехал он от отца из Смоленска, на полпути до деревни Босино, его обогнала тройка. В санках сидели люди. Ларя ехал один, особого внимания на проезжающих не обращал, но у корчмы большого села Починок увидел знакомый экипаж. У дороги стояло двое мужчин. Они попросили довезти их до деревни Босино. Ларион разрешил им сесть в санки и поехал дальше. Их догнала уже знакомая Лариону тройка. Проехали Босино, впереди – город Белый. У перекрестка рядом сидевший путник вырвал у Лариона вожжи и свернул на Татевскую дорогу. Ларион сказал, что ему нужно в город Белый и посёлок Монино, ему ответили, что знают его – он Румянцев Ларион Архипович – сын вельможи – дворянин, а потому ехать нужно в Егорье, к их хозяину. Если будешь сопротивляться, попросим помощи. Ларя одного за другим столкнул их с саней и кнутом по лошади. Конь рванул. Ларион оглянулся и увидел, что тройка догоняет.

Трое мужчин скрутили его и прибавили ходу. В стороне от деревни стояли два дома. Подъехали к первому и остановились. Из дома выбежал мужичок и спросил, удачно ли съездили. В санях заготовили: «У нас всегда удача». Ларю грубо поставили на ноги, спросили: «Сам пойдешь, или нести?» Двое крепких мужчин схватили его за руки и внесли в помещение. Спросили старуху: «Сам дома?». Та махнула на дверь в конце коридора. Оттуда вышел одноглазый карлик – маленький, горбатый мужичок. Потирая холёные руки, произнес: «Хорошо, хорошо, дворянское степенство к нам в гости». Старуха при этих словах плюнула в порог, а человек сказал амбалам: «Давайте его ко мне». Лариона понесли в глубину коридора. Через малозаметную дверь занесли в аккуратную, чистенькую комнату, с картинами местного художника. Поставили на пол, к стене с кольцами – кандалами для рук и ног. Привязали к ним и вышли. Вскоре вошел «карлик». Он улыбался и насвистывал Марсельезу. Представился: «Вы в организации социалистов – революционеров Северо – Запада России – эсеров. Нам нужны деньги, и много, для помощи нашим товарищам, томящимся в ваших тюрьмах. Вы должны помочь нам эти деньги у имущего класса одолжить. У нас нет желания применять силу, но другого пути нет. Этот способ проверен многими поколениями революционеров. Нам многого не нужно: здоровое питание, одежду и обувь, не принуждать работать через силу, голодать, мерзнуть. Несправедливо, когда одним всё, а другим ничего». Совесть Лариона признала, что одни привилегированы от рождения, а другие угнетаемы до смерти. Так будет очень долго. Вслух Ларион сказал, что на него, без вины, надели «браслеты», а ратуют за справедливость. «Карла» согласился снять оковы, если Ларион поведёт себя прилично. Постучал три раза в стену. Появился амбал. Карла приказал снять оковы.

Нехотя оковы сняли. Ларион поблагодарил и спросил, как зовут собеседника. «Пров Никодимыч»- ответил «Карла», - «Мы с вами знакомы давно».- «Зачем я Вам нужен» – спросил Ларион - «Хоть и дворянин я, но бедный, живу за счет своего труда, желаю Вам добра» - «Кто жена ваша», - спросил Пров. «Ульяна Прокопьевна Шмырёва», – ответил Ларион. «Так вот, с Иваном Прокопьевичем мы родственники, а у батюшки

вашего Архипа Григорьевича мой отец Никодим Лямин адъютантом был. Потом, по протекции отца вашего, назначили его смотрителем богоугодных заведений Смоленской губернии. Таким образом, родственники мы близкие, но отпустить «просто так» не могу. Могу помочь, если напишете, что разделяете взгляды эсеров- народовольцев и обязуетесь с нами сотрудничать». Ларион почувствовал слабость, впал в беспамятство. Пров отвёз его в соседнюю деревню, хорошо уплатил и наказал поставить на ноги. Эсеры спешно уехали, а Ларя очнулся через две недели, через неделю вернулся домой. Через полгода, летом, ехали цыгане, у дома Румянцевых остановились. Один постучал в калитку и спросил Лариона. Ларя узнал одного из своих мучителей, который передал привет от Прова и письмо от него. На словах – упрёк за отсутствие работы, непредоставление явок, наводок. Эсеры напоминали, что, если положение не изменится, отнимут вотчину. Ему оставят лишь право на пользование землей – как крестьянину. Ларя просил совета. Ульяна с братом поддержали его. Иван Прокопьевич обещал нанести банде урон и нанёс - часть бандитов сослал на каторгу. В их числе был Пров и один из «амбалов». Ларион жил теперь в вечном страхе. Доходили слухи, что продолжают убийства: - уездного почтальона с похищением мешка с деньгами, вырезали семьи зажиточных крестьян и унесли всё ценное. Ларион «предполагал», чья это работа.

Приезжал к нему ротмистр из Смоленска, спрашивал, почему у бандитов нашли обязательство с подписью Лариона Румянцева. Ларя рассказал, как он, возвращаясь от больного отца, схвачен был у деревни Егорьево и доставлен к горбатому человеку. Лариону угрожали, и он подписал обязательство, но ни на кого не доносил. Ротмистр согласился с Ларионом, но банда продолжала грабить и убивать. Время от времени присылали гонцов. Этот период был самым тяжелым. Ларион, от безысходности, начал пить, терроризировал Ульяну и Василия. По требованию банды, отказался от вотчины. Бандиты работали через подставных лиц – внешне богатых землевладельцев. Все было глубоко законспирировано. Лариону посылали записки, чтобы сидел дома тихо и не жаловался, иначе хуже будет. Ларион был деморализован, часто привозил в Козино развратных женщин, а Ульяну с Василием принуждал ухаживать за ними. Василий часто спал на конюшне или с другом Валетом в его конуре. Однажды к сестре заехал брат Иван и предложил брать детей и ехать с ним в Босино. Ульяна отказалась бросить Лариона и дом: «венчана» в храме Христовом, не может служить плохим примером детям. Судьба сестры не выходила у Ивана из головы.

Он решил выманить банду из гнезда. Поехал к хорошо знакомым, проверенным людям и просил у них помощи. Подобрал более двадцати человек с «берданами». Из деревень Шоптово и Щиздерovo присоединились ещё семь человек. Составили план действий. Случилось непредвиденное. Половой корчмы в г. Белом подслушал разговор двоих зажиточных крестьян, которые говорили, что Боснийский купец 2 гильдии – Иван Шмырёв собирает артель мужиков для поимки грабителей и убийц. Половой побежал в амбар, приготовил место для двоих мужчин, вернулся в корчму, подлил крестьянам спирту. Те опьянели. Он запер их в амбар, а сам побежал к бандитскому доверенному, который послал в Паново и Кавельщину предупреждение эсерам о грозящей опасности. В то же время, недоезжая двадцати километров до Босино, помощник Прова Лямина повстречался с Иваном Шмыревым. Иван, со своим помощником, его связал и допросил с пристрастием, затем погнал в Босино. Там третьи сутки его ждали бандиты. Ворота были открыты, Иван успел на полном ходу влететь во двор, под поветь. Закрыв ворота на засов, приказал домашним не подходить к окнам, спрятаться под пол. Сам, установил щиты на окна со стороны дороги, побежал на чердак. Преследователи стреляли по стенам и окнам. Иван отвечал через щели. Перестрелка продолжалась два часа. Все стихло ненадолго. Иван Прокопьевич услышал крики. Выглянув в щель, увидел, что улица заполнена людьми на санях. Иван узнал деревенских крестьян. Они заполнили его дом, рассказали ему, что прослышали про засаду и готовящуюся расправу над ним. Угощая спасителей, Иван Прокопьевич спросил у них, куда подевались четверо стрелявших по его дому. Староста

села Починок, организовавший крестьян - защитников, ответил, что они, все четверо, повязаны и лежат в санях. Теперь распоряжайтесь Вы.

Оглядывая спасителей, Иван проговорил: «Дубов - старшим. Покрепче свяжите их, укройте соломой и на двух санях - розвальнях доставьте к ротмистру, в Смоленск. Мы, двумя отрядами, по двенадцать упряжек, поедем в кавельщинский и пановский лес. Скоро стемнеет. Проверьте оружие. В людей стрелять нельзя. Если будут сопротивляться и убегать, стреляйте по ногам. Главное - выловить бандитов и их подручных. С ними корчмовщики. Их тоже к следователю». Охота на бандитов, а может быть эсеров, прошла успешно. Все были выловлены, переданы ротмистру. Вскоре после событий в Босино, в ненастный зимний день, когда колючий ветер бросал в лицо, словно пригоршнями, снег, Василий ждал отца. Около него вертелся пёс - Валет. Колокольчиков отца не было слышно. Вася хотел обогреться в избе, однако неожиданно рядом они затрезвонили. Василий кинулся открывать ворота. Едва успел, в просторный двор влетела тройка. Из санок послышался визг и хохот женщин, нецензурная брань. Просвистел отцовский кнут, Вася увернулся, бросился распрягать лошадей. В теплой конюшне протёр их спины сухой тряпкой, укрыл попонами и водил по двору, потом положил им клевера, насыпал в «лакомку» овса, а затем дал по ведру тёплой воды.

Из дома послышался отцовский крик: «Васька, рохля, живо разводи самовар, да стружек не сыпь, а на углях - гости мои чаю откушать хотят!». Когда Вася принёс в комнату кипящий самовар, на скрипке «пиликал» бродячий скрипач, а пьяные женщины пытались петь надтреснутыми голосами. Василий вышел во двор, услышал храп лошадей. Валет залился лаем. Из-за ворот приказали унять собаку и открыть ворота. Вася отвел пса на конюшню и распахнул воротины. Мимо него прошли трое высоких, статных жандармов в чёрных шинелях, с наганами и саблями на бедрах. Колокольчики шпор позванивали в такт шагам. Открыли дверь в зал. На столе шумел самовар, блестели эмалью блюда с зелеными цветами, белела сахарница с наколотыми кусочками сахара. Первый великан прокричал, глядя в бумагу: «Дворянин Румянцев Ларион Архипович! Вы арестованы. Не вздумайте шутить, живо собирайтесь!». Василий, стоя у дверей, увидел, что отец бросился в спальню и закричал: «Прости меня, Ульяна, если сможешь, за мои гадости и подлости! Прощайте, детки мои дорогие: Вася, Маша, Иван. Спаси и помилуй вас Господь». Жандармы не мешали ему. Не сводя с него глаз, молча, всё перерыли. Отец помолился и протянул им руки. На руки и ноги ему надели кандалы, накинули пальто, надели шапку, вывели из дома, посадили в санки, привязали к ним, укрыли соломой и - плетью по лошадям. Тройка рванула с места. Лариона радовало окончание бандитского террора, но пугала неизвестность. Просил Бога об одном - иметь возможность снова увидеть родных. Прошло более ста лет. Хочу разобраться, что произошло с Ларионом, явилось причиной его деградации. Виноват ли он и что можно было сделать? Дочь его внука, Данилы - Матрёна не могла его помнить. Он умер в год её рождения - в 1918. Её суждения основаны на народной молве, которая не всегда справедлива. Говорить о Ларионе она не хотела, считала, что он был жестоким человеком, грабил честных людей, банки и церкви. Родственники стыдились родства с ним. По воспоминаниям Василия Даниловича, который слушал рассказы Ивана Ларионовича и его жены Александры, Ларион был добрым, мягким, человечным. Члены боевой группы эсеров сломали его самолюбие, растоптали нравственность. Люди его круга отвернулись от него. Чтобы как - то поднять свой авторитет в своих же глазах, он не нашёл ничего лучшего, чем компанию бывших людей: артистов, музыкантов, литераторов. Приводил их в дом, чтобы показать им плоды труда, не своего, а жены и детей, и, услышав похвалу, почувствовать себя человеком. Сегодня трудно понять, почему его не защитила хваленая царская охранка. Видать, что хвалить её было не за что. Могло случиться, что после подарка Иваном Прокопьевичем неуловимых бандитов и доказательств их вины, жандармы не удержались и внесли свою «лепту» - добавили хоть и невиновного, но очень уж подозрительного своей простотой Лариона. Сегодня трудно судить, а тем более

доказать, как всё было. Смоленские архивы - в Вашингтоне. Авантюрно надеяться отыскать сведения о родственнике, хотя желание велико. Может быть, Отец наш Всевышний, на примере судьбы Лариона, задолго до октябрьского переворота, показал людям будущее России? Он как бы говорил: «Люди, не верьте лживым обещаниям. Нет чуда в табакерке, идите общей со всем миром дорогой - людей и честь храните». Лариона увозили в неизвестность – на каторгу. Дома оставались любимая и любящая жена Ульяна, сын Василий, дочь Мария и сын Иван. Был суд в Смоленске. Судили их как разбойников. Непосредственно грабивших и убивавших приговорили к виселице и четвертованию, а Лариону присудили 10 лет каторги с высылкой на остров Сахалин. (обвенчались Ларион с Ульяной в 1857 году, сын Василий родился в 1858 году, дочь Мария – в 1864 году, сын Иван в 1867 году. Ларион родился в 1828 году, Ульяна – в 1830 году. Судили Иллариона - в 1868 году. Ему было сорок лет).

Вся тяжесть выживания лежала на Ульяне. На небольшом клочке оставшейся земли они вместе с Климом и стойким помощником Василием выращивали зерно, картофель. Для обеспечения кормом коровы, нанимались на сенокос к помещикам и богатым крестьянам. Помогали козинцы. Отец Иллариона Архип сначала пытался защищать сына, но побежденный неопровержимостью улик - сник, заболел, а после суда умер. Тогда железной дороги не было. Осужденных гнали по Сибирскому тракту пешком, под охраной стражников на лошадях. Колонна осужденных извилистой, длинной змеей, тяжело ступая по разбитой липкой грязи, медленно продвигалась вперед. Охрана имела сравнительно терпимые условия существования. Им готовили завтрак и ужин на полевой кухне, обед выдавали сухим пайком. Продукты хоть и консервированные, но съедобные. Спали в палатках. Каторжане были в ветхой, изношенной одежде, практически без обуви. Фельдшер с ними был, но на заключенных внимания не обращал. Все это, как и жестокость охраны, способствовало болезням и смертности. Особенно тяжело было в холодное время года, когда измученные переходом люди падали на мерзлую землю и засыпали тяжелым сном, смертельно усталого человека. Согревали их костры и лежащие рядом товарищи. Утром, за пищей к полевой кухне, приходили далеко не все. Многие умирали и примерзали к земле. Выпив свою порцию щей из мерзлой капусты и такого же картофеля, изгой общества строились в колонну. Они проходили мимо мертвых, сняв арестантские шапочки и крестясь, под щелканье хлыстов неумолимых охранников. Многие не могли далеко уйти от места ночлега, падали на дорогу, под ноги товарищей, устремив взгляд слезящихся глаз в небо, надеясь увидеть там сады и чертоги рая. Их тащили на обочину и пристреливали. Высокая смертность приветствовалась и даже поощрялась. Делалось все для уничтожения арестантов. Если же, несмотря ни на что, заключенный одолевал переход и оставался жить, вступал в силу указ министра внутренних дел, предписывавший после истечения срока наказания, задерживать его на острове неопределенно долго. Добравшись до океана, заключенные расположились в портовой тюрьме. Ждали баржу, для продолжения пути.

Наконец, исторгая из трубы клубы черного дыма, она подошла. Причал соединили с её бортом грязным дырявым трапом с обветшавшими перекладами. Начальник конвоя взмахнул рукой и колонна арестантов, поддерживающих друг друга, начала подниматься на борт, заняла трюм. Южный ветерок гнал к правому борту мелкую рябь волн и немного её покачивал. Заключённые, сморённые погрузкой, опустились на настил и задремали. Прощально просигналив, баржа «зашлёпала» по воде лопастями ходовых колес. Мимо проплывали портовые постройки и изогнутые клювы кранов. «Скоро конец странствиям», - подумал Ларион, устраиваясь на полу баржи. Проснулся, когда лучи солнца уже не светили в лицо, вечерело. По левому борту, в сумрачном мареве брызг от тяжелых океанских волн, разбивающихся об острые прибрежные камни, угадывался берег. Подошли ближе. Между гребнями свинцовых волн и зеленью сосняка на косогоре желтела полоса прибоа с оставленными приливом дарами океана: остатками

разбитого волнами судна, стволами деревьев, мёртвой рыбой и кочками морской капусты. Природа разместила вдоль побережья острые зубья ставших камнями скал, которые успокаивали океанские волны и делали бухточку спокойней. Послышалась команда: «Румянцев - на выход!». По веревочной лестнице Ларион опустился на дно шлюпки. Там сидели двое стражников и работник прокуратуры. Там же лежали два мешка с царскими «подарками». Найдя проход между камней, причалили к берегу. Конвойные выгрузили мешки. Все четверо, скользя ногами по мелкой, омытой прибоем гальке с морскими водорослями и мертвой, разлагающейся рыбой на них, поднимались в гору. Остановились в сосновом бору, метрах в ста от берега, около остроганного соснового столба с цифрой десять на вершине. На север и на юг, вдоль берега острова, от него отходила метровой ширины просека. Прокурор сказал: « Вот здесь вы, товарищ Румянцев, будете жить. Вы хотели свободы и демократии и никакого насилия. Этого будет в избытке. Мы поможем вам построить индивидуальный дворец – землянку, оставим подарки царя: мешок съестного и семян, для будущего урожая, мешок с инструментом и кухонной утварью. Через десять верст на этой просеке столб с номером одиннадцать, там будет другой «демократ». Можете наносить друг другу визиты, только не знаю, долго ли протянете. Каждый год будем вас навещать, удостоверяться, живой ли. Подарки императора передавать будем, если будете нуждаться. Однако помните, если обнаружат вас за пределами зоны, расстрел на месте, без суда. Лариону дали лопату. Он с двумя конвойными выкопал яму в два аршина глубиной на бугорке у сосны, чтобы водой не подтапливало. Землю сложили в метре от ямы. Нарубили кольев на стойки и жердей на перекрытия. Соорудили каркас и связали липовой корой - лыком. С недалекой поляны принесли дёрна, уложили вниз травой на крышу, обложили стены. Оконце оставили. Внутри соорудили топчан и столик с лавкой. Даже дверь в новом доме соорудили. Оставалось из лапок сосны и мха сшить одеяло – и жить можно. Посмотрели сопровождающие на горемыку и распрощались, как с покойником. Видать, по опыту знали, что долго не проживёт. «Мучители и истязатели» уходили. Глядя им вслед, Ларион прощался хоть и с нелюбимым, но устоявшимся образом жизни. Вспомнил свою жизнь, понял, что самостоятельно никогда не мыслил. Родился в дворянской семье. Видел, что его родителям, родственникам и ему оказываются всевозможные почести. С младых лет привык, что знакомые и родня восторгались его способностями и понятливостью. Привык к своей исключительности, поверил в неё. Он надеялся, что проживет свою жизнь подобно отцу – смотря на всех с высоты своего положения, не понимал того, что отец это заслужил трудом, умом и отвагой. На поверку вышло, что от отца он перенял лишь высокомерие. Не помог ему Архип Григорьевич закалить характер, любил, видать, излишне. В результате сын, когда столкнулся с народниками, не смог им противостоять, оказался слабым. Ульяна понимала его, а Василий понять не смог.

Природа пробуждалась. В сосняке цвели ранние цветы, на концах сосновых ветвей появлялись молодые побеги. Приятно пахло смолой. Поодаль, в заболоченной ложбинке, протекал ручей. Рядом с ним облюбовали место красавицы ели с огромными шишками на вершинах. Там Ларион находил подосиновики, подберезовики и даже боровики. В ельнике, как и в сосняке, ковром цвели: брусника и черника. Обходя границы владений, на берегу океана обнаружил он часть корпуса растрепанного бурей баркаса с железной обшивкой. Изрядно потрудившись, извлёк из неё железный стержень, скобы, доски. Это позволило ему соорудить приличный стол, сложить очаг для обогрева и приготовления пищи, благо глину обнаружил он в русле ручья. По ручью шла горбуша на нерест. Изготовил примитивный норот. Начал ловить её впрок. Приспособился ставить петли и промышлять мелких грызунов. Прошло лето. В

октябре с неба, кружась в причудливом танце, падали снежинки, похолодало. Одежда не грела. Ночами донимали простуженные ноги. Что самое неприятное - не встретил Ларион своих соседей, хотя искал их не единожды. Видно, не послушались «приказа» и ушли куда-то, либо не смогли приспособиться к реалиям жизни и погибли. Однажды утром, когда снег звучно скрипел под ногами, возвращался Ларион с охотничьей тропы (силки для белок проверял). Добыча была более чем скромной. Петли опять опустошены. Приспособилась, видно, лиса проверять их раньше его. Унесла двух. Провиант закончился, остались сушёная черемша да сосновые почки – чай заваривать. Неожиданно метрах в ста от своей землянки заметил он, что от неё удаляются два низкорослых, коренастых человека, в «малицах» и с длинными чёрными волосами, спадающими с плеч. Орочи, подумал Ларион, местные коренные жители. Народ они скромный, трудолюбивый, мирный. Он и раньше видел их, но близко его не подпускали, уходили. Заторопился домой. Входная дверь была приоткрыта. На столе лежало много рыбы и местные деликатесы: морская капуста, кальмары, крабы. Ларион повеселел, понял, что умирать рановато, можно ещё пожить. На следующий день к землянке подошли орочи. Их было много. Они встали в круг, внутрь встал шаман, с костяшками на шее. Под мерные звуки бубна начался танец. Постепенно ритм убыстрялся. В круг вошла молодая девушка в малице, в мокалинах и красивом головном уборе. Ларион понял, что её привели ему в жертву. Не выдержав, открыл дверь. Гости пали на колени.

Так Ларион стал их главным богом. Постепенно привык, освоил их язык, обычаи, бывал в стойбищах. Помогал. Ему рассказали, что за ним наблюдали с момента прихода баржи и решили, что он и есть их верховный владыка. Ларион только смотрел и многозначительно молчал. Так прожил он с ними тридцать шесть лет. Каждый год приходила баржа, проверяли, жив ли он. Он был живой и здоровый, бежать не хотел. Позже, когда жил у сына своего Ивана, тот интересовался причиной столь долгого наказания отца. Ему ответили, что в те времена существовал негласный приказ министра внутренних дел: таких, как Ларион, уничтожать, а самых стойких держать на каторге, пока не умрут. События 1905 – 1906 годов принудили царя Николая-2 отменить этот приказ, объявить амнистию. Перед описанием Сахалинской ссылки Лариона Архиповича, автор этих строк изучил исследования Антона Павловича Чехова опубликованные в повести «Остров Сахалин». Прошёл с ним по берегам острова, «сплавлялся» в челнах по рекам, беседовал со старожилками и каторжанками. Пытался хоть что – нибудь узнать о судьбе прадеда, но великий писатель не хотел (или не имел права) публиковать правду о таких людях. Царствующие особы их боялись, даже закованных в цепи, даже мертвых. Однако Антон Павлович остался до конца честным. В конце повести оговорился, что были на острове люди не согласные с режимом личной власти, но их держали в одиночестве и делали все, чтобы умертвить, либо не выпускать с острова.

Зимой 1907 или 1908 годов брат Василия, Иван Илларионович, поехал в деревню Прудня навестить родную сестру Марию. Домой собирался вернуться после обеда. Когда в обед во дворе он запрягал лошадь, увидал, как на большаке, посреди деревни Прудня, остановилась упряжка с разъездными саночками. С них сошел высокий согбенный старик, а упряжка укатила обратно. Старик направился к дому Ивановой сестры Маши. Пройдя мимо запрягавшего лошадь Ивана, поклонился ему, взошел на крыльцо и исчез в сенях. Немного погодя, Иван услышал громкий плач сестры. Недоумевая, что могло произойти, он побежал в дом. Там увидал плачущую Машу и старика, который гладил её по голове. Сестра воскликнула: «Ваня, это же наш тятя!». Домой Иван приехал в четвертом часу. Люди видели, что рядом с ним сидит похожий на него старик. Посмотреть на гостя

пришло много народу. Он сидел и разглядывал всех. Вдруг увидел идущего по дороге мужчину средних лет. Он спросил: «Кто это?» «Сын твой Василий сюда направляется», - ответили ему. Ларион на четвереньках пополз к порогу. Вася, переступив порог, увидал отца своего, который говорил ему: «Вася, сынок, если сможешь, прости меня. Я не думал, что так получится. Прости ради Иисуса Христа и всех святых!». Василий помолчал, посмотрел на отца и сказал: «Почём ты там не издох, зачем пришел?» Отец плакал, а Вася повернулся и ушёл. Был суд, присудили Василию выделять по десять рублей ежегодно на содержание отца. Приютил его Иван. Прожил Ларион девяносто лет, дождался новой власти и умер в 1918 году.

МУЖАНИЕ

К тому времени Василий Илларионович стал человеком состоятельным и уважаемым. Достиг всего трудом своим. Не забывал он, как в Иоткинской церкви подошел к нему промышленник Андрейзен Эдуард Францевич, с приглашением посетить его усадьбу, на крутом берегу реки Межа, в деревне Нелидовка, в ближайшее воскресенье. Понравился ему сметливый, молодой человек, отроду которому 16 лет. Таких приглашений раньше Василий не получал, потому надел лучшую одежду, подошёл к матери за благословением и отправился в Нелидовку. Хозяин встречал его у ворот, поприветствовал и пригласил в дом. Прислуга принесла по чашке хорошего чая. Отхлёбывая маленькими глотками, повели разговор. Речь пошла о пойменных лугах у деревни, богатых отличными травами, которые снабжали поместье сеном. Раньше для этой работы «Барин» нанимал деревенских мужиков, но этим летом они замешкались в другой деревне, обещали приступить со дня на день, но время шло - трава грубела. Василий Ларионович был «симпатичен» Эдуарду обязательностью, силой и серьезностью в любом деле. Начал с вопроса об отце, которого знал. Василий ответил, что вестей нет, и они не знают, жив ли он. «Да, - посочувствовал собеседник - тяжело вам приходится, но я помогу. В счёт оплаты за заготовку качественного сена с нелидовских лугов и в счёт моего долга отцу твоему, выделю гектар леса, что на кургане за деревней Прудня. Хороший, гонкий лес». Представил Василий этот луг, густую траву, там растущую, труд, который нужно будет затратить, но согласился. Тяжесть проблем, которые поставила перед ним жизнь, вынудила его торопиться взрослеть. Он умел хорошо косить, обращаться с лошадьми, пахать и плотничать, готовить лес. Брали его на прогон плотов с лесом в Ригу. Выхода не было. Он искал сложных дел и радовался, когда осиливал их. Видимо, помогала закваска деда Архипа - настырность и большая физическая сила.

В те времена договоров не писали, верили слову. Сказано – сделано. Дома Василий потрепал по шее Савраску, поправил сбрую, телегу, положил в мешок веревки, расклинил грабли, отбил косы, положил в телегу холстину для шатра. С помощью матери он собрал в ведро и повесил в колодец творог, сметану, масло. На следующий день, ранним утром, Василий запряг Савраску, положил на телегу инструмент, полог, посуду, продукты и отправился на покос. Погода выдалась ясной, ветерок едва шевелил листья на деревьях, на дороге что-то подбирали воробьи, в траве стрекотали кузнечики.

Наступала вторая декада июля, нехотя шевелили лысыми головками одуванчики, с отцветающих трав легкими облачками слетали семена, чтобы будущей весной зачать травы вновь. Подъехал к ручью «Блодинец», невольно посмотрел на обещанный участок леса и представил, как будет там работать. Господь увидел его ум и порядочность и свёл с хорошим человеком. Участок идеально подходил для заготовки, сплава и подготовки плотов. Находящийся на возвышении лес с обеих сторон опоясывался ручьями, заливаемыми полой водой из реки. Образовывалась широкая протока, соединяющая эти ручьи с рекой. Узкий, длинный участок леса, полого опускался к ручьям, что создавало условия для формирования плотов. Сложность была в необходимости спиливать деревья

почти заподлицо с землей, чтобы пни не мешали скатыванию бревен. Валку деревьев пилой - двуручкой и приземление их в нужное место он освоил ранее.

Лошадь не спеша волочила телегу. Дорога шла берегом реки с крутыми берегами. С левой стороны к ней подступало льняное поле с голубыми, как глаза у местных девушек, цветами. Они, словно драгоценные камни, обрамлялись яркой зеленью льна. Незаметно, сосредоточенно задумчивый, Василий подъехал к лугу, украшенному жёлтыми лютиками. В начале следующего века на нем начнется строительство деревни, назовут её Прудней в ознаменование устройства запруд на поймах ручьёв, ее окружающих, предприимчивым Андрейзеном.

Справа от дороги к пойме реки круто спускался обрыв. Трава на лугах тяжело колыхалась под дуновением ветра, она казалась тяжёлой и непроходимой. Весной пойма от дороги до борковских огородов, наполнялась водой. Луг, в пятьсот метров в ширину и более километра в длину, покрывался бурлящим потоком с водоворотами, искрящимися на солнце. Поднявшись в гору, повозка с седоком приблизилась к просёлочной дороге. Скоро Василий будет помогать Эдуарду Францевичу в посадке по ее сторонам аллеи с молодыми березками. Начиналась она лиственницей от дома Андрейзена, а от деревни Нелидовка до деревни Прудня высадили березки. За аллеей ухаживал специалист из дворовых, огораживал их, лечил, берег от скота. Вот излучина реки, за которой начинался луг деревни Нелидовка. Впереди поросший ивняком пологий склон и искрящийся росой под лучами солнца травостой. У Василия захватило дух. На миг он опешил от красоты и объёма предстоящей работы, но справился с собой, привязал лошадь к стволу ольхи и направился выбирать место для шалаша, стоянки телеги, отдыха лошади. Стоянку он расположил рядом с рекой, под ивой с развесистой кроной. Соорудил очаг для костра и спальное место, накрыл его сучьями и травой. Толстый слой свежей травы прикрыл пологом. Невдалеке поставил телегу и привязал лошадь. Рядом с шалашом сложил инструмент: косы, грабли, вилы. На оказавшийся рядом принесённый весенней водой отрезок бревна приладил бабку для отбивания кос. По окончании этих работ приступил к косьбе. Коса легко входила в травостой, оставляя ровный прокос. Трава ложилась аккуратным валом. Солнце подходило к зениту, когда Василий направился к ложу в тени ивы и, накрывшись покрывалом, уснул. Видел сон, как во главе своих плотов несется по бурной реке, освещая путь факелом, фарватер угадывает чутьём. Впереди громоздятся пороги, нужно угадать один верный проход. Ошибка – смерть. Он неоднократно видел этот сон и просыпался каждый раз, когда плоты подносило к порогам. Перекусил, отбил косу, в 17 часов встал в прокос. В первый день удалось выкосить около семидесяти сотых гектара, даже сам удивился своей прыти, но тело болело, руки отяжелели. Умылся в реке, поел каши с маслом, напился чая с чагой и улёгся отдыхать. Солнце ещё не закончило дневной путь, но под ивами было сумрачно. Натруженные мышцы постепенно расслаблялись, отдыхали, сон закрывал глаза. Проснулся с рассветом. Солнечные лучи сквозь ветви ивы светили в глаза. Искупался, размял тело, поел молока с материнскими оладьями, вновь взялся за косу. В тот день до обеда скосил он меньше вчерашнего, сказывалась усталость. Ближе к полудню навестил его хозяин. В лёгкий изящный тарантас был запряжен стройный конь с огненной гривой и тонкими ногами, а на козлах сидел стройный мужчина с бородкой и щегольскими усами. Тепло поздоровавшись, проговорил: «Не ошибся я в тебе, Василий Ларионович. Пришлю в помощь, для сушки сена, двух женщин из Нелидовки. Тебе одному тяжело, да и опасно, ненароком дождь испортит сено. Аромат потеряет». Присев на телегу, рассказал он, что приезжавшие к Нелидовым родственники поведали о казнях в столице, покушении на царя. Народникам хочется убить его, а царь всегда был опорой государства. Террор никогда не решал проблем, это не выход. Нужно дать народу образование, культуру и закон. «Кто казнён? – спросил Василий. «Дети важных персон. Одного, помню, Александром зовут. Отец - инспектор по образованию Симбирской губернии – Ульянов, из интеллигенции».

В 60-х годах появились недовольные существующими порядками - это недоучившиеся и уволенные из учебных заведений личности. Они не получили образования, нахватили верхушек социальных сочинений, но ничего не усвоив, задумали всё разрушить и создать на развалинах новую жизнь, которая приходилась бы им по вкусу. Сначала их было, слишком, мало, но число их быстро росло, от пустых разговоров перешли к заговорам, которые не удавались. Осмеливались покушаться на императора, но безуспешно. Наконец удалось. Первого марта 1881 года убили Александра II – великого реформатора, предполагавшего вынести на обсуждение Совета проект конституционной монархии, которой недоставало России.

Не прошло и часа после отъезда Эдуарда Францевича, а к покосу спешили две молодые женщины с граблями на плечах. Под палящим солнцем они начали разбивать подвяленные валы травы, а Василий отдыхал. Проснулся вечером, солнце клонилось к западу, лучи его уже не были горячими и колючими. Женщины ушли домой. Вечером следующего дня подсохшее сено нужно было собрать в копны, чтобы оно провялилось, перегорело, приобрело равномерную влажность и аромат. Если, просунув в копну руку, не ощущаешь влажное тепло, можно стоговать, в противном случае - копны растрясаяют и сушат вновь. По мере накопления готовых копен, сено стогуют. Из ближайшего леса подтягивают ветви и укладывают в основание стога, затем к гужу хомута привязывают веревку, обводят её вокруг копны и привязывают к другому гужу. Лошадь легко подтягивает сено к будущему стогу. Распределив копны по кругу, чтобы их можно было брать вилами и подавать на стог, зачинали основание стога. Василий подавал, а обе женщины раскладывали сено по кругу. Когда запас копён истощался, одна из женщин подтаскивала другие копны лошадьё, а Василий подавал на стог. По мере роста стога, результативность его работы снижалась, но и дальность перемещения копен увеличивалась. Вилами с длинным черенком, равномерными взмахами, Василий подавал сено на стог. Аромат трав кружил голову, работа возбуждала, наливались силой мышцы. Подавая на стог и укладывая сено, он невольно видел стройные, загорелые ноги. Их вид кружил голову, и он смущенно отводил взгляд. Более двух недель воевал Василий на этом лугу. Однажды, в дождь, побывал дома, в баню ходил, понежился на чистой постели. Последний стог сооружали в присутствии хозяина. Он стоял в стороне, любясь ловкими движениями Василия и женщин. Вдалеке, где деревенские огороды примыкали к реке, белыми стенами и черепичной крышей выделялся его дом. Перед ним, словно былинные богатыри, подбоченясь стояли грушевидной формы стога. Василий Илларионович постиг искусство стогования. Издали они казались выточенными на станке: с овальной вершиной, гладкой поверхностью, уширением на двухметровой высоте, для устойчивости и малой площадью соприкосновения с землей, с целью снижения отходов. Когда укладчица по веревке спустилась на землю, подошел хозяин, поблагодарил и пригласил всех к себе. Дома гостей ждали. В большой русской печи в чугунах томилось парное мясо, на сковородах желтела жареная форель из говорливой речушки Межа, щи напоминали о себе сытным ароматом ранней капусты, свеклы и острых приправ. В заварочном чайнике набирал аромат хорошего сорта чай. Рядом со столом, во льду, стояло две бутылки: вино для женщин и наливка для мужчин. Жена с дочерью помогли женщинам привести внешность в соответствие, а Василий красив был своей молодостью. Поначалу гостей стесняла непривычная обстановка, белые скатерти и салфетки, но после первой рюмочки женщины осмелели и наперебой хвалили хозяина и своего руководителя Василия, желали им удачи в делах. В конце ужина высказался Андрейзен: «Навещая вас, я словно окунался в атмосферу своей родины. Вы так же немногословны и работящи, как мои земляки, для которых главное - слово и дело. Я не ставил целью своих посещений контроль над вами, а любовался вашей работой. В том, что договор наш будет выполнен в лучшем виде, был уверен. Так выпьем эти прекрасные напитки за честных, красивых, работящих русских людей, чтобы без потерь прошли они по сложному жизненному фарватеру и сохранили прекрасные черты. Тебе, Василий,

скажу, что готов помогать, когда это потребуется». На прощанье вручил купчую, заверенную нотариусом, на обещанный лес, рассчитался с помощницами. Проводив гостей до ворот, Эдуард Францевич попросил Василия задержаться и сообщил ему: «В ближайшие годы начнутся проектно-изыскательские работы по строительству «чугунки» - железной дороги Рыбинск – Виндау, являющейся продолжением Транс – Сибирской магистрали, для связи промышленных районов России с портами Балтийского моря и торговли с Европой и всем миром. Будут решаться земельные вопросы. Когда начнутся работы и заключение контрактов, скажу дополнительно, а пока готовься: создавай капитал, закупай орудия труда. В первую очередь начнут подготавливать полосу отвода, вырубать кустарники и лес, корчевать пни, отводить воду. Ты смекалистый, поймешь, и специалист будет – научит». Домой Василий возвращался в приподнято-тревожном настроении, понимал он, что ждут его сложные времена, потребуются усилия, чтобы воплотить в жизнь задуманное. Выхода нет, он должен их преодолеть. Сестра – подросток, малый брат, мать, надорвавшаяся на работе. За них он в ответе.

В те годы по реке Меже ежегодно сплавлялось около 1200 плотов. На реках, как на современных автотрассах, имелись единые правила и графики движения. На каждую партию плотов назначался ответственный староста, который перед сезоном держал экзамен на знание правил сплава и действий в разных ситуациях: при авариях, разборке завалов, порядке движения. Старосты имели право и были обязаны обучать плотогонов, их слово было решающим при утверждении тех в инспекции. С одним из таких старост, жителем дер. Дулево договорился молодой Василий Ларионович об обучении этому ремеслу. Яков учил его плотогонному делу: формированию сплотов, гонков, оснащению их канатами, лодками, якорями, воротами для подтягивания. Каждый плот должен быть хорошо связан, оборудован двумя веслами, на корме, одним в голове и запасным, доской с надписью номера плота и фамилии владельца. В комплект должны были входить: две причальные скобы, два орала, два шеста, два топора, будка для очага и продуктов, доска с колотушкой, используемая ночью и в туман, манишка (белый флаг для отмашки), два фонаря, запасные жерди для подкрепления плотов. Устроил Яков ему и экзамен. Василий успешно его выдержал, чем удовлетворил самолюбие учителя.

Чтобы не терять время в зимние холода, Василий летом вырубил подлесок и сложил в кучи, чтобы осенью сжечь. В те засушливые годы по округе выгорели большие площади лесов, потому выполнение требований пожарной безопасности постоянно проверялось. Уложив покаты для скатывания деревьев и формирования плотов, он принялся за заготовку сена. Сенокосы были не близко, в деревне Гвоздово. Работать пришлось одному. Стоговать помогал Клим. Погода не подвела, к Покрову, к зиме подготовились. В амбарах – зерно, в сараях – сено, в подполье – картофель, капуста и другие продукты. Коллективные походы в лес обеспечили семью черникой, клюквой, ежевикой. Василий приучал к труду сестру Марию и маленького Ивана, в уборке зерновых и заготовке картофеля помогал брат отца - Климентий и соседи.

К середине ноября поля запорошило, вершины елей стояли в белых шапках. Лесная подстилка, застывшая под лёгким морозцем и покрытая порошей, похрустывала под ногами. Наточив топоры и пилу-двуручку – подарок Андрейзена, отправился Василий в лесосеку. Разработку начал с южной стороны. Деревья укладывал поперек подготовленных лежней, обрубал сучья и стаскивал в кучи, для сжигания, длинные гибкие складывал отдельно, для распаривания и вязки плотов. Для этого годились березовые и рябиновые, стволы лещины. Бревна перекатывал колом – двухметровым еловым стволом шести - десяти сантиметров в диаметре. Для перетаскивания очищенных от сучьев брёвен привез на лесосеку сплавной ворот. Под навесом подвесил на цепях большой чан для распаривания сучьев. Когда выдавалось время, приходила мать с сестрой и маленьким Иваном, приносила варево и угощала сына, ласково поглаживая по мокрой голове, похлебкой с недавно забитым петухом и ароматным чаем из ягод рябины и березового гриба – чаги. А как приятно надеть принесенную матерью сухую, отбитую

вальком и прокатанную «рубихой» рубаху. Мать помогала стаскивать в кучи сучья и сжигать их в кострах, протаптывала пути отхода при валке деревьев.

Когда оставалось переместить часть хлыстов к местам сплотки и связать, Василий, двигая хлыст, удивился его перемещению. Он скользил, благодаря отсутствию коры на стволе, необычно легко. Маленький Иван, залюбовавшись красотой действий брата, подошел близко к тому хлысту, не рассчитав, что комлем его может прижать к лежню. Времени на раздумья не было. В два прыжка Василий оказался впереди бревна, заложил под него вагу и потянул вверх, чем предотвратил беду. В глазах потемнело, почувствовал резкую боль в паху. В образовавшейся щели обозначились кишки. Хорошо, что рядом оказалась мать, которую в детстве обучили оказанию первой медицинской помощи. Она уложила Василия на постель из хвои, осторожно вправила внутренности в брюшину и стянула её тканью. Осторожно ступая, пришёл Василий домой. Назавтра мать поехала в Иоткино, к фельдшеру, упросила помочь больному. Осмотрев Василия, тот сказал, что помочь можно, но тяжело работать уже нельзя. Приложив к грыже медную пластину, прибинтовав её, наказал ограничивать усилия, чтобы не увеличить разрыв мышц, не допустить ущемления внутренних органов, не вызвать омертвление тканей. Наступил март. Работы оставалось много, а помощи ждать неоткуда. Все готовились к сплаву. Мать посоветовала просить Клима. (Хоть и мучил того радикулит, но он не откажет). Она помогать будет. Общими усилиями справились, и к нужному времени плоты, готовые к сплаву, ждали большой воды.

Плотогоны подвергались опасности: плоты могло посадить на мель, разбить о камни, если не сумеешь пройти пороги, могут разойтись связки, если неграмотно свяжешь бревна. Купание в холодной воде никому не приносило пользы. Даже если благополучно дойдешь до Риги, не ограбят в пивной или на улице, опасность подстерегала по дороге домой. Сплавщики собирались ватагами, шли пешком, ночуя в придорожных рощах, выставив охрану. Перед сплавом обязательно посещали храм, просили у Господа благословение. Ходил в Иоткинскую церковь и Василий. Там собирались плотогоны и их родня, молились, давали обеты. Из группы женщин деревни Голаново, ощутил Василий пытливый взгляд, который чувствовал и раньше, но тогда девушка отводила глаза, а теперь не отвела и смотрела участливо - подбадривающе. Подойти Василий постеснялся, удержала природная скромность, но высокую, стройную девушку, с карими глазами и копной вьющихся волос, запомнил. Её улыбка подбадривала его.

Гонки у Василия были плотно увязаны и ладно скомпонованы (не зря учился он у бывалого старосты!) Инспекция определила ему, как имевшему некоторый опыт прохождения порогов, место в главе колонны. Хоть лесу у него было немного, но одного отпускать не согласились. Весной вода заполнила поймы ручьев и подняла плоты. Помочь их сплавить в Ригу согласились шестеро земляков. Сидя в шалаше на головном, плоту вспоминал Василий бледное, улыбочное лицо матери, когда она провожала его в плаванье и говорила: «Вася, сынок, береги себя. Ты нашей семье защита и опора. Держи на плотах порядок строгий, людей не обижай. Оплату дай им достойную. Они тебя уважат и защитят». Однажды, ещё до сговора о найме, Василий случайно подслушал беседу будущих гонщиков плотов. Они совещались, какие условия ставить хозяину, какую цену брать. Старший из них, дед Прокоп, лысый, сторбленный, малоземельный мужик сказал: «Дело наше - братья или не братья. Знаете сами, если позовёт, люди к нему прибегут. Этот парень – Васька Ларченок, хоть и молодой, но лицо имеет многообещающее, не обманчивое. Что сам пообещает, на то согласимся». В разговор вступил Степан Табун, здоровый, сорокалетний мужик, разведённый мировым судьей с женой Меланьей за безалаберность и ленивость. «Ты, Прокоп, наверное, метишь этого Васю к себе в зятя заманить, только ничего у тебя не получится. Когда повзрослеет, он с тобой разговаривать не будет». Прокоп улыбнулся и говорит: «Как тебя, Степан, земля держит? Родные у тебя - четырех орлов, а ты треплешь, как корова хвостом. Дети твои

при живом отце сиротами растут». Молодой мужик Кузя, зять мельника Власа, подытожил: «Мы должны стараться». «Я верю этому человеку, как самому себе - сказал Прокоп - завтра в путь, ждать больше нечего». Когда мужики ушли, Василий, в темноте проверяя крепление плотов к берегу, увидел в стороне одинокую фигуру. Вгляделся, узнал Табуна – сомнительного и непредсказуемого, обладавшего огромной физической силой. Подумав, Вася сошёл с плотов и подошел к нему. Степан ходил ранее в Ригу, имел опыт. Он пододвинулся к Василию: «Что, боишься? Не бойся. Мужики - настоящие, не подведут. Сам будь внимательным. В будке не отсиживайся, смотри за всеми. На первом плоту поставь Прокопа и меня. Не подведем. На втором - Кузю и Петра. Сергея с Акимом на третий плот». «На одном из плотов пойду я - сказал Василий. - Днем пойдем, ночью отдыхать. Пятьсот пятьдесят километров за десять суток пройдем». Пришли в будку. Василий полез в кошель, достал литровую бутылку, налил гранёный стакан и подал Степану, положил перед ним хлеб и кусочек сала. «За удачу, помоги нам Бог!». Степан, не ожидавший такой щедрости, аккуратно выпил и улегся спать. Наутро, проснувшись, увидел Василия, расхаживавшего по плотам и проверяющего крепление будок для укрытия от дождя и для ночлега, запас сухих дров. Над водой и над зарослями ивняка пушистым одеялом расплзался густой туман. Он не благоприветствовал сплаву: можно было наскочить на отмель. Южный ветер рассеивал его. Из деревни подошли Прокоп и другие гонщики. Василий попросил проверить наличие на плотях рулевых весел, их крепление. Решили пробное путешествие совершить на первом плоту до села Монино, а оставшиеся закрепить надежно у «Блодинца». Затем вернуться и забрать их. Поочередно управляя плотом, добрались до сельца Монино, наняли там пролётку и поехали к оставшимся плотам, к ручью «Блодинец». Распределились по плотам, вывели их на русло потока и понеслись по течению. Засветло прибыли в Монино к первому плоту.

Монино – центр Монинской волости и трёх церковных приходов, ста пятидесяти крестьянских дворов. Крестьяне в большинстве малоземельные. Семьи нужно кормить. Коровы, овцы, лошади приучены были к сену, накошенному на мхах, а свиньям мох добавляли в пищу. Десяток «шинков» снабжал местных мужиков водкой в розлив. Монинцы заметили приставшие к берегу плоты. Из толпы вышли любители выпить даром. Василий решил ночевать в Монино, вопросы решить полюбовно. Сказал, что к толпе пойдет сам. Степан приказал всем оставаться на местах, пошёл один. Гостей встретил за восемьдесят сажень от плотов. О чем Степан с ними беседовал, Василий не слышал, но козинцы увидели, что все сняли верхнюю одежду, до рубашек, пожали Степану руку. Степан тоже пожал всем руки и поднял свою левую руку прямо вверх, а правую ладонь зажал под мышкой. Монинцы подходили и поочередно били кулаком по верхней части Степановой ладони. Пробила вся ватага – 13 человек, а Степан стоит. Настала очередь бить Степану. Он сбил 12 человек. Устоял только один – последний. Степан взял его под руку и подвёл к плотам, друзья его остались на месте. Оказалось, что привёл Степан Ефима - еврея, который знал Василия. Степан доложил, что требуется четверть водки. Василий дал Ефиму 2,5 рубля на три литра. Плотовщики улеглись спать, а Василий зарядил берданку мелкой дробью и прилёг в канавку. Ночь прошла благополучно. Пока плотовщики завтракали, Василий осмотрел снаряжение, крепления и, поев сам, дал команду отчаливать. Решили идти весь день до позднего вечера. Плоты мчались по стремнине, казалось, что они стоят, а деревни бегут мимо них, с машущими платками женщинами и босоногой детворой. Крестьянские дети бежали близко от берега, махали ручонками. Щеки их покраснелись, а глаза блестели восторгом. Плоты неслись вперед. Василий смотрел на берег и вспоминал свою жизнь восемь – девять лет назад. Он семилетний мальчишка, украдкой от отца, когда тот мертвецки пьяный спал под навесом, убежал смотреть на проплывающие плоты, бежал по берегу и мечтал встать во главе плота и мчаться навстречу теплему, южному ветру к далекой ливонской Риге – окну в Европу.

Сидя на лавочке, возле шалаша головного плота, вспоминал Василий, как заготавливал этот лес, валил деревья, скатывал к ручью, вязал в плоты. Тяжелее всего

ему давалась сплотка плотов. Один, бревна тяжёлые, поддержать некому. Пытался помочь малый брат Иван – четырех лет, загляделся на него Василий, чуть не убил хлыстом. С тех пор и носит перед собой паховую грыжу, словно рюкзак. В десяти километрах от устья реки Межи причалили к берегу на ночлег. Плотогоны умывались и молились Богу, а Василий готовил ужин – овсяную кашу с льняным маслом. Обменялись впечатлениями и улеглись на соломе, под открытым небом, накрывшись дерюгой. Василий с «берданом» забрался в овражек – караулить. Взошла луна – на душе повеселело. В два часа подошел Аким сменить хозяина. Василий не спешил уходить. По небу поползли облака, заметно потемнело. Разговаривали шепотом. Вдруг они замолкли: со стороны примыкающего к реке ельника слышали глухой кашель. Затихли, стали всматриваться в расплывчатую мглу и заметили прижимающиеся к земле три людских силуэта. Аким ушел будить спящих, а Василий не спускал глаз с теней, которые были близко. Нажал курок. Раздался оглушительный выстрел, осветивший пришельцев. Их было трое. Плотогоны повязали их. В деревне залаяли собаки. Прибежали староста с полицейским. Аким костром из просмоленных сучьев осветил их. Староста с большой бородой и верзила полицейский сразу узнали «ночных гостей» и поняли, что им здесь нужно. Они сказали: «Сегодня соберём сход деревни и решим, как поступить. Такие действия не впервой, в Сибирь с семьями вышлем». Василий попросил передать сходу его просьбу – семьи не высылать. Под утро вернулись полицейский и староста, предложили, в счет искупления вины воров, передать хозяину плот из краденых бревен, что рядом, в заливчике. Вася ответил, что разбираться с ворами дело деревни, ему чужого не нужно. Суп сварился, гонщики поели, помолились Богу, простились с гостями, заняли места на плотках, приготовились отчаливать. Староста посоветовался с полицейским и обратился к Василию с просьбой – за полцены взять бревна и гнать этот плот в Ригу с их гонщиком – Никитой – молодым парнем, честным человеком, которого обманом привлекли в воровскую компанию. Василий разрешил ему встать в конце плотов, помогли соорудить шалаш, дали ему «дрыгала» и фонарь. Через три дня показался город Витебск. Вдоль берега, на якорях, стояли плоты, на кострах варилась еда. Пахло варевом и льняным маслом. Вдоль пологого берега расхаживал смуглый, высокий мужчина, с черной, кудрявой бородой, время от времени поглядывал в подзорную трубу. В левой руке он держал саквояж. Чаще всего его взгляд останавливался на Василии и его команде. Плоты причалили к пологому правому берегу. Там река заметно шире, течение спокойнее, а левый берег высокий, крутой, подмытый течением.

Не успели козинцы привязать плоты, к ним подбежал тот самый мужик с черной бородой и в шляпе с возгласами: «Ну вот, наконец-то встретились. Все получилось, как мы с Эдуардом думали». Василию было непонятно, по какому поводу его трясет и целует незнакомый человек. Наконец спросил: «Кто Вы и откуда меня знаете?» Незнакомец успокоился, ткнул себе в висок пальцем и рассказал. Он Самуил Баскин, послан паном Андрейzenом в город Витебск. Он должен встретить их, вместе плыть в город Ригу, помочь торговать и вернуться домой. Эдуард знает, что Самуил бывал на Рижских рынках, знает законы воров. Теперь пора ужинать, чтобы пораньше отбыть в Ригу. Через четыре дня пришли в Ригу. Самуил отправился разыскивать распорядителя, который устанавливал очередность подвода плотов к пароходу для загрузки. Узнал о цене. За один хлыст по 5,5 рублей вместо трех. Лесу подошло мало, а покупателей много. В тот день они продали свой лес, деньги почтой перевели в Иоткинскую волость, оставив на обратную дорогу. Баскин заметив пристальное внимание рижских воров, отозвал главаря, дал ему пятьдесят рублей и сказал, что не следует портить отношения, лучше было бы разойтись с миром. Согласие вроде бы получил. Вскоре Самуил переговорил с евреем – извозчиком, чтобы отвезти их команду до города Белый на пролётках. В одном доме с почтой был магазин и чайная. Василий и Самуил пообедали, купили продуктов в дорогу: копченую рыбу, сахар, чай, гостинцы родственникам. Извозчик Берка пошел домой сказать родственникам, что неделю будет отсутствовать и взять в дорогу пропитание,

себе и лошадям. Вернувшись к Василию на телеге, Самуил купил двенадцать револьверов, зарядил по восемь патронов в каждый, уложил вещи и поехал в чайную для бедных, разыскивать плотогонов, чтобы ехать домой. Козинцы были навеселе, пропивали последние копейки, домой ехать не хотели. Баскин пообещал премию за хорошую работу и этим победил их. Все сели на телегу, поехали. Чуть позже к почте подошли пятеро «бандюганов», искали стройного чёрного еврея и с ним молодого высокого парня. Проститутка – нищенка рассказала им, что еврей с парнем на пролетках поехали в сторону Зилупе. Бандиты наняли пролётку и поехали догонять плотогонов. Самуил с плотогонами свернули в ближайший лесок, покормили лошадей, выдали каждому по револьверу, научили пользоваться, поехали дальше. Проезжая по гребню водораздела, увидели стремительно нагонявших их бандитов. Дорога круто поворачивала вправо. Самуил приказал спрятаться в овин, лошадей с повозками отогнать в недалекий лесок. Через полчаса, из-за поворота дороги вылетели три пролетки с десятью бандитами. Впереди пустынная дорога, что означало - гости в овине. Банда ринулась туда. Подпустив их на двадцать шагов, Самуил выстрелил, сразил главаря. Плотовщики через щели сарая стреляли в других бандитов. Кто смог, умчались обратно. Василий дождался сумерек, подал знак «возницам». Те, не мешкая, подъехали к воротам овина, забрали людей, помчались на Витебск. Убито было шесть нападавших, четверо ранено. На другой день полицейские опрашивали раненых бандитов, но те ничего не могли сказать, ибо они никого не видали. Латвийская полиция дело закрыла за неимением улики. Никиту, что из деревни Щучье, привезли в деревню Козино, поселили к Климу, наказали месяца два из дома не выходить, жить как работнику: косить, сушить сено, ухаживать за двором.

На одном из привалов рассказал Самуил историю, которую слышал от знакомых извозчиков в Риге. Жила в том городе молодая девушка Марта – чуть старше 16 годов. Была она хороша собой, имела гордый, независимый характер. Родители её были бедны. Чтобы прокормить семью, её отдали в услужение вдовцу в два раза старше её. Андрис любил смотреть на лицо Марты. Она ему очень нравилась, однако замуж взять не мог – от него отвернулись бы друзья – богачи. На праздник Янки Купалы он подарил ей, в счет зарплаты, хорошее платье. Марта надела его и пошла домой, показать родителям обнову. Отец - Старый Петрис закричал и вышел на улицу, а мать Тереза, выплакав слезы, тихо сказала ей, что богачи от чистого сердца ничего не дарят, остерегайся своего хозяина, он способен на подлость. От матери Марта пошла к Андрису. Дом был полон гостей. Пел граммофон, пикикала скрипка, громыхал бубен. Гости веселились. Хозяин подозвал Марту, налил полный стакан кагору и предложил выпить. Она отказывалась, он упрямился. Посмотрев на хозяина, Марта залпом выпила. Позже она вспоминала, как в груди потеплело, в голове появился шум, в ногах слабость. Прилегла на топчан у ночного сторожа и сквозь туман увидела, что хозяин закрывает дверь на крючок. Она очнулась от распластавшейся на ней тяжести, запаха чеснока и лука. Не догадываясь, что это хозяин, она резко вскочила и оттолкнула его. Хозяин упал виском на угол печи и потерял сознание. Марта побежала к берегу Даугавы, за ней гнались два хозяйских работника: Куртис и лысый Гимонис с собакой. В темноте она угодила в промоину и почувствовала боль в коленке. Куртис и Гимонис искали её. Нашла собака. Марту вытащили, избili и привели к хозяину. К тому времени он очнулся и сидел на диване с подбитым глазом, рассказывал гостям, что Марта, без повода, ударила его доской для раскатки теста. Теперь не знает, что делать с ней. Гости посоветовали наказать её розгами и бросить в Даугаву. Так и поступили. Гимонис и Куртис отсчитали пятьдесят розг с протяжкой. Марта потеряла сознание. Её отнесли к реке, положили в лодку и оттолкнули от берега. Течение понесло лодку в залив. Там неделю назад обнаружил ее наблюдатель Датского сухогруза, который шёл в Копенгаген из Риги с грузом леса. Лодку причалили к пароходу, Марте оказали помощь и спросили, желает ли она в Ригу, домой. Она отрицательно замотала головой. Капитан поместил её в госпиталь, оформил гражданство.

У Марты началась новая жизнь. Рассказали об этом моряки сухогруза вчера, в Таверне, пока грузили лес Василия.

В ближайшее воскресенье плотогоны и их семьи решили посетить церковь в Иоткино, помолиться, поблагодарить Бога за послание удачи.

Самуил меняет веру.

На головном плоту в Полоцке Самуил рассказал Василию, что питает серьёзные чувства к сестре купца Меньшутина – Ольге. Все вроде бы ладно. Её родители относятся к нему хорошо и друг Андрейзен слово молвил, вот только Ольга против. Причина не в отсутствии чувств, они есть. Препятствие в принадлежности к разным верам. У Самуила иудейская, у Ольги христианская. Говорит – принимай нашу веру. После возвращения, узнав, что Василий едет в церковь Бога благодарить и грехи отмаливать, затемно в ворота постучал Баскин, чтобы говорить с Василием и просить его быть одним из свидетелей при его крещении. Свидетельствовать, что знает Самуила Баскина, как серьезного человека и ручается, что ни при каких обстоятельствах тот не посрамит родной христианской, православной веры, светлого имени господа нашего – Иисуса Христа. «Да, - ответил Василий - я уверен, что ты будешь честным и ответственным рабом божьим». Пока они разговаривали, лошадь запрягли, открыли ворота. Василий и гость заняли место в тарантасе. Подъехали к имению Андрейзена, но войти не успели. На крыльцо вышел Эдуард Францевич с сыном – подростком Александром и зятем Ильей Исаевичем. Андрейзен взял Василия под руку и повёл к своей коляске. Подъехали к церкви. Народ толпился у закрытых дверей. На них были одежды из льна собственного ткачества и пошива. На ногах блестели желтовато – белым цветом новенькие лапти с холщовыми онучами и белыми, льняными оборами. На некоторых были ситцевые, разных расцветок рубашки, сарафаны. Мужчины - с непокрытыми головами, на женщинах - платки. День был тёплый, солнечный – Троица. Её праздновали жители Белогорского и Смольниковского церковных приходов. (Смольниковский приход - Прудня, Борки, Козино, Дулево. Бор, Шейкино, хутор Качны, Иоткино, Горки, Смольники, Миндюри, Гвоздово, Казаково. Кривоносовка, Нивицы, Семики).

Василий здоровался со знакомыми. Были среди них и его плотогоны. Наконец, открыли дверь в церковь. Отец Дмитрий передал, что Самуил и Василий должны оставаться на виду, у дверей. Ждали другого свидетеля и, возможно, будущую супругу господина Баскина, других новокрещенцев. Подъезжали новокрещенцы со свидетелями, здоровались. Василий силился понять механизм крещения, ибо купелей не было. Оказалось, механизм предельно прост. Храм стоял на небольшом холме, на берегу реки. От берега, в глубь купели, до самого её дна опускалась лестница с широкими ступенями. Купель ограждал забор из строганных тесовых досок. В тот день крестилось шесть человек. Дьякон собрал их у Крестилища, проверил наличие свидетелей, приказал крестящимся, обнажиться. К тому времени из церкви вышли батюшка, дьяконы, псаломщики, церковный хор. Несли святые хоругви, пели молитвы. Батюшка раздал новокрестящимся приготовленные ранее листы со святыми письменами о принятии веры православной, для подписи. Подписали и свидетели, что они хорошо знают переходящего в православную веру и подтверждают факт перехода своей подписью. Василий подписал лист Самуила. Андрейзен написал, что он своей подписью удостоверяет подпись Румянцева Василия Ларионовича. После подписания новокрещенные опустили по лестнице в освященную воду. Батюшка каждому дал поцеловать святой образ господа нашего Иисуса Христа, побрызгал их святой водой. Отец Дмитрий читал молитву, а крестящиеся повторяли за ним её слова. Он окрестил каждого в отдельности, разрешил выйти из воды, одеваться. Все оделись и пошли следом за священнослужителями в Храм, там они присоединились к другим молящимся. Молясь, чувствуя радость в душе, Василий мельком посмотрел вправо и увидел необычайной красоты девичье лицо.

Девушка молилась, спрятав глаза в кудрях волос. Вася ощутил, что от неё исходят греющие его лучи. Церковная служба закончилась.

Прихожане разъезжались по домам. К Васе на пролётку подсел Эдуард Францевич. Они тихо беседовали. На вопрос – чем думаешь заниматься, Василий ответил, что хочет подыскать плотогонов и заключить контракты на заготовку шести - десяти тысяч кубометров хлыстов, нанять плотогонов, подобрать лесосеки, чтобы вблизи была река или протекал ручей. Расчистить их русла. Андрейзен поддержал и спросил: – «Семью заводить не думаешь?». Попросил Андрейзен Василия присмотреть тысячи две березок – ровных и пушистых, у поля растущих. В сентябре начнем посадку аллеи до деревни Прудня. «Работай, Василий, люди смотрят на нас, берут пример. Ты, теперь, в лидеры вышел!».

Подготовка к сплаву

Приехав из церкви, Василий подошёл к матери и рассказал, что видал там девушку, красота которой поразила его. Кто она, спросила мать, какого сословия, с кем была, как одета? По одежде она из дворовых, чистая, аккуратная, с ней была женщина постарше, похожая на неё. «Не переживай сынок, - сказала мать, - в следующий раз увидишь в церкви или расспросишь Дьякона». Рассказал Василий матери, что надумал он следующей весной сплавливать лес в Ригу, будет аккуратен. Усталость уложила Василия в постель. Во сне видел спутницу незнакомки. Она серьёзно, без улыбки, смотрела на Василия, словно сердилась, а незнакомка была более раскованной. От тихого стука в дверь Василий проснулся. Кучер Наум доложил, что пролетка запряжена, на ней натянута тент. Наскоро позавтракав, они поехали. В Нелидовке повернули вправо, к дому Андрейзена. Василий рассказал ему, что намерен сегодня выписать лесосеки и нанять лесозаготовителей. Андрейзен одобрил его планы и предложил надлежащим образом оформить свой имидж, для чего в пролетку запрячь не одну лошадь, а две, сбрую иметь новую, крепкую, завести охрану, самому иметь при себе наган. В специально оборудованном ящике хранить карабин. С каждым мужиком рядиться не следует. Разумнее принять на работу умного помощника, который подбирал бы народ и руководил им. Лесопромышленнику следует иметь двоих поверенных, платить им жалование по договору. Такой человек у Эдуарда Францевича был. Это Кузьма Кузьмич Иванов. Он постоянно работал с Андрейзеным в молодости, теперь постарел, отдых нужен. В лесном деле он специалист настоящий. «Сейчас мой кучер подпряжет к твоему Мальшу мою Звездочку, они и раньше ходили в паре. Дарю вам по нагану, третий Кузьме отдашь. Я его предупредил. Он живет в Иоткино, рядом с церковью. Сейчас он ждёт вас. Поезжайте в деревню Машкино, что перед деревней Голаново. В самом большом доме живёт староста Ефим. У него большая семья: три сына и две дочери. Люди порядочные, но малоземельные. Все мастера: бондари, столяра, лаптёжники, решетники, распиловщики. Ефим - мировой судья в деревнях: Машкино, Овсянкино, Чернецово. Поезжай к нему, только в Иоткино, к Кузьме, заверни». У дома, рядом с церковью, увидели стоящего на дороге человека средних лет. Он был в пенсне, с усами вразлет, голубой рубашке, подпоясанный витым поясом. Василий сошел с пролетки, поздоровался. Кузьма спросил: «Чем он может быть полезен? – «Мне периодически нужна будет Ваша помощь для проведения переговоров, составления договоров найма по заготовке леса, его транспортировке до «рюмов» и сплаву. Сегодня мы едем, для ведения такой работы в деревню Машкино, если сможете, присоединяйтесь. В процессе общения оговорим обязанности и стоимость услуг. Для начала посетим Иоткинскую волостную администрацию». Она располагалась на Торопецко – Бельском тракте, рядом с лавкой Меньшугина, на правом берегу реки Семиковка. В то время на перекрестке дорог, у реки Семиковка, находились здания служебного пользования: администрации волости, земства,

карантинная служба, полицейский участок, аптека, почта, ветеринар, торговые лавки, банк с решетками на окнах. У волостной управы коновязь с врытыми в землю, в ряд, столбами и бревном, связывающим их сверху. Наум привязал лошадей и отправился в торговые лавки. Василий Ларионович с Кузьмой Кузьмичом вошли в Волостную управу, к секретарю – совершенно лысому, писавшему за длинным столом. Подняв голову и поправив очки, мужчина спросил: «Кто они и что хотят». Вперед вышел Кузьма. Я, Кузьма Кузьмич Иванов – доверенное лицо лесопромышленника Румянцева Василия Ларионовича. Хотим на прием к начальнику – Умнову Матвею Ивановичу, для ознакомления с порядком документального оформления, оплаты и заготовки древесины для последующего сплава в морской порт города Рига. Писарь объяснил, что волостной празднует день рождения начальника почты, ибо они кумовья. Сегодня его не будет. «Необходимые инструкции и разрешения, господа получают после внесения в банк залога – триста рублей и передачи квитанций писарю. Господа получают копии схем лесных угодий с указанием запаса в кубометрах и чертежами лесосек». Кузьма внёс деньги в банк, получил квитанцию и передал её писарю. Тот попросил написать прошение о разработке лесосек: у какой деревни, в каком квартале, объёме вырубаемой древесины. Инспектор два раза – в начале разработки и после неё – должен был освидетельствовать соблюдение лесозаготовительных правил: сжигание сучьев, окорка пней, оставление семенников и ценных деревьев.

Когда все вопросы оговорили, писарь передал Василию десять лесобилетов на право вырубки древесины, с условием определения объема заготовки в конце разработки лесосек. Первый экземпляр лесобилетов выдали, под роспись лесозаготовителю, а второй остался у писаря. Писарь пояснил, что согласно лесобилету, стоимость одного бревна – десять копеек. Когда залог исчерпается, вносится следующий. С чертежами лесосек и лесобилетами Василий и Кузьма проследовали к пролётке, положили их в кошель, а тот – в облучковый ящик. Перекусив домашним припасом, Кузьма с Василием посетили ружейную лавку Меньшутина, выбрали карабин – винчестер, сто патронов к нему и поместили в ящик под сиденьем кучера. Поехали в «Машкино», остановились посреди деревни, у большого красивого дома, сошли с пролетки, вошли в дом. Семья обедала. За столом были: жена Ефима Степановича – Прасковья, сыновья – Иван, Егор и Николай, дочь – кареглазая хохотушка Мавра. Все повернули головы к пришедшим. Перекрестившись на образа, гости поздоровались, Кузьма представил Василия и представился сам. Ефим Степанович пригласил их к столу. Василию показалось странным, что девушка – обладательница кудрявых волос, густо покраснев, потупила взгляд. Тем временем ничего не понимающий хозяин посадил Василия перед ней. Встретившись глазами, покраснели оба. Хозяин, его жена и сыновья удивленно переглядывались. Первой пришла в себя мать. Цыкнула на братьев: не хихикайте, «охламоны». Не видите, что ли, сестра ваша судьбу свою встретила. Так Василий Ларионович встретил девушку, которую видел в церкви, она часто приходила к нему во сне, смотрела на него обеспокоенно и ласково.

Отобедав, подождав пока Мавра приберёт стол, Кузьма Кузьмич разложил выкопировки из планшетов, схемы лесосек и лесобилеты на пять тысяч деревьев. Игната попросили подыскать желающих поработать на лесозаготовках, трелёвке к рюму, на вязке гонков и сплаве их в Ригу. Василий добавил, что оформлено всё будет юридически верно. «Прошу рассказать людям: несмотря на молодость, мне верят, поскольку никого и никогда не обманывал». Договорились, что, пока Ефим говорит с людьми, уточняет цены за будущую работу, Василий с помощью одного из его сыновей ознакомится с местностью. В провожатые выделили среднего сына Егора. Остановились на правом берегу реки Межи, у деревни Голаново, достали планшет и попросили сопровождающего показать на местности границы заливаемой водой поймы и обозначить её на местности вешками. Луг заливался в ширину на сто, а в длину на двести сажень. На опушке леса нашли квартальный столб – квартала номер пять. Метрах в пятидесяти от него начинался

хороший хвойный лес, ограниченный визирами и деляночными столбами. Здесь решили начать заготовку леса, а трелевать на пойму реки, за отмеченную визирами границу подъёма воды, где вязать в плоты. К концу дня возвратились к Ефиму.

В их отсутствие Мавра рассказала, что давно знает Василия по встречам в церкви, полюбила его, думает, что взаимно. Родители усадили гостей за стол. Ефим доложил, что договорился с двадцатью жителями деревни Машкино. Старшим выбрали Ефима. К работе решили приступить после уборки картофеля. Одного человека отрядили ловить рыбу в реке Меже на общество. Когда лесные дела оговорили, Василий остался в доме и попросил Ефима и его жену выслушать его. Он рассказал, что живет в деревне Козино Иоткинского прихода. Мать, сорока лет - купеческая дочь из деревни Босино. Отец – Ларион Архипович Румянцев Смоленским судом судим и сослан на остров Сахалин, сестре Маше десять лет, брату Ивану восемь лет. Мать часто болеет. Ему сейчас шестнадцать лет. Чтобы жить, нужна хозяйка в доме. Их дочь ему по нраву, потому просит её руки. Попрошались и поспешил на пролетку, где его ждали Наум и Кузьма Кузьмич. Выходя из пролетки у своего дома, Кузьма Кузьмич сказал Василию, что работать согласен. Оплата - по рублю в день. Василий выразил удовлетворение и сказал, что через четыре дня поедут в Понизовье. В управе нужно взять планшеты.

Заехал к Эдуарду Францевичу, нашел его в беседке на берегу реки. Тот очень обрадовался Василию, который поделился положением дел в Машкино, рассказал, что на днях собирается в Понизовье. Андрейзен предложил подъехать к нему, осмотреть место посадки березовой аллеи и наметить трассу дороги от деревни Нелидовка до поселка Дятлово – около двадцати километров. Василий обещал подъехать. Подходя к пролетке, встретился с Самуилом Ефимовичем. Они обнялись, расцеловались. Оба чувствовали настоящее человеческое уважение друг к другу. Дома Василий рассказал матери, что встретил «незнакомку». Она рассказала своим родным о их взаимной симпатии. «Она хорошая, другая мне не нужна. Ты её тоже полюбишь». – «Слава богу, – молвила мать, - тянуть нечего. Завтра едем в Машкино». Заслышав перезвон колокольчиков, увидав в окно Василия, Мавра выбежала встречать. На крыльцо вышли хозяин с хозяйкой, из-за их спин выглядывали братья. Прильнув к Васе, Мавра ввела его в дом. Ульяну взяли под руки отец и мать Мавры. Накормив, усадили гостью под образами. Хозяева сидели напротив. Переговоры вели родители. Молодые сидели обнявшись. Решили, что венчанье в Иоткинской церкви, день смотра дворов родители невесты сообщат дополнительно, тогда назначат и дату свадьбы.

Закладка аллеи

Настало утро. Красное солнышко приветливо смотрело на землю. Ненила убиралась на кухне, дети ещё спали. В дверь постучал Наум, спросил у Василия, чем будем заниматься? Вася ответил: «Отвезешь меня к Андрейзену, а там решим. С собой возьму Филю». Вскоре Ненила позвала завтракать. Поели, Филя направил топор, сели в пролетку и поехали к Андрейзену. Эдуард Францевич, во главе бригады из семи человек, встретил их на косогоре, в начале аллеи. От подножья косогора на местах будущих саженцев ставили двухметровые вешки. Метровыми обозначали края ям. Сначала провешивали правую сторону аллеи, до поймы ручья у деревни Прудня. Между рядами восемь, а в ряду десять метров. Вслед за разметчиками копали ямы – квадраты метр на метр, глубиной - аршин. Плодородную землю укладывали рядом с ямой, а суглинок или глину отбрасывали в сторону. Если место посадки дерева приходилось на болотце, яму копали не глубокую, а плодородную землю подносили со стороны. На дно ям укладывали речной песок и навоз. При необходимости устраивали водоотвод. К концу дня на двуколке, приспособленной для передвижения по лесу, подъехали Эдуард Францевич с Василием. Василий рассказал ему, что недалеко от деревни Козино, на полянах, найдены и отмечены привязанными бирками, предназначенные для посадки березки. Стройные и

пушистые, высотой около сажени. Они будут ждать поры до середины сентября – октября. Опытные лесопосадчики аккуратно выкопают их, обернут корни, вместе с землей, рогожей, подвезут к месту посадки, аккуратно расправив корни, опустят в ямы и присыпят грунтом. Каждый саженец польют водой и прикроют землей. Рабочие уплотнят грунт. Рядом с березкой забьют кол, привяжут к нему стволики размочаленным лыком, чтобы ветер не раскачивал. Первые триста метров – лиственницы, кедры, пихты, далее берёзы. После посадки саженцев дорогу оканавили, грунт положили на земляное полотно, чем приподняли его. В нужных местах уложили дрены из кустарника, что обеспечило водоотвод. Позже он прогнил, вода застаивалась, что привело к отмиранию некоторых берёзок. Иные деревья спилили на дрова местные жители, поленившиеся готовить их в лесу. Однако, даже по прошествии более ста лет, аллея существует, особенно хвойные деревья. Она напоминает, что деды наши украшали родную землю и просят не забывать об этом теперь. Аллея подходила к пойме ручья перед деревней Прудня метров на пятьдесят севернее существовавшей дороги.

Василий Данилович рассказывал, что мечтал его друг построить через пойму красивый мост со щитами для подпора воды, создать водоём для выращивания рыбы и отдыха родных и друзей. Деревню Прудню мечтал он превратить в ландшафтный парк, соорудить там систему прудов и каналов, чтобы весной, в половодье, она походила на маленькую Венецию. Дорога, по его планам, должна была проходить метров на восемьдесят севернее существующей. Крестьян, там живущих, намеревался переселить в не менее красивое место на берегу реки, у березовой аллеи, под названием «Лобаниха».

Назавтра Василий, Филя и Наум косили и сушили сено для своего подворья. Помогали им семь деревенских мужиков с семьями. Было солнечно, тихо. Сравнительно скоро забили все пуни. В конце июля наняли женщин жать рожь, овес, ячмень, гречиху. Осенью молотили в овине, сушили в Риге. Василий оставил руководство хозяйственными работами на Филю, а сам поехал с Кузьмой Кузьмичом в Понизовье. Там он организовал шесть артелей по заготовке древесины. (В год написания этих строк, уроженка деревни Понизовье вспоминала рассказы своей бабушки, что её муж готовил лес и гонял его в город Ригу, для Василия Румянцева из деревни Козино.) Проверка волости показала, что лесопромышленник Румянцев перерубил свой лимит и остался должен триста рублей. Василий заплатил эти деньги и продолжал поездки по лесосекам.

Осмотр дворов

В начале октября в Козино приехал Егор – брат Мавры и передал волю родителей. Они согласны на брак Мавры и Василия. Через неделю, на Покров, приедут смотреть дворы. Услышав это известие, Ульяна перекрестилась на икону и, вместе с Василием, благодарили гонца, наказывали ему передать Ефиму Степановичу, его жене Марии, их дочери Мавре, всей семье, что они рады породниться с хорошими людьми. Распрощавшись с Егором, Василий посоветовал матери написать письмо Ивану Шмырёву, описать всё подробно. Он умный, поможет не ударить в грязь лицом. Науму приказал помыть пролетку, Филе – лошадей, а завтра, затемно, Наум повезет в Босино письмо Ивану Прокопьевичу. Письмо читали и перечитывали, пока не понравилось обоим – матери и сыну. Ненила скребла и мыла стены и потолки. Ей помогали Ходора и Ходоска. В субботу сходили в баню. Наум готовился к поездке. Василий спросил его: «Всё ли готово?» «Конечно, готово, но дорога дальняя, дело серьёзное, нужно ехать вдвоем, хотя бы с Петром – соседом нашим» – ответил Наум. Василий послал Тихона за Петром. Возьмите по маузеру и винчестер, в Монино подождите попутчиков, три – четыре повозки, так безопаснее, в бельских лесах «тати» балуют. С рассветом выехали. Стояло погожее утро начала октября, слегка подмораживало, вершинки отавы (отросшей после сенокоса травы) покрылись белым налётом. Над рекой ватным одеялом белел туман. В Монино, у трактира, стояли три повозки. Кучера объяснили, что их хозяева в трактире,

ждут попугчиков, ехать на город Белый. Пока беседовали, вышли хозяева, познакомились и решили ехать. За рекой Льба лес подступал к самой дороге, с трудом можно было разминуться. Нагнали жандармскую колымагу (для перевозки арестантов в уездную тюрьму). В ней, вплотную друг к другу, босиком, в одном исподнем из белого льняного полотна, с такими же колпаками на головах, с кандалами на руках и ногах, сидели арестанты. Двое из них были стариками с заросшими лицами и волосами, которые свисали по спине и плечам. Третий – совсем мальчишка. Вместо бороды, топорщился юношеский пушок. Они сидели в оцепенении, угрюмо уставившись на проплывающий мимо лес. Жандармов было четверо. Они были в яловых сапогах, смазанных дёгтем. Лица чисто выбриты, все с чубами, в гимнастерках, суконных брюках с кантом, опоясаны широким кожаным ремнём. На фуражках кокарды с двуглавым царским орлом, на поясах с одной стороны револьверы в кобурах, с другой сабли. У каждого карабин – бердан. Двое сидели на задке колымаги, а двое шли пешком, приотстав от повозки на десять аршин, смотрели по сторонам внимательно и серьёзно. На карабинах были четырёхгранные штыки. Наум переглянулся с Петром. В это время возница колымаги остановил её. Старший конвоя рукой дал знак – проезжать. Постепенно её закрыли придорожные кусты. Не успели козинцы обменяться впечатлениями, как услышали колокольчик быстро передвигающейся почтовой тройки. Наум принял вправо, а с левой стороны, с храпом и брызгами лошадиного пота, пронеслись почтовики. Напуганные разбойниками, они напролом проезжали опасные места. Впереди, на заросшей травой поляне, показались пять курных, крытых дёрном избушек, с маленькими оконцами и пузырями вместо стекол. По колеям, пожухлой траве бегали малые дети в длинных, до колен рубашках. Грязные, они с любопытством разглядывали проезжающих. Это деревня Паново. За лесом уездный город – «господин» Белый. Местность и дорога стали приподниматься. В колеях появился мелкий песок, колеса не проваливались, пролётка шла быстрее.

Лес закончился, справа - поле. Впереди, постепенно снижаясь к реке, чернели крыши построек, на солнце искрились позолочённые кресты и купола церквей. Миновали реку Обшу по деревянному, горбатому мосту и на главной улице остановились у корчмы. Распрягли лошадей и по очереди стали ужинать. Им отвели просторную комнату. Договорились, что до полуночи лошадей и пролетку караулит Петр, а затем, до утра - Наум. Выезжать решили с рассветом. До Босино оставалось шестьдесят верст. Ночь была тихая, звёздная. Наум проспал всю ночь. Петр не решился будить его. Они умылись, оделись, приготовили завтрак из жареных налимов, копчёного окорока, запили Ненилиным квасом. Наум уселся на место кучера. Подождал, пока сядет Петр, проверил, на месте ли оружие, и пролётка тронулась. Солнце острыми лучами пронзало кроны елей, над полем стелился туман. Отдохнувшие за ночь лошади бежали легко. Петр, привалившись к облучку, спал сном младенца, изредка похрапывал. Проехали селение Починок. Пётр проспал почти весь день. Версты за четыре на взгорье показалась деревня.

Наум спросил у мужика, вёзшего сено: «Что за деревня впереди?» - «Босино, – ответил тот. Дорога опускалась в низину. Когда поднялись в гору, перед путешественниками открылась широкая, прямая дорога. По её сторонам - аллеи из берёз. За берёзами - дома. Посреди деревни - подобие площади. На ней выделялись два здания. Одно больше, другое поменьше. В меньшем здании корчма и ночлежка – собственность Ивана Прокопьевича Шмырева – купца 2 гильдии. Во втором, большом доме, проживали купец Прокопий Васильевич Шмырёв и его сын Иван Прокопьевич с семьёй. Наум подъехал к крыльцу Ивана Прокопьевича. С него сбежали два мальчика в островерхих башкирских колпаках, с луками, стрелы которых направлены были на приезжих. За ними поспешал высокий, широкоплечий, немного сутуловатый мужчина в купеческой поддёвке. Наум и Петр поклонились ему. Лицо его было крайне озабочено, обращаясь к Науму, он спросил, кто и что? Наум спокойно ответил: «Слава богу, у нас все целы и здоровы, а Вам Ульяна Прокопьевна письмо прислала». С поклоном подал его. Купец

перекрестился, трясущимися руками принял письмо и обратился к стоящему за ним сыну - Ивану Прокопьевичу: «Веди, Ваня, дорогих гостей в дом, умой их от пыли. Баня ещё не остыла. Затем веди потчевать, чем Бог послал. Лошадушек пусть мальчишки выгуляют, снимут с них пот. Дело не шуточное – прошли более ста верст». Минут через десять гости парились в бане. После парилки искупались в реке, рядом с баней, оделись в свежeweстиранное исподнее и вошли в дом. В коридоре шумел самовар, большой стол ломился от яств. Из боковой двери вышел Иван Прокопьевич, заговорил громко и весело, улыбаясь и разводя руками: «Хорошую новость вы привезли. Не ожидал, что племянник мой – Вася уже вырос. Крестнику моему только шестнадцать лет. Сестрица Всевышнего молит, чтобы поддержал его. Вы ешьте и пейте. Лошадки ваши под присмотром, отдыхайте. Завтра, с утра, поедem в Козино. Вас мои доченьки покормят, попят, чем бог послал». Из дверей вышли две красавицы. Одели каждому по рушнику на плечи, все в цветах, и приступили к угощению. Петра да Наума угощали всяческими кушаньями, наливали в кружки медовый квас, подносили сладкого вина. Гости не привычны были к такому обхождению, растерялись, их клонило ко сну. Прокопий Васильевич поручил сыну уложить их спать. Влекомые Иваном, Наум с Петром достигли спальни, улеглись на перину, сразу уснули. В кабинете Ивана Прокопьевича собрались - зять, младший сын и супруга купца, Арина Семёновна. Иван весело посматривал на сына, зятя, супругу и только что вошедших дочерей. Незаметно, невзначай, чтобы слышали все, произнёс: «У меня для вас очень хорошая новость». Он показал сверток с печатью: «Сейчас вскрою». Срезал ножом печати, положил на стол, начал читать: «Дорогой, любимый братец Ваня. Кланяюсь тебе и твоей любимой семье. Вместе со мной кланяются мои дорогие дети: старший Вася, доченька моя ненаглядная Маша и самый младший Иван, желаем крепкого здоровья и всего наилучшего. Сообщаю Вам, мои дорогие, что Боженька послал нам незаслуженное счастье. Божий перст на святую троицу – праздник святого отца и сына и святого духа указал на Васю, который увидел, молясь в церкви, свою судьбу. Он побывал в их благочестивой семье, рассказал её родителям о себе, о нас и предложил своей и божьей избраннице Мавре Ефимовне руку и сердце. Как нам стало известно, предложение принято. Согласие на брак Василия и Мавры дано. Мы очень обрадовались. Василий отнёсся к этому очень серьёзно. На праздник святого Покрова их семья будет у нас в Козино смотреть дворы. Наши дорогие, не покиньте нас, сырых и грешных, приезжайте, помогите словом и делом. Ждем Вас. С поклоном, сестра твоя Ульяна. Господи, спаси нас и помилуй». Семья затаила дыхание. Иван Прокопьевич произнёс молитвы. Семья устремила взоры на икону Всевышнего господа - Иисуса Христа и пресвятую мать – Богородицу. Иван Прокопьевич, сказал, что он видит в этом событии перст и промысел Божий. Вася - молодец, будем собираться и завтра выезжать на тройке в Козино. Назавтра выехать не удалось, захромала кобыла Пчёлка и сами не смогли подготовиться. В доме кипела работа, готовили наряды, подарки, лечили Пчёлку. Через сутки ранним утром выехали в Козино – отец, мать, две сестры и Мосей. На хозяйстве оставили Ивана Ивановича. Старшая сестра Лена, вся в отца, светло – русая, походила и на тётку Ульяну и сына её Василия. Младшая в мать пошла темно - русая, зеленоглазая красавица. Проехали селение Починок.

На лесу пьяные пытались остановить Наума, кричали: «Стой!», - преграждали путь. Наум хлестал лошадей, палил из револьвера. Нападающие стреляли из ружья. Петр передал маузер Моссею, а сам стрелял из винчестера. Повозки неслись по лесу. Под второй повозкой – тройкой, кричали. Вероятно, задело оглоблей или колесом. Дочери и Арина лежали на дне повозки. Так проехали пять – шесть вёрст, бандиты отстали и лошади устали, шли тихо. Соскочившие с подвод мужчины, вытерли с них пот, вели в поводу, не останавливаясь, с версту. Лошади отдохнули, обсохли, пошли веселее. Непролазная грязь и лес кончились. Часа в три дня подъехали к корчме, где ночевали Наум с Петром. Определили в конюшню лошадей, задали им корма, проверили крепость запоров, занесли в кладовку вещи, поужинали и улеглись спать. Сторожить вызвались

Мосей с Петром. Они обошли спальные комнаты, с фонарем прошли в конюшню, осмотрели повозки, смазали дегтем колеса и присели в коридоре, чутко прислушиваясь к звукам ночи. Утром, после третьих петухов, сыграли подъём. Все умылись, позавтракали, уложили вещи, запрягли лошадей, расплатились с хозяевами, помолились и с божьей помощью выехали за ворота. Не торопясь, без приключений, до наступления темноты были в Козино. Лошади дорогу осилили хорошо. Заметно было, что Мальчик и Пчелка испытывали радостное возбуждение. Интересно было смотреть, как эта пара радовалась встрече с друзьями – Филей и собакой Валетом. Заигрывая, они покусывали их одними губами.

Филя первым выскочил из конюшни и побежал в дом сообщить радостную весть. Стоя перед Василием и Ульяной, пересохшими от волнения губами, на одном дыхании, он произнес: «Приехали!» Василий поднялся со скамейки, взял мать под руку, поцеловал её в щеку и повел навстречу гостям. В слезах, они сошли с крыльца и попали в объятия родных. Долго стояли не двигаясь, наслаждаясь чувством единения. Наум, Филя, Пётр и Ненилин Тихон распрягали лошадей, растирали их и водили по двору. Все зашли в дом. Вася радовался приезду родственников и представлял завтрашний разговор о дальнейшей его жизни. Незаметно стемнело, зажгли две десятилинейные лампы. Ходора и Ходоска помогли Нениле готовить ужин, постели для гостей, перины для молодых. После ужина Шмырёвы уединились с Ульяной. Разговаривали о будущей жизни молодых. Иван Прокопьевич успел посмотреть постройки и решил, что нужно строить ещё один дом средних размеров – для Василия. В старом будет доживать мать, Ульяна, и подрастать дети.

Следующий день обещал быть погожим. Утром подморозило, дорожные блюда покрылись льдом. Тонкий ледок местами потрескался и висел над лужицами, припорошенный инеем. Дорожная грязь застыла и не позволяла ободам колёс прорезать её. Лошади бежали легко. Ефим Степанович распорядился выехать пораньше, чтобы успеть потолковать со сватами, с женихом и домой не опоздать. Животные требовали ухода и внимания, несмотря ни на что. Ворота им открыл Филя и побежал на доклад к Ульяне. Почуввав Пчелку, заржал Ефимов жеребец. Все поняли: гости дорогие приехали. Наум завёл упряжку во двор. На деревянные мостки вышли: Ефим Степанович с женой Марией, дочерьми – Маврой и Аксиной, сыновьями – Егором, Иваном и Никитой. Василий с матерью вышли на помост. За ними на ступеньках крыльца стояли Шмырёвы. Хозяева целовали гостей по старому обычаю: старики со стариками, молодые промеж собой. Хозяева пригласили гостей в дом. После рук Ненилы оконные стекла отливали небесной синевой, а потолки и стены, выскобленные ножами, вымытые щёлоком и натертые гольнями, источали затаённую желтизну. Полы покрыты ткаными половиками. В «кутнем» углу, над длинным столом с резными ножками и тканым покрывалом, на искусно изготовленных цепочках висела лампада, а за ней, в углу, в убранстве из лаврового венка, образ Христа - спасителя. По правую руку - икона Казанской Божьей матери, а по левую – особо почитаемая в приходе икона Балькинской Божьей матери с Иисусом Христом на руках. Рядом с ними - лики других святых и библия. Будущие родственники уселись за длинным столом, поговорили о текущих делах, урожае, здоровье. Подошли к основному. Ульяна поднялась, одернула кофточку, посмотрела на Ефима и заговорила: «Пришла пора, уважаемые, осмотреть наши дворы, которые перейдут под начало к дочери вашей, а моей невестке – Мавре. Помимо любви к сыну моему Василию, она должна любить всё там находящееся. Только при соблюдении этих условий будет у нас лад да склад, захочется жить и работать. Прошу вас, гости дорогие, осмотреть нашу худобу - пуни, амбары, хижины. Если что не понравится, не гневайтесь на нас сирых да хилых, старых и больных, детей наших горемычных, малых сирот. Один Князь Василий Ларионович у нас молодец. Не обессудьте нас, говорите, что увидите, прямо, не утаивая. Теперь, Вася, веди гостей – показывай». Пока шли переговоры, Наум навел порядок на дворе. Филя с Тихоном распрягли лошадей, сводили их на выводку, протёрли спины,

очистили их щетками и поставили в гостевые стойла. Василий, сопровождая будущую родню, показал двух ухоженных лошадей в стойлах, трех коров, двенадцать овец, двух свиней, чердак кур и гусей. В хозяйственном углу - телеги, пролётки, сани, кожаная сбруя. Показал он гостям пуню с сеном, овин с сушилкой, двор с бревенчатым настилом, баню у реки, амбары. Завёл и под пол, показал картошку, овощи, соленья. Видел Василий, что все виденное гостям по сердцу. Видно было, что Ефим очень доволен познаниями Василия. Позже, беседуя с Ульяной, так и сказал: «Рад познакомиться с серьёзными людьми. Если бог даст, жалеть не будете. Я и жена моя, дети наши - будем уважать всех вас и считать близкой роднёй. Теперь я, как и все присутствующие, хотел бы посмотреть молодых. (Все обратили внимание, что Василия и Мавры среди них нет). «Не будем томить дорогих гостей», - сказал Иван Прокофьевич, - вы, молодежь, рассаживайтесь, где кому удобно, а я позову «Князя», уважаемая сватья приведет свою «Молодую». Они ушли, молодежь уселась за столы, пришли близкие родные. Первой отворилась дверь избы, что на деревенскую улицу. Из неё вышел Иван Прокопьевич с крестником под руку. Из другой избы - Мария под руку с Маврой. Обе пары встретились посреди «тёплых сеней», где расставлены были столы для трапезы. Дядя взял Василия за кисть левой руки. Вася разжал правую ладонь. Мария взяла Мавру за кисть правой руки и вложила эту ладонь Василию в правую руку. В это время крестный отец Василия, Иван, и крестная Мавры, Акулина, запели молитвы: «Отче наш» и «О рождении семьи». Василий и Мавра разом заплакали, расцеловались трижды и обнялись. Крестные жениха и невесты утирали чистыми рушниками, расшитыми красно – розовыми крестами их розовые от слез лица. Все присутствующие увидели, что молодые удивительно похожи друг на друга

. Они стояли рядом, держась ладонями, не смея взглянуть друг другу в глаза. Затем, словно сговорившись, повернулись друг к другу, улыбнулись и троекратно поцеловались. Долго затем стояли среди родственников, обнявшись и словно забыв обо всём на свете. Не выпуская Мавриной руки, Василий подвёл её к столу, обвел три раза вокруг него, усадил в большое деревянное кресло, на двоих, сел в него с правой стороны. Молодежь принесла столы дополнительно, накрыла их скатертями. Ненила, Ходора и Ходоска расставили по столам закуски. В центре каждого красовались бутылки с наливками и кагором, заморскими винами. В большие стаканы налили красное вино. Вася с Маврой встали с кресла. Мосей пододвинул его к первому столу. На него с левой стороны уселся Василий, рядом - Мавра. С Василием рядом - его мать Ульяна, за ней её брат Иван, а за ним родственники Василия по старшинству. Справа от невесты сидели её родственники - отец, мать, крестная, сестры и братья. За ними гармонист и скрипач, Ваня, Наум, Филя, Тиша, Петр. Начался первый в жизни Василия семейный обед - в присутствии самых близких и родных людей. Длился он до вечера. Василий и Мавра чувствовали, что в их жизни происходят серьёзные и необратимые перемены. Темы для разговоров иссякли, настал черед культурной программы. Ненила с помощницами убрали со стола, застелили свежие скатерти. Общество разделилось. Мужчины подошли к стене с окнами, женщины сгруппировались у печи. Запела тальянка, ей помогала скрипка. Гости из Босино потанцевали и ушли спать. Немного погодя разошлись остальные. Мавра укрылась одним одеялом с матерью. Они долго шептались. Василий беседовал с Климом о Ларионе. Где он сейчас, что делает? Вскоре Клим ушёл в свою избу, а Вася прилёг на свою кровать и уснул. Завтра должен быть определен день свадьбы. Кончался август 1879 года. Утром все проснулись раньше, чем обычно, причиной тому были ароматные запахи, исходившие от печи, у которой хозяйничала Ненила с помощницами – варили, жарили, парили.

Перед завтраком все собрались в главной зале. Пришел Клим Архипович, высказал свое мнение: «Мы делаем большое дело, закладываем фундамент счастливой жизни Василия и Мавры. Эти решения будут влиять и на нашу судьбу. Хочу предостеречь от неверных шагов. Считаю, что решения должен принимать Василий. Ему жить, думать, решать». Сидевший на скамейке, рядом с матерью, Василий поднял голову и, глядя на Ефима Степановича, сказал: «Мы с маменькой давно решили, что тянуть незачем.

Свадьбу играем на святки. В оставшееся время готовить свадебные обряды». Ефим Степанович сказал: «Мы - люди русские и свадьба у нас должна быть русской». Подписью под принятым решением стал горячий поцелуй, которым Мавра одарила Василия. Ненилина команда накрывала на стол.

Все уселись на свои места. Гости молча оценивали таланты повара, только Мосей говорил Ивану Прокопьевичу, что к сердцу его пришлась сестра Мавры Аксинья. Наружностью и умом она чиста и очень обаятельна. Хочу жениться на ней, если отец с матерью позволят. Иван Прокопович про себя улыбался, он разделял мнение сына, поддерживал его. Завтрак подходил к завершению, появились музыканты, напомнила о себе тальянка, ей вполголоса подпевала скрипка. Вдруг звуки полились неудержимым каскадом, словно искрящийся водопад закружился над гостями. Все невольно взбодрились и задвигали ногами. Стол опустел.

Женщины подошли к печи, мужчины к противоположной стене. Первым раскрыл руки, словно для объятий, Мосей. Он ловко выделывал кренделя и нёсся по кругу. Все невольно наблюдали, перед кем он остановится. Прищелкивая каблукими и сделав глубокий реверанс, подлетел к Аксинье. Она смутилась и густо покраснела. Природная скромность вынуждала прятаться за сестру Мавру и мать свою. Мосей не сдавался, волчком вертелся у Аксиньи. Кудрявые волосы рассыпались по плечам, руки взмахивали в такт музыки. Аксинья не устояла и белым лебедем выплыла на круг. Мосей завертелся вокруг неё ещё быстрее. Тальянка пела, то тихим ручейком, то переливалась соловьиной трелью, скрипка вторила ей. Наконец плясуны спрятались за спины зрителей, на сундук. Мосей под шумок хотел поцеловать Аксинью, но она увернулась, озорно блестя глазами. На круг неожиданно вышла другая пара. Блистая лакированными сапогами со шпорами и медными подковами, по кругу шел Василий. Подойдя к невесте, изысканно поклонился, отбил чечетку и взмахнул рукой. Мавра слегка поклонилась и легко поплыла по кругу. Плясали они хорошо, с задором, с красивыми коленцами и частушками. Закончив пляску, пожали друг другу руки и поклонились на четыре стороны. Тальянка снова запела, убыстряя ритм. На круг вышел Никита – брат Мавры, вызвал сестру Мосея Лену. Плясали они красиво, словно на выпускном экзамене танцевального кружка, без выкрутасов. Степенной походкой вышел Наум и широким жестом пригласил Ненилу. Они плясали, как в давние времена, аккуратно исполняя замысловатые коленца. Сосед Петр вызвал Ходоску, а Тихон плясал с Машей. Ваня прыгал на кругу один – не нашлось ему пары, однако, лик с иконы дружелюбно смотрел на него – видать припасена для Ивана «изюминка» и он дожждётся её. Под занавес заявил о себе Мосей. Он обратился к родителям Аксиньи с просьбой её руки, а свадьбу хотел бы сыграть на новый год. Держась за сестру Мавру, мокрыми от слез глазами на него смотрела Аксинья. Мать от неожиданности покраснела, а Ефим чесал затылок – две свадьбы почти сразу - не накладно ли? Не утерпел Никита, громогласно заявив, что мечтает жениться на Елене и тоже в новый год. Дело принимало серьёзный оборот, забот прибавилось, славно было, что хлопоты эти радостные – к счастью. Ефим Степанович с женой Марией, Иван Прокопьевич с Ариной уединились и поговорили о желании своих детей, а затем собрались вместе, пригласили их, чтобы сказать, дело очень не шуточное, нужно хорошо все обдумать. Дети заверили, что чувства не обманывают их, а потому просят свадьбу не откладывать и сыграть ее в Новый год.

Зная своих детей, родители не перечили, послали Никиту в Иоткинскую церковь за Батюшкой Дмитрием. Он окропил святой водой желающих породниться. Тем более, что хорошо знал Ивана Прокопьевича, как и семью Ефима Степановича. Выпив чарку за успех мероприятия, распрощавшись со всеми, он уехал. Вскоре уехала новая машинская родня. Босинцы решили ехать на завтра, с рассветом. Вечером появился Самуил. Он вошел в дом и передал Василию приглашение от Андрейзена, посетить его. Самуил куда-то торопился, а потому вскоре уехал. Вася, Клим, Ульяна, Иван и жена его Арина Семеновна уединились в столовой и обсуждали вопрос о строительстве Василию небольшого, но

уютного дома. В этом пусть живут Ненила с Наумом, а в другой половине, что глядит на деревенскую улицу, Ульяна с детьми. Филе приятна Ходора, пусть живут, но сначала нужно отделить Василия. К весне его дом необходимо срубить. А после свадьбы они с Маврой проживут с матерью и детьми.

Противопожарный разрыв

Василий попросил Филю запрячь лошадей, для поездки к Андрейзену. Вскоре Вася уселся на повозку и поехал к Эдуарду Францевичу, который, ожидая его, расхаживал вокруг пруда по усыпанной желтым речным песком дорожке. Василий поздоровался и вопросительно посмотрел на него. Эдуард понял вопрос и ответил: «Две недели не видал, соскучился, расскажи, всё ли благополучно?» Василий рассказал, как выписывал лесобилеты, как вносил залог, как нанимал людей и что нужно доделывать. Рассказал о сватовстве и о том, что будущие родственники приезжали смотреть двора, что свадьба назначена на святки и он, Василий, приглашает господина Эдуарда Францевича Андрейзена с семьей к нему на свадьбу. Собеседник поблагодарил Василия за приглашение и заверил, что приедут, если здоровье не подведет, а в свою очередь, пригласил совершить путешествие в свою лесную дачу, со стороны деревни Богданово. В округе участились случаи лесных пожаров, а потому он решил прорубить противопожарный разрыв шириной пятьдесят метров от деревни Богданово до деревни Плоское. Просека начинается от неширокой, но полноводной реки Межа, что позволит сплавлять бревна в плотках. Мы вместе посмотрим древостой, там растущий, и найдем способ его транспортировки. Труд не малый, но и цену я прошу не великую – десятую долю от стоимости. Вы через неделю поставите рабочих из окрестных деревень. Скоро из Иоткино подъедет Ваш доверенный Кузьма Кузьмич. Он поможет определить места складирования хлыстов. Легкий на помине, подъехал Кузьма Кузьмич. Легко соскочив с двуколки, подбежал к ним. «Чем могу быть полезен?» - спросил он. «Хотим прогуляться в осеннем лесу и приглашаем тебя», – ответил Андрейзен. Василий кивнул головой в знак согласия. Андрейзен пригласил их в дом, предложил по сто граммов настойки и домашнего пива. Закусили окороком. Выходя из дома, накинули брезентовые плащи и уселись на пролётку. Поехали по недавно посаженной аллее в сторону деревни Прудня. Подъехали к деревне Козино, за ручьем свернули вправо, к Дулевскому мху, на деревню Миндюри. Если вспоминать прошлое, ехали по берегу старого озера, заросшего мхом. За беседой не заметили, как въехали в деревню Богданово. Через километр, у деревни Жирововка, в реку Межа впадает река Тросна, к левому её берегу примыкает небольшой лужок. С него начинается противопожарная просека, уходящая на восемь – десять градусов северо-восточнее. С двух сторон она ограничена затёсками, а посередине, на сажень шириной, прорублена просека. Эдуард Францевич отправил пролётку домой. Втроем они намечали места складирования древесины. По прорубленной просеке углубились в лес. Кузьма Кузьмич отмечал годные к сплаву деревья – хвойные, березовые, осиновые. К трем часам дошли до болот. Повернули назад, дошли до широкой оканавленной дороге, идущей прямо в Нелидовку – «широкой линии». Там путников ожидали дрожки Андрейзена. Через пятьсот саженьей встречались расчищенные просеки. У каждой из них вкопанные, окоренные столбы с нанесенными на них номерами кварталов и названием дачи. Заметно было, что дорога постоянно обслуживалась. С земляного полотна и из канав отводилась вода, сооружались водоводы из досок. Радовало, что в этом лесу есть хозяин. Солнце клонилось к закату. Его лучи падали на землю через паутину листьев и еловых ветвей. Путешественники подъезжали к Нелидовке. Дорожное полотно покрывало желтое одеяло речного песка. Промытый

речной водой, он состоял из кварцевых зернышек без примеси пыли, хорошо укатывался, не проминался под колесами повозки. В сумерках двуколка остановилась у дома Андрейзена. От лошадей валил пар! Подбежали конюхи, протёрли их спины ветошью, повели по двору и завели в конюшню. Наум с повозкой ожидал Василия. Василий распорядился отвезти Кузьму Кузьмича домой, а сам разговаривал с Эдуардом Францевичем. Вскоре пролетка Василия возвратилась. Андрейзен усадил Василия в повозку и направился в дом. День был тяжелым, много прошли пешком. Зато теперь Василий хорошо знал какую древесину получит от этой затеи, что можно будет сплавить в Ригу, а что реализовать дома кустарям – бондарям, что продать дровами. Подъехав к дому, он оставил Наума и подошедшего Филиппа распрягать лошадей и приводить в порядок повозку. Сам он направился к матери, рассказать ей, что он подрядился прорубить в Андрейзенском лесу противопожарный разрыв - от деревни Богданово до деревни Плоское – тринадцать километров. Пригодный для сплава лес он будет возить на заливаемые весной луга, для связи в гонки. Разрубка трассы будет вестись одновременно во многих местах.

Назавтра он собирался ехать в деревню Тросна нанимать народ. Решили, что пока нет морозов, нужно вырубить мелколесье и кустарник, сложить на просеке. Поужинав, улеглись отдыхать. Утром положили в облучке топоры, лом, пилу - двуручку и поехали в деревню Тросна. Путь проходил по узкой дорожке, по которой возили дрова, ходили по грибы и ягоды, на охоту. Василий решил благоустроить этот проезд, для чего поручил Петру и Науму расширить его до двух сажений. Они вырубали кустарник и жердняк, укладывали на болотистые места. При необходимости, спиливали деревья. После полудня прибыли в деревню Тросно, расположенную на левом берегу одноимённой реки. Проживали в ней пятьдесят два человека взрослых и детей. Увидав мужчину (средних лет и среднего роста), Василий спросил, где живет староста. Мужичок ответил, что староста он, зовут его Петр, а живёт он в доме, что рядом с ними. Василий назвал себя и попросил собрать людей для обсуждения условий подряда, который Василий хочет им предложить. Вскоре у дома старосты собралось всё способное передвигаться население деревни. Василий вышел вперед, поглядел на людей и заговорил: «Я из деревни Козино, сын Лариона, который на каторге, мать моя - Ульяна. Бывал у вас раньше. Зовут меня Василием». Толпа загудела. Люди знали Ульяну, она помогала как знахарка и как грамотный человек. Василий продолжал: «Приехал я к вам за помощью. Рядом с вашей деревней будет проходить противопожарный разрыв - для предохранения леса от пожара. Он пройдет от деревни Богданово до деревни Плоское. Деревья будем спиливать по морозу, а сейчас вырубим кустарник и жердняк и сложим в кучи на прорубленной просеке. Скажите свою цену за отработанный день. Начнем прямо сейчас очищать полосу ограниченную визирами – двадцать пять сажений. Мужчины вырубают, а женщины и дети снашивают и укладывают в кучи. Платить буду женщинам на пятнадцать копеек меньше, чем мужчинам, детям от десяти лет на десять копеек меньше, чем женщинам.

Старшим – ваш староста Петр. Он будет учитывать явку на работу и отмечать в тетради, решать все другие вопросы. Люди молчали, а Василий продолжал: «Прошу вас назначить вашу цену за один день работы. Теперь под моим руководством, Петр и мой представитель Наум покажут, что нужно делать. Василий с Петром и Наумом подошли к западному визиру. В смешанном лесу отчетливо выделялся строй немного наклоненных вперед, очищенных от коры в верхней части вешек. Среди зеленого елового подроста и буроватых стволов ели, он выделялся ровной, белой строкой. Справа и слева от неё, на стволах деревьев блестели затески. Оставив Петра, Наум с Василием пошли к восточному визиру

через прорубленную по центру просеку. Пни на ней были заподлицо с землей, хлысты, очищенные от сучьев, лежали на вырубке. Сучья и кустарник - тоже там, собранные в кучи. Теперь границы вы знаете, приступайте к вырубке подлеска, хвороста и жердняка, складывая в кучи. Женщин и детей равномерно распределите к рубщикам, но чтобы они находились от них не ближе пятидесяти метров. Контроль и руководство - за Наумом и Петром. Спрашивать за это буду строго. Тросняне совещались. Работа стала понятнее. Свои условия сказали устами женщин. Вперед вышла моложавая Матрёна.

«Мужики думают, - сказала она. - Если работать по совести, весь световой день, то мужику нужно получить тридцать пять копеек. Женщине - двадцать, ребенку - десять» - Василий согласился, рассказал, как вести учет. Велел Ивану переписать всех работающих, дал ему тетради для учета работающих - мужчин, женщин, детей. Женщины и дети побежали домой за инструментом и тормозками, а мужики сели покурить. Вскоре прибежали дети, принесли топоры и бруски, чтоб их точить. Мужики отмерили себе захваты и начали рубить. Когда прошли по пятьдесят метров, уселись курить, а женщины и дети собирали хворост и сучья и снашивали на просеку в кучи. Мужики через пятидесятиметровый разрыв рубили следующий захват. Перед отъездом Василий предупредил, что в конце каждой недели Наум будет их рассчитывать. Василий перекрестился сам и перекрестил рабочих, развернул двуколку и поехал в Богданово. Через час они остановились у дома Глеба. Хозяин встретил их, на крыльце пригласил за стол, подал по самодельной ложке из липы. За столом Василий поведал Глебу, что приехал по поводу разрубки противопожарного разрыва, который начнется от деревни Тросно, а закончится у деревни Плоское. Крестьясь на образа, гости поблагодарили хозяев и вышли из - за стола. Глеб попросил сыновей, одиннадцати и тринадцати лет, пригласить троснян к мосту через реку Тросна перед деревней Жирововка, а затем - жителей той деревни. Поговорив о будущей работе, Василий с Глебом пошли на сходку. Народ быстро прибывал. Собралось не менее ста человек. Василий снял картуз, перекрестился и начал говорить: «Богдановцы! Эта лесная дача принадлежит Эдуарду Францевичу Андрейзену, её дарами пользуются все живущие вблизи её. В последние годы, в связи с засушливой погодой, участились лесные пожары. Выгорает много ценной древесины, ягодники, моховые болота, сенокосы и пастбища. Чаше поджигают лес умышленно. У нас пока тихо. Народ уважает Эдуарда Францевича, понимает, что лес и их кормит, но бережёного и бог бережёт, а потому решил он разрубить противопожарный разрыв, от «лужка» где мы стоим, до деревни Плоское, шириной двадцать пять саженей. Согласных работать, прошу высказать условия оплаты». Василий надел «картуз» и умолк. Люди оживились, переговаривались меж собой. Худощавый, лысый мужчина спросил: «А не обманешь?» Получил ответ: «Среди вас есть люди, которые знают меня, например Глеб. Сам я из деревни Козино - Василий Ларионович Румянцев. Мать моя - Ульяна, а отец по злому умыслу и недомыслию попал на каторгу». Послышались голоса: «Об отце ничего хорошего сказать не можем, а мать твою знаем и уважаем, потому и тебе верим. Называй цену!» Василий ответил, что сегодня тросняне запросили за работу от темна до темна, за день - мужчине по тридцать пять копеек за вырубку, женщине за отнотску - двадцать копеек, ребенку - десять копеек. Дети будут работать на два часа меньше. Старостой у вас будет Глеб. Ему поручаю учет выхода на работу и выдачу заработной платы. Даю ему три тетради для учета работы каждого. Отчитываться он будет передо мной. Глебу я верю. Теперь, засветло, покажем вам, что и как нужно делать. Он показал людям разрубленную просеку и граничные визиры - западный и восточный. Они с Глебом сняли полушубки и приступили к вырубке - Василий от западной полосы, а Глеб от восточной. Предупредили: пока вырубаются первые пятьдесят метров, другим

работать там нельзя, чтобы предупредить травмы. Подошел к смотревшим на него людям, спросил, есть ли вопросы. Все молчали. «Что будет непонятно, спросите у Глеба. Я приеду в субботу».

Василий сел в двуколку и поехал домой. Встречали его Филипп и Тихон. Матери рассказал, что, когда ехали в деревню Тросно, дорогой у мха, расчистили её. В Тросно приступили к расчистке противопожарного разрыва, завтра приступят к такой работе в деревне Богданово. Народ там очень хороший. Завтра поедет в деревни Половцово и Шарапкино, чтобы там расчищали, с севера. Разговаривая с матерью о своих делах, Василий видел, что тень печали время от времени появляется на ее лице. Потому и не может она полноценно вести беседу. Обняв мать за плечи, Василий проговорил: «Мама, что с тобой? Расскажи, вдвоем легче принимать решение».

Ульяна рассказала. Утром, после отъезда Василия в деревню Тросно, к ним пришёл её двоюродный дядя - Яков, который живёт в Петербурге. «Он был в Босино, проведовал родных. Теперь, проездом, заехал к нам. Он и раньше заезжал, отца ругал за пьянство и беспутную жизнь. Живёт он в столице, на императорском обеспечении, в государственной квартире, с пенсионом и столом. Это ему награда за службу начальником полицейского околотка. Детей у них нет. Одним скучно, деть себя некуда. Он и предложил передать Ивана ему, на правах сына. Ване пришло время в школу поступать. Яков живёт в одном доме со школой. Воспитание он получит хорошее. Жена у дяди душевный человек, да и приятно, не чужой - племянник. Он им разнообразие в жизни придаст и душевную отраду. После окончания четырёх классов, по достижении десяти лет дядя его, как сына, в полицейскую школу отдаст, на полное обеспечение. На каникулах никто ему не помешает приехать к нам, в Козино. Всегда рады будем. Будет он полицейским офицером. Тяжело разлучаться с ним. Что делать Вася?» - «Где сейчас дядя» - спросил сын. - «У Клима, где ещё ему быть?» - «Я схожу, повидаюсь». Через час Василий вернулся, озабоченно посмотрел на мать и проговорил: «Расставаться с братом мне трудно, но они меня убедили, что это лучшее, что можно сделать. Детей у Якова нет. Они с женой очень хорошие люди, как ты, мама. Пусть учится. Летом я привезу его к нам на каникулы. В будущем, работая в Питере, будет приезжать к нам. В дорогу дам Якову пятьсот рублей для Ивана, чтобы не знал нужды. Теперь нужно позвать Ненилу, чтобы собрала его в дорогу». Сестра Маша трогательно просталась с братом. Василий сказал, что Яков поедет на рассвете, с ним поедет и он. Они заедут в Июткинскую церковь, к отцу Дмитрию, чтобы выписать метрики на основании церковных книг. Этот документ спросят при поступлении Ивана в школу и училище. Ваня, который тот день провел на улице со сверстниками, рано уснул и проспал до утра. Первыми проснулись Наум и Ненила, разбудили других. Подошли Яков и Клим, они шутили с Иваном. Яков посадил его рядом с собой за стол завтракать, шутя, предложил ему поехать в град - столицу - Петербург. Клим читал знакомые Ивану стихи Ершова: «Братья сеяли пшеницу да возили в град - столицу». Иван продолжил: «Знать столица та была недалече от села». «Молодец», - сказал Яков и подбросил его к потолку. Ваню одели в тёплую одежду. Маша, прижавшись к матери, плакала. Все целовали Ивана. Яков понёс его в пролетку, в тёплую корзину. В доме остались мать, Клим, Филя, Тихон, Ненила, Ходора и Ходоска. Двор был пуст. Яков с Ваней и Василий ехали на первой повозке. Наум - на пролётке, позади.

Подъехали к дому батюшки Дмитрия, постучали. Дверь открыла нянечка его детей. Вася сказал, что им срочно нужно видеть батюшку. Пригласили войти. По просьбе Василия отец Дмитрий достал из ящика церковную книгу регистрации рождения и, посмотрев на Ивана, спросил: «Как зовут Вас, молодой человек?» - «Иван Ларионович Шмырёв», - ответил Иван. Батюшка улыбался. «Какой тебе

годик?» - «Седьмой». – «Где ты родился?» - «В Козино» – ответил мальчик. «Кто твоя мама?», - «Ульяна Прокопьевна, а тятя Лоря». «Где же он сейчас?», - « Мой тятя Лоря в далекой ссылке, но я его не люблю. Люблю маму, брата Васю, сестру Машу». Батюшка заполнил метрику, отдал её Василию. Тот передал дядюшке Якову. Вася и Яков распрощались с гостепреимным священником. Яков взял Ваню на руки, вышли на крыльцо. Рассвело. Выехали на тракт Смоленск—Торопец. В деревне Березняки Вася распрощался с Яковым, братом Иваном и повернул на деревню Шабаны, чтобы оттуда ехать в деревню Плоское.

Деревня совсем малая – пять изб. Жили бедно, но люди, на удивление, душевные и добрые. Перед началом беседы, Василий попросил показать прорубленную просеку и граничные визиры. С ним отправились два молодых охотника. Исходив опушку леса, ничего не нашли. Собрались возвратиться в деревню, но, к счастью, встретили мужчину из деревни Шабаны. Он указал, где видел затёски на деревьях. Проверка показала, что это и были искомые визиры. Был то Марусев Прокоп из деревни Шабаны. Мужик работающий и многодетный. Все дети - прекрасного пола. Одну из дочек замуж выдал в 1910 году за Тихона Прокоповича, что был смотрителем прудов у деревни Прудня. Позже, в 1937 году, внучка Василия, Матрёна, выйдет замуж за сына Тихона и его дочери, Насти - Григория. Прокоп умел читать и считать, потому Василий назначил его старшим в сводной бригаде из жителей деревень Плоское и Шабаны. Пообещал ему платить по шестьдесят копеек в день. Дал ему три тетради и список работающих. Начало работы перенесли на завтра.

Шарапкинские и половцовские решили работать одной бригадой. Шарапкино – деревенька в семнадцать дворов на правом берегу реки Межа, на косогоре через реку от деревень Кривоносовка и Вышегоры. Посреди деревни красовалась барская усадьба с садом. После революции яблони и плодоносящие кустарники приватизировали. Они плодоносят и теперь в крестьянских огородах. Серьёзным неудобством было, как и теперь, отсутствие моста через реку, пользовались бродами. Не богаче была и деревня Половцово, расположенная на том же берегу реки Межа, напротив имения Федоры. Беды - общие с шарапкинскими - отсутствие мостов. Жили там, в пятнадцати избах, пятьдесят один человек. Работоспособных набралось тридцать человек: мужчин пятнадцать, женщин пять, остальные - ребятишки. Договорились, что завтра на Ульянинской просеке их будет ждать Филипп. Он отведёт их до места работы. Василий обещал приехать позже. Разговаривал Василий с ульянинцами, прудянами, козинцами. Согласие людей получил, а конкретно о делах договорились определиться на завтра на месте. Определили время и место встречи. Назавтра Василий с Наумом расставили вновь привлечённых, проверили работу троснян и богдановцев, засветло вернулись домой.

Пообедав, Вася отправил Филю за Климом, пригласил мать и повел разговор о необходимости ехать в город Белый за товарами для свадьбы и магазина. Клим предложил свою помощь, но Ульяна опасалась перегруженности повозки. Климентий выразил готовность ехать на своей повозке и взять с собой Тихона. Будут они не обузой, а помощью. Наум с Филей принялись переоборудовать двуколку в пролётку. Вася проверил маузеры и винчестер, патроны к ним. Улеглись спать. Утром, позавтракав, выехали. Ехали налегке: Вася с Наумом, Клим с Тихоном. После обеда были в городе Белом, у купца Зеликсона. Купили много ходового товара, упаковали его в дорожные кули, многое оптом. Это снизило цены. У купца заночевали, все в одной комнате. Вечером Клим вышел погулять по Белому, встретился со своими давними знакомыми. Узнал, что завтра, рано утром, от купца Меньшутина через Белый и Монино на север губернии идёт обоз из десяти подвод с товаром. Конвой жандармов из восьми человек - по

волостям за арестованными. Василий и Климентий пошли к купцу Меньшутину, чтобы сообщить, что и они поедут на двух подводах. Купец обрадовался. Подошёл его зять Самуил Баскин – добрый знакомый Василия. Самуил рассказал, что у тестя охрана пятнадцать человек, десять возчиков. Городничий дал полусотню казаков, из них двадцать пять человек в ста метрах впереди, а двадцать пять в ста метрах позади. Выехали при луне, в шесть часов утра. С рассветом проехали Паново. Скоро должна быть река Льба. От Панова до Монино сплошной лес. У Льбы чистые луга. Места очень опасные. Проехали ещё три версты. Справа и слева от дороги всё чаще слышалось лошадиное ржанье.

Баскин подъехал к Вахмистру, поинтересовался: «Откуда в лесу лошади и их ржанье, - Вахмистр усмехнулся: «Нужно быть готовыми ко всему. Наши казачьи лошади не ржат, так приучены. Ваши, обозные, тоже. Ржат верховые, вольные. Есть предложение зарядить ружья и быть ко всему готовыми. Я послал лазутчиков, они вскоре появятся и прояснят обстановку». Во время разговора, к Вахмистру подъехало четверо верховых. Лазутчики доложили, что справа и слева от тракта, сажень в ста, обнаружен конский помёт. Грабители идут по обе стороны дороги. На одной из полян бросятся отнимать и убивать. Вахмистр поручил Баскину пройти каждую повозку, объяснить людям, что когда начнётся стрельба, коней положить, чтобы не убило, всем сказать, чтобы стреляли прицельно, берегли патроны. Самуил проехал по обозу, рассказал людям, что ждет всех, и что нужно предпринять в случае нападения. Люди приготовились к самому худшему, над караваном повисло безмолвие. Мужчины ощупывали оружие, но караван шёл. В воздухе носилась изморозь, грязь облепила колеса, налипала на сапоги. От лошадиных круп валил пар. Наконец показались поля и речушка Льба. Заросли расступились, дорога выходила на луг. С обеих сторон дороги, из зарослей густого кустарника, показались толпы людей. Передовой казачий отряд положил лошадей, изготовился к стрельбе. Замыкающий отряд спрятался под кроны деревьев. Жандармы и обозники тоже положили коней и изготовились к стрельбе. Обоз затих. Над полем неслись крики бегущих людей. Они становились все громче. Вася держал в руках винчестер. Наум с маузером присел за облучком пролётки, щёлкнул боевым взводом и стал ждать.

Босоногая рать приближалась густой, ревущей толпой. Когда разбойники оказались рядом, словно по команде затрещали выстрелы. Ухал винчестер. Смолк боевой клич наступающих, сменившись стоном раненых. Стрельба продолжалась. Нападавшие остановились, побежали назад. В это время из леса галопом выскочил казачий резерв, догнали отступающих, били их шашками «плашмя» и сгоняли в охраняемую группу. Им связывали руки и нанизывали, словно бусы на нитку, на длинные веревки. Ранено было десять человек, убито два, поймано сорок два человека. Бандитов обыскали, отняли ножи. На повозках жандармы повезли раненых и убитых, связанных привязали к телегам. Всех доставили в город Белый. Обоз продолжал движение. Василий с Климом благополучно добрались домой, товары сложили в амбары. Утром к Василию пришли приказчики. Одного из них Наум отвёз в шейкинскую лавку, другого в иоткинскую, обоих - с товарами. Товары они брали в кредит, но в определенное время обязывались уплатить часть дохода, за хлопоты. Все денежные расчеты Василий «записывал в голове», но только теперь понял, что в голове стало тесно. В Козино никто не мог писать и считать, кроме Ульяны и Василия, которого в детстве учила мать.

Жизнь диктовала свои условия – Василию требовался секретарь. Чтобы найти его, решил Василий обратиться к Кузьме Кузьмичу. На берегу реки встретил Самуила Ефимовича. Тепло поздоровались. Василий поведал ему свои печали. Самуил посоветовал поговорить с отцом Дмитрием, помочь ему ассигнациями на нужды церкви. Василий подъехал к церкви, постучался в калитку. Ему открыли,

впустили во двор. Наума направили к кучеру, а Васю принял благочинный. В кабинете Вася упросил его принять в дар сорок рублей ассигнациями - для укрепления церкви - изложил свою просьбу: порекомендовать молодого человека, умеющего читать, писать, считать. Отец Дмитрий заулыбался и проговорил: «Потерпи немного, максимум полмесяца. Зовут этого человека - Мавра Ефимовна Земскова – твоя будущая супруга. Она два года назад закончила церковно – приходскую школу. Была лучшей ученицей.» Вася поблагодарил за подсказку, но сказал, что ему нужен приказчик, который выполнял бы его поручения в любом месте и любой ситуации. «Да, Василий, такой человек есть, ему четырнадцать годков, по фамилии Миркин, зовут Зосим. Дальняя родня Самуила Баскина. Живёт у меня. Круглый сирота, из иудеев. Уже четыре года, как принял православие». Вася спросил, есть ли у него опекун. «Опекуна нет, но вы можете его усыновить», попросил дочь пригласить Зою. Зосим вскоре пришёл, поклонился, поцеловал батюшке руку. Отец Дмитрий попросил его побыть с ними и познакомиться с Василием Илларионовичем Румянцевым, начинающим лесопромышленником, жителем деревни Козино, хорошим знакомым Самуила Ефимовича и Эдуарда Францевича Андрейзена. Отец Дмитрий сказал, что Василий его друг, глубоко предан православной вере и Всевышнему Господу нашему Иисусу Христу. «Ему нужен грамотный, преданный приказчик. Я хочу, чтобы ты дал согласие. Жить будешь в Козино, но в любое время вернёшься к нам. Тебе будут платить третью часть жалования приказчика, потому что ты несовершеннолетний. Как исполнится двадцать лет, сам будешь решать». Зосим попросил время на сборы в дорогу. Вскоре он вошел в кабинет, одетый по «дорожному». Отец Дмитрий благословил обоих. Молодые люди вышли из дома, уселись в пролетку и поехали к Андрейзену.

Эдуард Францевич напоил их квасом и сказал, что он осведомлен о работе на трассе, дела идут к завершению. «Я рад, что ты взял Зою». Дорогой Зосим любовался молодой березовой аллеей, цветущими лугами, зелёным льном с голубыми цветами. В Козино их встретили Филя, Тихон и Налет. Вася оставил Зою с Наумом и направился к матери, чтобы подготовить её к приёму нового члена семьи. Мать обрадовалась и попросила привести его поскорее. Василий нашел Зою с Филей в конюшне и попросил зайти в дом, познакомиться с матерью. Зосим смутился, но Василий подмигнул ему и попросил не опасаться матери. Она и сестра Маша хорошие люди. Беседуя между собой, они вошли к Ульяне. Вася позвал Марию и познакомил их с Зосей. «Он круглая сирота. Его отец, мать и младший брат погибли от рук бандитов. Зою миновала страшная участь. Отец Дмитрий характеризует его, как порядочного человека. Четыре года назад он перешёл в христианскую, православную веру. С сегодняшнего дня Зосим мой помощник, главный приказчик. Сидеть он будет по левую руку от меня. Завтра поедем на просеку. Теперь помолимся и поужинаем». Все шептали молитвы и крестились. Когда ужин закончился, все ушли отдыхать, но через четверть часа собрались вновь. Василий попросил Зою почитать что-нибудь. Зосим поклонился и заговорил. Голос у него был чистый, спокойный, ровный. Он объявил, что прочитает о житии Господа нашего Иисуса Христа. Начал читать. Дикция и голос завораживали. Прошло много времени, а все внимательно слушали. Василий вынужден был вмешаться: книгу читаешь хорошую, чтобы продлить удовольствие, такие чтения будем организовывать ежедневно, перед ужином. Кроме того, я хочу, чтобы ты научил такому искусству сестру Машу и всех желающих. Зосим ответил, что это не сложно. Нужно время и желание. Все разошлись спать. Зосим подошел к Василию и шептался с ним. Василий повернулся и хотел идти с ним, но подошел Фадей, которого Василий приютил. Себя он кормил пастьбой деревенского стада, даже немного откладывал про запас. Василию он рассказал, что по роду работы

встречается со многими людьми как в Козино, так и в других деревнях. Часто слышит, как нелюбезно отзываются о семье Румянцевых. Добрым людям на пересуды времени не хватает, а некоторые от безделья треплются. Все понимают, что у них зависть на волю просится. Страх перед ними нет, но по глупости всякого могут натворить. Вы живете честно, открыто, даже врагу добра желаете. Их это и бесит, поскольку они на такое не способны. Фадей решил помочь Василию. Начал с того, что привязал к столбу во дворе пустую старую бочку. Ночами буду караулить имущество. Если подозрительное замечу, буду стучать, что есть сил. Не только вас, а и всю деревню разбудю. Василий поцеловал доброго старика, поблагодарил за заботу, предложил овчинный тулуп и прочую одежду. Для надёжности - винчестер и маузер. Кроме того, пообещал жалование и приём пищи за общим столом. Днём будешь отдыхать, а Филя, Тихон и Антип работать. Ночью ты будешь охранять всех, а мы будем спать. Василий перекрестил старика и отправился показывать Зосе туалет. Спали они в большой спальне, где отдыхали мать, Ненила, сестра Маша (только за переборкой). К Василию подбежала Маша и спросила: «Неужели я научусь читать, как Зося?» Спроси у него, ответил Василий. «Конечно, Машенька, будешь даже лучше, если не заленишься». Зося поглядел на Василия и сказал, что ему нет разницы, учить одного или целый класс. «Предлагаю устроить маленькую школу. Приобрести принадлежности для учебы. Подобрать комнату для класса. Когда всё соберём, начнем занятия». Наконец Василий с Зосей добрались до кроватей, разделись и забрались под одеяла. За стеной «выл» ветер, бросаясь в окна снежной крупой. В избе тепло и уютно. Они лежали на рядом стоящих кроватях, каждый думал о своём.

Это был долгожданный момент между сном и бодрствованием, когда мозг рисует явью самое сокровенное. Василий любовался Маврой в легком сарафане на цветастом лугу, у реки Межи. Мавра пряталась в траве и растворилась в лучах утреннего солнца. Зося разговаривал с матерью и маленьким братом на берегу озера, рассказывал им о школе, что ему по душе русская литература. Школой сон закончился. Там он узнал об их смерти. Утром Василий первым вышел во двор, обнаружил, что за ночь намело много снега, ветер утих, ярко блистали звезды. Небольшой мороз стягивал кожу. Василий большими ладонями зачерпнул снега и начал растирать его на лице и шее. Скрипнула дверь, до Василия донеслись запахи накрытого стола. Ненила позвала завтракать. Подошел Наум, спросил куда поедет. Василий ответил, что сегодня проедем всю трассу, от деревни Богданово до деревни Плоское, запрежем сани с кибиткой, чтобы теплее было. Морозец бодрил, лошади легко бежали. Подъехали к дому Глеба в Богданово, у крыльца увидели жену его. Вся деревня ушла в лес. Дорога была натоптана людьми и повозками. Рассветало, все выше поднималось солнце, но мороз не слабел. Просека представляла собой очищенную от древесины полосу двадцать пять саженей шириной, с пнями, спиленными вровень с землей. Посреди, аккуратно уложенные, очищенные от сучьев, хлысты. По центру трассы - готовые к сжиганию сучья, в понижениях поперечный настил, ограниченный с «обоих» сторон затесками. Вдаль уходил, широкой полосой, противопожарный разрыв. У Зоси восторженно заискрились глаза. «Вдалеке» заметили копошащихся людей, но только за тропинкой на деревню Тросна разглядели их лица. К Василию подошли старосты Глеб и Иван. Василий попросил не прекращать работу, а для Зосима разложить костер, рядом установить скамейку и соорудить небольшой стол. Иван диктовал фамилии троснянцев, называл число отработанных дней, их заработную плату. Таким же образом, занесли в тетради учета богдановцев, мендюрёвцев. Подсчитали: сколько заработала каждая «семья» и выдали деньги. Василий временно освободил от работы женщин и детей, пока мужчины не вырубят крупный лес и не стреляют его к реке. По мере вырубки леса, под руководством

старосты, женщины будут сучья сжигать, либо закладывать ими топкие места. В честь приближающихся «Святок», Василий подарил всем по три фунта пряников и карамелей. Перед отъездом спросил, есть ли вопросы и жалобы. Однако, ни вопросов, ни жалоб не было. Там же решили трелевать к реке хлысты и укреплять дорогу настиллом и хворостом. По ней уже «стрелёвано» около десяти тысяч кубометров леса. Ходившие этим проездом, сто и более лет спустя, говорили, что дорога эта жива и сегодня. В тот день, Василий с Зосей выплатили около двух тысяч рублей, тогдашних, золотых, николаевских. Домой ехали по Торопецкому тракту, навестили отца Дмитрия. У него приобрели необходимые для учебы принадлежности. Дома их ждал Эдуард Францевич Андрейзен, который беседовал с Ульяной. Василий вошел к матери и увидал там своего друга. Тепло поздоровались и все вместе стали обсуждать свадебные проблемы. Андрейзен предложил нанять знакомых поваров, а им в помощь аккуратных женщин. Эдуард Францевич уехал домой. Ранние холода принесли мороз и пронизывающий ветер со снежной пылью. Зося с Тишей забрались на сеновал, устроили в сене нору, сидели там, слушая вой ветра. В доме накрывали на стол, Ненила звала ребят, Вася с матерью думали, где взять повара. Решили просить у матренинского помещика выделить им своего повара – немца, советником и руководителем. После ужина, Зося снова читал Евангелие, мороз не спадал, но в избе было тепло. Утром, после завтрака, когда запрягали лошадей, чтобы ехать в Матренино, у дома остановился экипаж. В приёмную вбежал молодой, элегантно одетый мужчина и прямо с порога заговорил, путая немецкие и русские слова: «Я с поручением от господина Миллера. У вас женится сын Вася. Миллер посылает своего повара». В дверь постучали, говоривший засмеялся: «вот и он». В двери стоял хорошо одетый человек средних лет. Он представился: «Курт Меер, ученый повар, работал в Берлине и Дрездене, сегодня в Матренино. По поручению фон Миллера, помогу вам готовить кушанья на свадьбу. Сейчас прошу сведения: сколько будет человек, какие блюда хотите видеть на столе? За два дня до свадьбы приобретите продукты по списку. Мне нужно два местных повара». Вася попросил полчаса для ответа, а Курт - фунт свинины для завтрака. Вася послал Тихона за дядей Климом. После прихода Клина пригласили Ненилу и, посоветовавшись, решили втайне готовить свои блюда в другой печи, в другой избе.

Весь день Василий с Зосей оборудовали класс для ликвидации безграмотности. В летней избе, в чулане, у русской печи был склад домашней утвари. Туда редко кто захаживал, потому облюбовали его пауки, развесив свои паутины хитроумным способом, чтобы муха не могла их миновать. В печи готовили «варево», его ароматы и привлекали их. Пришлось убрать посуду, маслобойки и лукошки, вымыть и отскрести стены и пол. С помощью Наума из оставшихся со времен постройки дома строганных досок, соорудили столы и скамейки. За учительским столом повесили школьную доску, что привез из Иоткина Зося. Повесили и разложили школьные приспособления. В тот вечер, из-за усталости «учителя», Ульяна «ликбез» отменила, отправила всех спать. Вечерело. Поужинал и отправился на пост Фадей, за ним увязался Тихон – послушать старика о боях и войнах, в которых тот участвовал. Немного поговорив с подростком, сторож направил его спать объяснив, что разговор мешает ему слушать ночные шорохи, можно и вора прозевать. Тихон спал в сторожке, на конюшне. Рядом посапывали Наум и Филя. Перед сном, в дремоте, Василий видел «свою» Мавру, тепло вспоминал сестру Машу и брата Ивана и многих других людей, принимавших участие в его судьбе. Сон легким «саваном» опустился на его голову, но видения не исчезли. Живописная явь плыла перед глазами, ему казалось, что он не спит.

Лёгкое прикосновение материнской руки разбудило Василия. Он поднялся. Ульяна позвала его в свою комнату и показала на лежащие у двери мешки. Мать улыбалась: «Предлагаю тебе съездить в Машкино, ты заработался и забыл, что этот день особенный для тебя. Поговори со своей будущей роднёй. Они тебя очень ждут. Возьми с собой Зося. Пусть он запишет, что сделали, какие люди это делали, сколько нужно заплатить и что нужно делать ещё». Показала рукой на мешки – «Эти подарки моей будущей родне передай. Порядка ради, называй их мама и тятя, а Мавру целуй в уста и называй, моя родная, моя любимая. Вася испытующе посмотрел на неё, улыбнулся, но мать ответила, что это правило выработано поколениями. Все умные люди так делают – «Ефиму скажи, что приехал посмотреть, как идут дела и какая помощь нужна». Василий принарядился, они с Зосей позавтракали. Наум доложил, что лошади поданы. Василий напомнил Зосе, что нужно взять принадлежности для письма. Зося взял портфель, бумагу, карандаши. Василий проверил оружие, осмотрел мешки с подарками, отослал Наума в дом, переодеть полушубок, а тот, что на нем, вручил Филе, почистить. Вася сказал Науму, что необходимо заехать к Эдуарду Францевичу. Пара лошадей разом тронулась. Санки легко скользили по недавно выпавшему снегу. Миновали деревню Прудня и Андрейzenовские пруды, подъехали к березовой аллее. Стебельки березок, привязанные бечевой к забитым в землю кольям, вздрагивали на ветру. Они стояли вытянувшись, как солдаты по команде «смирно». Лошади легко вынесли санки на пригорок, где начиналась дорога на Ульянино и на смену березам в аллее встали лиственницы и кедры. Осмотрели лошадей, упряжь, телегу и поехали далее. У крыльца Андрейzenа остановили лошадей. Василий постучал в дверь и вошел. Эдуард Францевич поднялся с кресла, подошел к Василию, обнял его. «Далеко ли путь держишь?» - спросил он. Вася ответил: «Проведать родню, посмотреть, как идёт заготовка леса и вывозка его на луг». Андрейzen рассмеялся: «Наконец догадался!». Вася покраснел, взмахнул рукой: «Мать надоумила». Андрейzen ответил: «Для того она и мать. Хорошо, когда все хорошо заканчивается». Добавил: «Передай невесте в подарок эти часики и колечко. Они Швейцарской фирмы. Надень их ей на левую руку, повыше кисти, покажи, как пользоваться. Поезжайте с Богом, на обратном пути не заезжайте, меня дома не будет». Выходя из поместья, встретил мужиков из Нелидовки – Никитина Василия и Боселова Максима. Они были родственниками Эдуарду. Наум показал лошадям «кнут», они понеслись. Через час подъехали к дому Ефима Степановича. Вася тихонько постучал в дверь.

Дверь открылась неожиданно быстро. На пороге стояла Мавра в простеньком, домотканом платьице. Зося глядел на неё во все глаза. От неожиданной встречи она растерялась. Вася поднял её на руки, занёс в комнату, поставил на пол, надел на палец кольцо, а на левое запястье - часы, и сказал: «Веди нас к отцу и матери». Родители слышали скрип двери и шаги, поняли, кто к ним пришёл, и выходили встречать. Вася и Зося сняли картузы, поклонились отцу и матери, поцеловали их. Ефим Степанович проводил молодых людей к себе в кабинет. Там они сняли шубы и уселись на скамейки за стол. Василий поинтересовался у Ефима, как идёт работа на лесосеке, что сделано. Задал Василий и второй, основной, вопрос: «остались ли в силе предыдущие договоренности о бракосочетании? Как идут дела и сможет ли он помочь?» В то время Наум нёс первый мешок и встретил Марию – мать Мавры в прихожей. Она молча смотрела на него. Он положил мешок на пол, побежал за другим. Вернулся, спросил у неё - куда их нести? Мария спросила: «Что в них». Наум ответил, что их прислала Ульяна – вероятно, подарки. Она отвела его в летнюю половину, где Мавра разглядывала подаренные часы. Наум положил мешок на пол, вернулся и принёс другой. Затем подошёл к лошадям, протёр им спины и укрыл попоной. Подошёл Егор, распорядился отвести лошадей в хлев, а сбрую сложить в тёплое место. Наум исполнил распоряжение и уселся в прихожей, не спуская глаз со стоявших у крыльца санок, где в ящике было сложено оружие. Василий и Зося в

кабинете Ефима Степановича слушали его рассказ о положении дел. Лесозаготовители работают звеньями родственников: отец с сыновьями или дядя с племянниками по три – четыре – пять человек, а также и семьями. Вася предложил переписать всех работающих по бригадам в тетрадь. На каждый день – кто работал, сколько заготовили и сколько получить заработной платы. Егор и Ефим говорили, а Зося заносил в тетрадь.

Когда работу закончили, Василий точно знал, сколько у него в наличии хлыстов и сколько он должен заплатить заработной платы. Кроме того, он хотел побывать в лесосеке и на рюме, куда их вывозят. Ефим поручил это Егору. Вошла Мария и пригласила всех к столу. Вася хотел сначала побывать на рабочих местах, но, вспомнив наказ матери, низко поклонился и сказал: «Спасибо мама, твое слово – закон. Мы умоемся и сядем за стол». Зося пошутил: грешно побывать в гостях и не отобедать», - побежал мыть руки. За ним Василий. У умывальника краем полотенца утирал руки Наум, а Аксинья ему прислуживала. Помолившись, сели за стол. Перед обедом смотрели подарки. Аксинья, не уставая, носила их и вешала на стулья. Рядом с Василием сидела Мавра в нарядном платье, с рукавами чуть ниже локтей. На левом запястье, золотом блеснул браслет с маленькими часиками. На правом, среднем пальчике, поблескивало колечко. Она была завораживающе хороша. Выждав паузу в разговоре, Василий спросил: «Уважаемые отец и матушка, не передумали ли Вы выдать мне в жены своё сокровище, осласлатьвть меня горемычного, не отёсанного олуха?» Сидевшие за столом родственники Мавры пошутили: «Мы боимся, возьмёшь ли ты, такой красавец, в жены «жалкую» Маврушку. Ефим Степанович сказал, словно молотом ударил: «Договор заключен, жить вы будете счаслливо и долго». Подошел, поцеловал Василия. Вася вышел из-за стола и поцеловал: Мавру, Марию, Егора, Аксинью, Ивана и Николая, Григория. Обращаясь к новой родне, сказал: «Сегодня я должен оставить вас. У нас есть дела. Прошу сопровождающего. Науму пора закладывать лошадей». Ефим Степанович решил ехать сам. Мавра сидела за столом и неотрывно смотрела на Васю. Перед тем, как покинуть дом, Василий подошел к невесте, прижал её к себе и сказал: «Мне не хочется оставлать тебя, потерпи ещё неделю до нашей свадьбы».- «До скорой встречи»,- сказал он остающимся и пошёл из дома. Поехали в Голаново. Навстречу им, на лошадях, трелевали хлысты, уложенные комлём на облучок. Подъехали к месту складирования. Посмотрели, как хлысты уложены, обработаны. Насчитали пятнадцать возчиков и три сотни хлыстов. Проехали на лесосеку, пошли по бригадам заготовителей леса, насчитали двенадцать бригад – тридцать восемь человек. Данные обследования и записи в тетради Егора сошлись. Работал и староста с двумя сыновьями. Некоторые рабочие попросили расчёт. Их просьбу уважили. Ефим Степанович поехал домой, а Василий с Зосей заспешили на разрубку противопожарного разрыва, за деревню Шабаны. Миновав реку, по намороженному льду поднялись в гору по прорытой в крутых берегах дороге. Деревня стояла на возвышенности, потому дорога выходила на деревенскую улицу в левом, южном конце деревни, там жил староста – Иван Марусев. Вася торопился. Шел третий час короткого осеннего дня. Василий хотел посмотреть, что сделано до деревни Тросно, и ехать в Козино по троснянской дороге. От деревни «Плоское», на протяжении четырёх километров, трасса была разрубленной – жерди в поперечном настиле, кустарник в сырых местах. Встретили старосту. Вася попросил объявить работающим, что можно получать деньги, предложил ему занять место в санях, чтобы рассчитывать людей. Василий выдавал рабочим пряники и конфеты бесплатно. Василий удостоверился, что разрублена почти вся трасса, хлысты, очищенные от сучьев, лежали у дороги. Можно было трелевать. Вести трелевку обещали разрубщики трассы своими лошадьми. Василий предусмотрел привлечение на помощь людей Ефима, если потребуется. Пересекли дорогу из Тросно на Козино. До деревни Богданово оставалось три с половиной километра. Потемнело. Лучи заходящего солнца терялись в паутине еловых ветвей. Наконец послышался лай собак, меж стволами деревьев угадывались ограждающие поля изгороди, белели крышами санные сараи и риги для молотьбы. У ворот дома путников встретили Тихон и пёс Налет.

Въехали в открытые ворота и увидели еще не распряжённый экипаж. Присмотревшись, Вася понял, что лошадь из Босино. Из открытой двери, на другой стороне санок, Мосей вынимал мешки с подарками. Рядом стояла его сестра Вера. Василий обнял Мосея и повел его в дом. По другую сторону на Васиной руке повисла Вера. Ульяна не скрывала радости. Целовала гостей. Окончательно стемнело. Фадей надел тулуп, меховые рукавицы, в правую руку взял колотушку и начал службу. Ненила готовила ужин. Тихон с Машей топили печку. После ужина все снова уселись за стол. Зося расположился в «кутнем» углу, под образами святых, читать про Бову королевича и его слугу. Все внимательно слушали и остро переживали. Когда книга закончилась, все, нехотя, разошлись почивать. С улицы доносился неумолчный лай собак. В поле, между деревней и лесом, мелькали зелёные огоньки волчьих глаз. Дом затих. Изредка тявкали Налет да Фадей стучал по пустой бочке. Ветер гнал позёмку, заметая санную колею, следы людей да конский помет. Ульяна попросила Василия рассказать о результатах поездки. Вася выложил всё по порядку. Ульяна радовалась за сына.

«Хочу тебя попросить, - начала она,- обратить внимание на людей, которые помогают нам: Зосю, Наума, Тимофея, Филю, Ненилу, Фадея, Антипа. Скоро свадьба, а у них на торжество надеть нечего. Купить нужно одежду недорогую, но опрятную и по «кости». Мы с Зосей мерки снимем. Вы с ним съездите в Иоткино, к купцам, купите. Иначе позору не оберёшься и совесть замучает». Василий поблагодарил мать и пошёл искать Зосю. Зося подошёл к Ульяне, поклонился и спросил: «Чего желаете, матушка?» - «Хочу приодеть людей своих, сынок. Вы с Васей возьмёте с собой Филю и Тихона и поедете в Иоткино. Там купец снимет мерку. Фадея и Антипа веди ко мне». Подошедший Фадей спросил: «Что прикажете, матушка?» - «Свадьба на носу, Фадейушка, вы с Наумом сплясать захотите. Одеть нечего». Ульяна обмеряла, Зося записывал, Фадей едва успевал поворачиваться. Мать говорила: «Полушубок есть, купим костюм, рубашку, валенки». Сняли мерки и с Антипа. Хозяйка предупредила их: «Держите в секрете. Вдруг не получится купить? Я так не могу». Позвала Василия: «Берите людей и езжайте в лавки. У Зоси всё записано». Василий приказал запрягать лошадей.

Отголоски прошлого

Послышался стук в ворота. Фадей спросил, что нужно, положил на плечо колотушку и вышел за ворота. Подошел Василий. За воротами стояли его друзья - плотогонцы и здоровались с ним. За ними лошади, запряжённые в сани. Василия повели к крайней. Там сидели три мужика с нахлобученными на лоб треухами и связанными за спиной руками, стянутые веревкой и привязанные к саням. «Не могу я разговаривать со связанными руками, развяжите», - «Подожди, Василий, потом скажешь. Сейчас послушай нас», - сказал Василию Прокоп. Он рассказал, что приехали эти «формазоны» в деревню Горки вчера вечером, пришли к нему в деревню Козаково нанять к себе в услужение. «Они были уверены, что ты наймёшь нас и теперь гнать свой лес. Надеялись воры, что мы с ними сговоримся, угоним плоты. В Риге лес продадут, а деньги поделят с нами поровну. Все хором ответили, что на подлость не согласны. Бандиты стали утверждать, что ты самый отъявленный плут. У них же найдутся другие люди, которые согласятся. Мы переглянулись и бросились вязать их, а затем доставили к тебе. Это всё, что мы хотели сказать». Василий поблагодарил друзей за находчивость и предложил везти татей к Андрейзену. Горковские друзья тронулись в путь, а Вася дал своим людям распоряжения: Фадею оставаться дома, старшим, с Антоном и Мосеем. Закрыть наглухо ворота. Филе, Зосе, Тихону садиться в санки к Науму. Все уселись и направились Эдуарду Францевичу. Наум подогнал лошадей. Вскоре догнали Прокопа с товарищами, обогнали их, сказав, что ждаты будут в Нелидовке. У дома расхаживал Андрейзен, словно знал, что

едут гости. Наум остановил лошадь, Василий подошел к Эдуарду Францевичу, поздоровался и вполголоса заговорил с ним. Тот внимательно выслушал, подошел к Науму и предложил заехать во двор, лошадей укрыть попонами, прислать к нему приказчика. Подошедшему Антону предложил взять Васиных ребят и отвести в работницкую. Туда принести из кладовок одежду, которая без пользы пылилась там. Пусть эти ребята примерят её и надевают: «Ты тоже примеряй, не стесняйся». Вася спросил: «Как быть с Фадеем – сторожем и Антипом. Мерки на них есть?» «Конечно - ответил Зося», - «Это хорошо», - сказал Эдуард Францевич: «Иди, Антон, работай, одевай людей. Отнеситесь к ним достойно, их хозяин в ссылке, не дай бог пройти его путь!» К воротам приблизились упряжки горковцев. Ехавший на первых санях Прокоп подошёл к Василию и поклонился Андрейзену. Тот спросил: «Кто они и откуда». Прокоп чётко ответил: «Свободные крестьяне Иоткинской волости Смольниковского прихода. Привезли беглых формазонов. Василий вам всё расскажет». Вася рассказал. Андрейзен решил - «гостей» необходимо самому исправнику показать, да и ему с Василием к нему показаться нужно, засвидетельствовать почтение уважаемому Матвею Ивановичу. Василий сказал Антону, что женскую одежду тоже нужно брать – у них три женщины, а Зосю он берёт с собой. Возвратятся через пару часов. Вскоре Эдуард с Василием были у Матвея Ивановича. Андрейзен представил Василия: «Это сын того самого бандита, анархиста, народовольца – Лариона Румянцева, который был сослан на каторгу на остров Сахалин. Величают его Василий Ларионович Румянцев. Он начинающий лесопромышленник, купец. Через неделю играет свадьбу. Бог ему в помощь». Андрейзен рассказал, что горковские мужики привезли связанных преступников, которые бежали из-под стражи пять лет назад. «Где они теперь?», - спросил Матвей Иванович. – «Уже здесь», - ответил Андрейзен. Позвали вестового. Поручили ему привести исправника и пять жандармов с оружием. Вскоре те появились. Им показали стоящие у дороги трое саней. На последних четверо связанных, во главе с беглым, по кличке «эсер». Митя ответил, что понял и видит их. Жандармы, с исправником во главе, выбежали из служебного помещения, оттолкнули хозяина повозки и подвезли «задержанных» к соседнему зданию. Там трое жандармов стояли с наганами наизготовку, а двое других поднимали одного за другим задержанных и сразу били кулаком в лицо. Резали веревки, которыми были связаны руки, заворачивали их назад, «одевали» наручники и препроводили в камеру предварительного заключения. Через десять минут все четверо сидели на скамейках спина к спине. Им подносили стакан водки. Когда задержанный его выпивал, жандарм запихивал ему в рот кусочек хлеба и дольку сала. Когда хлеб и сало съедали, жандарм кричал: - «Встать». С задержанных снимали наручники. Фотографировали их в профиль и в анфас. Записывали фамилию, имя, отчество. Затем ставили миску с супом, ложили хлеб и ложку. Задавали вопросы. Задержанные быстро отвечали. Предварительный допрос заканчивался. Всех допросили, написали акт приёмки задержанных. Каждый из девяти горковских мужиков получил по двадцать пять рублей и по штофу водки. Навеселе, очень довольные, они жали исправнику руку, а у Василия просили работу. Он поручил им вывозить лес с противопожарного разрыва на рюм, к устью реки Тросна каждый в отдельную кладку, по пятьдесят копеек за бревно. Вася пригласил на свадьбу волостного начальника, его семью, писаря и исправника. Все обещали прибыть. Вася с Зосей и Андрейзен зашли в лавку купца Меньшутина купить Зосе пальто, шубу, костюм, рубашки. Купили всё и поехали в Нелидовку. Андрейзен распрощался со всеми. В сани к Науму положили мешки с одеждой, которые передал Антон – приказчик Эдуарда Францевича. Все уселись в санки и, к радости Ульяны, Фадее, Ненилы, Антипа и Маши, прибыли к ужину домой. После ужина Василий раздавал привезенные вещи. Одежду привезли на всех. Новым хозяевам они понравились. Последние перед свадьбой дни Вася ночевал в деревне Машкино, в доме по соседству с Мавриным.

По вечерам в одном из деревенских домов собиралась молодежь. Под гармошку пели и плясали, водили хороводы и играли в знакомые с детства игры. Рядом на скамеечке, прижавшись спинами к теплой деревенской печи, сидели деревенские ветераны, положив на колени мозолистые руки, смотрели на молодёжь, вспоминали свою молодость и просили Бога помочь им.

Свадьба Василия и Мавры

В последний перед свадьбой день Василий натопил баню, которая стояла в дальнем углу огорода, на крутом берегу реки, пропарил её, бросив на раскаленные камни настой лесных трав, запарил в бадье березовые веники с веточками ольхи, рябины, осины и отправился приглашать «дружек» своих – плотогонов. Они росли вместе, знали крестьянский труд, могли повеселиться и слово молвить. Это их вместе с Василием мать обучала основам грамоты. Им предложил Василий быть «дружками» на свадьбе. Старшим выбрали Ивана. В баню пошли ранним вечером, чтобы не спеша вымыться и зайти в дом, опробовать свадебного пива. Умытая и украшенная еловыми и сосновыми ветвями баня, казалось, улыбалась. Улыбнулся и он, вспомнив, как трудилась здесь Мавра, помогавшая в предсвадебной уборке. Надеялся Василий, что Мавра принесёт радость в дом и им с матерью легче будет. Раздевшись в предбаннике, они вошли в парильню. Ближе к правой стороне на камнях, смонтированных (скреплённых) глиняно-песчаным раствором, полусферой возвышалась каменка. Камни в два ряда лежали на кованых дугах, которые, как меридианы на глобусе, пересекались на вершине. Параллелями служили железные полосы на клёпках. В заднюю часть каменки встроен был огромный котёл с крышкой для нагрева воды. Над каменкой висел зонт из жести с раздвижной трубой и задвижкой под потолком. Когда баню топили, его опускали к «каменке», чтобы дым полностью уходил в трубу. Накалив камни, зонт поднимали вверх, задвижку закрывали, на раскаленные камни плескали настойку трав и прикрывали дверь. Через час баня приобретает нужный аромат. В заднем левом углу возвышался массивный полук, а вдоль стен красовались широкие лавки с корытами и бочонками с холодной водой возле них. Войдя в баню, друзья с наслаждением вдохнули аромат дерева и целебных трав, улеглись на полук. Тепло медленно расслабляло мышцы, усталость уходила, чувствовался прилив сил. Попарившись, друзья вспомнили, как детьми мчались от этой бани вниз с почти отвесной горы на лыжах и санках, как захватывало дух от страха и ощущения полета. Вспоминали, как готовили лес и доставляли его к рюмам, а потом гоняли в Ригу по бурной воде, как радовались родные, встречая их, возвратившихся, у ворот. Погоревали, что юность кончается, впереди ждёт зрелость, которую они ждали, но пугались её неизвестности. Пожелали Василию друзья счастья и удачи, посетовали, что на одного человека меньше становится в их компании, и отправились опробовать свадебное пиво.

Тем же вечером провожала мать в баню и Мавру с подругами. Баня встретила их мягким ароматом распаренных веников и трав. Усевшись на лавках, подруги расплели ей толстую кудрявую косу и легкими ударами веников промассажировали ее точеное смуглое тело, обмыли его теплой водой и запели о девичьей красе, родном доме, отце и матери, любви большой и о суженом. Звучала в песнях боль разлуки и её неизбежность. Песни выражали радость и горечь оттого, что одной из них выпал черёд выполнить свой долг перед Богом и людьми, слышался в них страх перед неизвестностью и готовность с честью нести свой жребий.

В день свадьбы Мавра обошла родственников и соседей, попросила у них прощения за нанесенные им, по молодости, обиды и пригласила принять участие в свадебном обряде. Дома обратилась к отцу и матери с просьбой благословить её, села за стол на расстеленный заранее войлок. Подошли боярки и просят Мавру подняться, берут войлок и расстилают его на полу перед образами. На войлок становятся спиной к образам

её родители. Отец держит в руках икону, а мать – хлеб с солью. Отец – справа, а мать – слева. Мавра – лицом к ним, делает перед иконой три земных поклона. Когда она встала с колен, отец трижды сделал крестное знамение иконой над её головой, после чего Мавра поцеловала у отца икону, а у матери – хлеб с солью, трижды целует отца. Затем родители меняются местами. Мать берёт икону, а отец – хлеб с солью и обряд повторяется, только меняются роли родителей. Также благословляли и духовные родители. После благословения крестный отец заворачивал икону в чистую скатерть, чтобы отвезти её в церковь со свадебным поездом вместе с женихом и невестой – на их бракосочетание. Мавра поцеловала всю свою родню, и все сели, где могли, и ждали приезда жениха.

В тот же день утром в дом к Василию собрались приглашённые ехать к невесте в свадебном поезде. Их угостили стаканом водки и завтраком. После завтрака все рассаживаются по скамьям у стен, а Василий садится за стол на войлок. Иван – дружка повелевает ему встать и снимает войлок, расстилает его у ног жениха и объявляет его благословение. Обряд проходил также, как у Мавры. Отсутствующего отца заменил его брат Климентий. После благословения дружка берёт у матери икону, которой благословляли жениха, и дает команду занять свои места в свадебном поезде, сам встает впереди поезда и вопрошает, все ли на месте, достаточно ли взяли с собой мелких монет, конфет, пива для отворения застав по пути следования и одарения невестиной родни и друзей. Икону он передаёт крестному отцу, а сам садится на первую повозку.

В деревне Нелидовка их ждали. Ворота были закрыты, а задвижка перевязана яркой лентой. Возле изгороди стояли молодые парни и девушки и шутивно кричали: «Стой, поезд, телеги скрипят несмазанные, позолотите ручки, смажем колеса. Мы тоже хотим участвовать в празднике». Дружка достал бочонок пива и конфет. Озорно улыбаясь, девчата разобрали конфеты, а парубки, крикая от удовольствия, опробовали пиво. Ворота открылись, поезд загромыхал по мёрзлой дороге.

Заехал Василий к Эдуарду Францевичу. Тот ожидал его, одетый для поездки. Он с интересом наблюдал за деталями свадебного обряда.

Проехали огороды Лидовых, вброд миновали реку, поднялись на берег и увидели у барского дома молодежь, которая лентой перегораживала дорогу. Ближе к веранде стояли Нелидовы и с любопытством смотрели на свадебный поезд, лошадей с лентами в гривах и бантами на голених, расписными дугами и крашеными оглоблями, опрятными телегами и крестьянами, чинно восседавшими на них. Узнав Василия, от них отделилась помещица Лидова Ольга Павловна, которая знала Василия и предлагала ему познакомиться с Маврой. Чуть в стороне стоял её брат, Александр Павлович Лидов – профессор. Она подошла к телеге, обняла Василия и сказала: «Молодец, хорошего выбрал человека для жизни. Удачи вам! Мы приедем в церковь на венчание», перекрестила его зажатой в руке иконкой.

В толпе, стоявшей у веранды, Василий увидел внимательные глаза молодого человека с небольшой бородкой, узким лицом, стройного, в кителе студента училища. Это был Сергей Владимирович Нелидов. Жизнь ещё сведёт их, и они будут благодарны судьбе за это.

Молодежь отведала пива, орехов, конфет и отпустила, пожелав доброго пути. Миновали горбатый мост через реку Семиковку, Старые и Новые Федоры и приблизились к Вышегорам. Там жили сплавщики, с которыми Василию приходилось общаться. Они увидели его и вышли на дорогу. Вперед вышел мастер сплавного дела Яков и от имени общества пожелал счастливого пути. Они не требовали выкупа, но от пива не отказались. Перед деревней Машкино поезд остановила «богатырская застава». Поперек дороги на козлах лежало бревно, впереди него стояли младший брат Мавры – Иван с друзьями и другие родственники невесты. Выступив вперед, ломающимся баском Иван подсказал жениху, что «справа и слева от дороги крутые склоны – не объедешь, поперек дороги – бревно прочно лежит в козлах. Выход один – перепилить его ржавой пилой или топором перерубить. Вот и покажите с дружкой свою удаль. Времени у вас 15

минут». Василий не ожидал такого подвоха и уже хотел опечалиться, но не зря старшим дружкой выбрали Ивана! Тот принес из дома и спрятал под телегу острую пилу, которой под прикрытием друзей они с Василием быстро перепилили бревно. Командир заставы не успел и понять, как всё произошло. Ему оставалось только восхититься удачей жениха. Перегородили дорогу перед домом невесты её подруги, от них откупились сладостями и пирогами с брусникой, напечёнными матерью.

Наконец подъехали к дому Мавры, огороженному забором с тесовыми воротами, украшенными фигурками зверей и еловыми ветвями. Они оказались затворенными. Долго стучали, пока с протяжным скрипом они отворились, навстречу выбежали подростки, откупились и от них - мелочью и орехами. Перед дверью в дом стоял дядя Мавры с подготовленными загадками:

- Что главней: голова или шея?
- Голова, только делает она, что скажет ей шея, - ответил Василий.
- Что муж простит жене, а что – никогда?
- Муж простит женскую словоохотливость и нерасторопность, но унижение мужского достоинства – никогда.
- Что является залогом семейного благополучия?
- Физическая и духовная близость, общая постель, - ответил Василий.

Путь к невесте был открыт. Войдя в дом, перекрестившись на образа святых, он увидел сидящих за столом трёх женщин в одинаковых одеждах и больших платках на головах. Поначалу ему трудно было понять, кто его невеста, но, присмотревшись, увидел знакомую родинку на тыльной стороне ладони и открыл платок. Перед ним сидела его любимая и улыбалась. Василий помолился на образа три раза, обвёл Мавру вокруг стола и сел вместе с ней за стол, по правую руку от неё. Обращаясь к Мавриным родителям, дружка Иван напомнил им, что пора благословить молодых и ехать в церковь. Родители благословили Мавру и Василия описанным способом.

В это время жениховы друзья выкупали невестин короб с постелью. Несколько девушек заперлись в конюшне и стерегли короб невесты с её приданым. Дверь закрыли на запор. Они слышали, что поезд въехал во двор, и запели песню, чтобы их обнаружили. Часть жениховой команды направляется выкупать короб, стучатся в дверь, а девушки поют. Жениховы люди открывают дверь. Девушки требуют выкуп. Им дают мелкие деньги и угощают квасом, шутят с ними и целуют их. После благословения девушки вывели Мавру во двор, и брат посадил её в повозку свах жениха. Отъехав недалеко, дружка возвратился в дом звать всех на «княжий стол» в дом жениха (вечером после венчания в церкви).

(Сохранились сведения о существовании церкви в сельце Иоткино, в период царствования отца царя Петра I – Алексея Михайловича, Тишайшего.) В 1820 году, на месте деревянной церкви, начали строить церковь каменную. Велось строительство на средства помещика Ивана Емельяновича Гудина, а завершила в 1848 году – Хиония Евлампиевна Лидова. Иоткинская церковь святой Троицы была трехпрестольной, имела один неотопливаемый храм и два теплых, придельных. Приделы возвели в 1887 году. Общая площадь храма – 13875 квадратных саженей, имелось в нем 220 принадлежностей: икон, крестов, святых книг.... С северной стороны храма находилась деревянная каплица (Деревянная часовенка над склепом). Под её полом погребены Александр Павлович и Ольга Павловна Лидовы, с восточной стороны - устроители храма. Рядом располагалось прихрамовое кладбище.

В 1937 году церковь закрыли, имущество экспроприировали, сняли колокола, разобрали стены, затоптали кладбище. Делалось всё, чтобы у людей стереть и память о ней. Однако жители иоткинского прихода приходили и приходят к святому месту, чтобы поклониться своей истории, своим предкам. Особо многолюдно в день Балыкинской иконы Божьей Матери. Это – святое. Разве мешает память народная крепости державы нашей? Сегодня место храма приспособлено под огород, построено там невзрачное

строение. Долгое время искали на него покупателей, но местные жители не желали осквернять святое место, сажать картофель на костях людей, там похороненных. Недавно, пользуясь неосведомлённостью и безысходностью переселенцев, продали его по сходной цене. Надеюсь, что жители и власти благоустроят священное место, установят памятный знак, реставрируют могилы. Думаю, необходимо увековечить память Николаевых: Николая Васильевича и Татьяны Васильевны, осуществивших большой труд по изучению и изложению и изучению истории нашего края. (Это отзовется добром.)

Подъехали к церкви, Ольга Павловна ждала их. Василий помог невесте сойти с телеги и ведёт её в храм, а дружка угощает пивом желающих. Перед обручением с невесты снимают фату. Жениху и невесте подстилают подножие – обрывок холста в 1,5 аршина. Мавра подала священнику под крест и Евангелие полотенце своей работы. По окончании бракосочетания дьякон подзывает к себе сваху, которая стояла позади невесты с блюдом, полным орехов, покрытых лепешкой, которую он берет себе, а орехи расхватывают молодые парни.

После венчания к Василию и к его жене подошла Ольга Павловна Лидова, благословила их иконкой и подарила её Мавре, как память и защиту. Невесту сажают у западных дверей церкви и заплетают косы. Жених подводит жену к повозке и сам сажает её туда.

Знакомой дорогой Василий с Маврой приехали в Козино. На крыльце их встречает мать Василия – Ульяна, в заморской шубе, которую Василий привёз из Риги. Празднеством распорядился распорядитель от Андрейзена. Гостей собралось много, но благодаря умелому руководству, всё шло хорошо. Никого не обделили вниманием. Торжества длились неделю. Многие ночевали дома, а утром возвращались и веселились от души. Приглашены были музыканты из города Белый – баянисты и скрипачи. Все было просто, народно, хорошо. Мать Василия, Ульяна была жизнерадостна. Лицо её посвежело, морщины разгладились. Иногда на него набегала тень, и Василий понимал, что она далеко, общается с отцом. «Где ты сейчас? - спрашивала она, - как твое здоровье? Хочешь ли жить?» Хороша была молодая – Мавра. Все видели, что она чиста и легка, как весенний цветок. Она невольно покоряла всех лучезарной улыбкой. Хорош был и жених. Общее мнение выразил волостной начальник Матвей Иванович, выразивший обиду, что молодые прячут свои таланты. Просил их показаться гостям. Все хлопали в ладоши. Василий не заставил себя ждать. В блестящих сапогах со скрипом прошёл круг. Остановился в центре, поклонился на четыре угла и молвил: «Мне русского!» Музыканты постарались, жених был на высоте. Молодая выпорхнула на круг легко, казалось, что не касается пола, и начала перебирать ногами, взмахивая платком. От мелкой дроби переходила к присядке. Не отставал от неё и Василий. Вслед за ними плясали Эдуард Францевич, Матвей Иванович, Ефим Степанович, Мосей и сестра его Вера. Вечерело, свадьба завершалась. Гости разъезжались, попрощавшись с молодыми и всеми присутствующими. В доме оставались самые близкие родственники и дальние гости. (Свадьба была зимой 1880 года - Василию и Мавре было по семнадцать лет.)

Назавтра Василий встал до рассвета, обошёл дом и хозяйственные постройки. Зашел в конюшню: лошади похрустывали сеном и поглядывали на него. Василий подошел, погладил каждую по голове, почесал бока. Они доверчиво жались к нему и норовили лизнуть в лицо. Поговорил с Фадеем, зашел к матери. Она читала молитву. Пока мать говорила с Богом, Вася вспоминал прошлое. Вспомнил, как она гладила его по голове, успокаивая после отцовского «воспитания». Говорила ему, чтоб не переживал, Господь всё видит и поможет. Поцеловав икону, мать посмотрела на сына полными слёз глазами: «Ты завел семью, Боженька дал хорошего человека. Люби её, остальное приложится». Со спокойной душой пошёл он к жене. Мавра поднялась, прибрала кровать, навела порядок в спальне и ждала Василия. Когда он вошел, прижалась к нему всем телом, поцеловала в губы и прошептала: «Я твоя на век, ты мне самый дорогой и любимый». Время доказало правдивость её слов. Порывистая и искренняя, она помогала

мужу, поддерживала, а если нужно было, говорила горькую правду. В тот первый день замужества она, ощущала себя иначе, чем раньше, чувствовала ответственность за своего Василия, его мать и всех живущих в этом, теперь уже её, доме.

Начались святки – пора отдыха. Молодые наносили визиты к родным и знакомым. Были в церкви. Три дня гостили в Босино. Вася посетил заготовителей леса в понизовье. Вывозили хлысты с противопожарного разрыва. Приближалась весна. Плотогоны готовили плоты, ждали ледоход. Рюмы были у деревень Голаново, Шарапкино, Козино, Монино, Новоселках, в Понизовье и на реке Обша. Василий побывал у нотариуса, оформил документацию на поверенного в делах лесопромышленника Румянцева Василия Ларионовича – Баскина Самуила Ефимовича, в которой говорилось, что Румянцев Василий Ларионович полностью доверяет господину Баскину Самуилу Ефимовичу ведение всех своих дел по плотогонству на реках Меже и Западной Двине, в городе Рига и в рижских банках. Весной 1880 года Василий сплавляет тридцать пять тысяч штук хлыстов из Бельского уезда до города Рига. В путь они отправились пятнадцатого апреля. Перед сплавом напомнил он Баскину, чтобы вооружил своих людей маузерами и патронами к ним. Первого мая из города Рига пришла телеграмма: «Лес доставлен полностью. За каждый хлыст получено по пять рублей. Деньги сданы в банк в сумме сто семьдесят пять тысяч рублей». Десятого мая Василия посетил Самуил, получил заработанную плату и новые распоряжения: со всеми артелями заключить договора на вырубку леса в 1881 – 1882 годах на прежних условиях. Через месяц Самуил доложил о выполнении распоряжений. В ближайшее воскресенье, после возвращения плотогонов, Вася заказал благодарственный молебен. По приглашению Василия Ларионовича в иоткинскую церковь пришли почти все его помощники. Перед службой он поделился с ними прибылью – выдал премию за добросовестную работу и поклонился в пояс. Все были довольны и говорили, что на них можно рассчитывать и в будущем.

Вечером того же дня Василий с Маврой пригласили Клима, друзей-плотогонов и соседей отметить рождение первенца Данилы. День был тёплый, погожий. Перед домом установили столы и скамейки. В больших жбанах выставили приготовленное матерью пиво, свежую зелень, уху и жареную рыбу. В глиняных бутылках стояло заморское вино и Рижский бальзам. На почетном месте сидел брат отца - Климентий Архипович. Он немного постарел, но был подвижен и подтянут. Подняв рюмку вина, посмотрел на Василия, Ульяну и Мавру с Данилой на руках и произнёс тост: «Я рад за тебя Василий, ты идёшь правильным путём. С Божьей помощью ты встретил Мавру. Она полюбила тебя и родила продолжателя дела – сына. Желаю всем вам здоровья и успехов в жизни. Помогай людям, будь справедлив, и Господь поможет тебе». Много тёплых слов сказали земляки Василию. Он чувствовал поддержку людей, это придавало ему силы. Когда дошли до пива, соседи повеселели, появилась гармошка, женщины запели, мужчины уселись на плетень, дымя самодельными сигаретами. К Василию подошёл бывший моряк Архип, участвовавший в обороне Севастополя под командованием адмирала Нахимова. Разорвавшимся снарядом ему оторвало ногу. Братя – матросы перевязали культю и на руках вынесли его из оставляемого русскими войсками Севастополя. Теперь царь платит ему пенсию. Живет он в Козино и любит поговорить о политике.

- Прости Илларионович, спросить хочу. Как ты думаешь, почему мы тогда оставили Севастополь?

Василий молчал, а Архип продолжал:

- Вот у нас было, когда нужно стрелять – снарядов нет, а если и есть, то не того калибра. Нас бросали в бой без необходимой артиллерийской подготовки, чтобы мы своими жизнями покрывали их нерасторопность и пьянство. Вот возьмем отмену крепостного права. Когда готовили манифест, предполагали, что оброк - мера временная. Земля крестьянину давалась негодная, неплодородная. Надеялись, что помещики с крестьянами смогут установить её твердую цену. На деле получилось, что лучше бы её, землю эту, и не давали. Прибыли она не даёт, а платить за неё нужно. Вот и тянут из

мужика жилы. Барин работать не хочет, его цель – ободрать мужика, а тот бьётся, как рыба об лёд. Законом привязали людей к общине. Многие свою нерожалую полосу не пашут, а чтобы оброк платить, работают на стороне. У людей есть стремление работать, но власти не позволяют. Прошло уже 20 лет, а улучшений нет. Хорошо тем, кто сумел устроиться на завод, живут лучше нас. Не выдержит народ, найдёт управу на проходимцев, только многие полягут безвинно. В чем же заслуга барина? Когда-то его предок понравился царю, его наградили землей с народом как приложением к царской щедрости. А кто считает, сколько простых людей проявляет не меньший героизм, отдаёт жизнь за царя? Народ думает о нуждах государства, а они – о своей выгоде. Вот скажи, отчего я, почитай всю жизнь, воевал, прошел много стран, а такого хамского отношения к простым людям, как в России, нигде больше не видел? Что у нас особенное, почему мы такие безжалостные?

Веселые и немного грустные, расходились люди по домам. Они выплеснули в песнях, плясках и душевных разговорах нервное напряжение и переполнились планами на будущее. Назавтра Василий с Маврой и Данилой поехали в гости к тестю, внука показать и переговорить о подготовке к лесозаготовительному сезону. Еще семь лет гонял Василий плоты в Ригу. Многие работали с ним постоянно. Некоторые завели свое дело: углежжение, смолокурение, изготовление саней, телег, сбруй. Завели свое дело и его свадебные дружки. Василий помог им деньгами и советом. Главное, что люди поняли, можно и нужно работать, но не только руками, но и головой.

Василий часто посещал Иоткинскую церковь, часто встречался с Эдуардом Францевичем. Однажды тот передал Василию разговор с волостным начальником, который поведал о судьбе бандитов, переданных в руки правосудия горковскими плотогонями. Оказывается, то была ударная группа эсеров – боевиков, занимавшаяся грабежами: банков, церквей, имущих граждан. Руководил ими горбун, одноглазый Лямкин, сын адыютанта деда твоего. При грабеже почтового фургона ему повредили глаз, но он не успокоился и продолжал налёты. С ним были доверенные лица по организации налетов. Его амбалы «скрутили» отца твоего, довели до деградации, завладели его собственностью, «свалили» на него свои преступления и подстроили доказательства его вины. Тогда, после беседы с твоим отцом, жандармы изловили их всех. Эти четверо, при перевозке на суд в Смоленск, сумели бежать. Им грозило четвертование. Сюда они явились, чтобы сломать тебя. Отца твоего они пустили по этапу, а тебя хотели пустить по миру. Их мечта - использовать твой талант организатора, «сосать» тебя, заставить кормить их и их организацию. Бог всё видит. Он позволил привести приговор в исполнение. В тот период Василий строил на берегу реки Семиковка харчевню и торговые лавки.

В 1881 году Мавра родила дочь, назвали Дуней, через два года, в 1883 году, сына Данилу. От Лариона вестей не было, хотя срок ссылки заканчивался. У Василия в Понизовье постоянно работала артель по заготовке, вывозке, сплотке и сплаву леса в город Рига. Были артели и в Иоткинской волости. В 1890 году Иван служил в Петербурге, в полиции, Маша вышла замуж за приказчика в деревню Прудня, что в трёх километрах от села Момино. К тому времени у Васи родились; сын Данила, дочери – Дуня, Анастасия, Анна. Ульяна с Маврой нянчили младших, а старших, вместе с крестьянскими детьми, Зося учил грамоте.

По совету Андрейзена, в начале 1890 годов приезжали к Василию инженеры – железнодорожники, оставили заказ на заготовку брёвен для изготовления десяти тысяч железнодорожных шпал. Он приступил к его выполнению.

Строительство «чугунки»

В 1895 году образовалось московское общество по проектированию и строительству железной дороги Рыбинск – Виндау, на участке Ржев - Великие Луки. Вскоре к Нелидову

Сергею Владимировичу, как к землевладельцу, обратились представители компании с предложением заключить договор о выделении земель под земляное полотно и дорожные сооружения. С.В. Нелидов, осознавая необходимость такой дороги для страны в целом и нашего края в частности, передал им участок земли от реки Лютинка до реки Межа бесплатно, с условием названия станции его именем. Одновременно они просили рекомендовать молодого, энергичного предпринимателя для строительства земляного полотна от деревни Мостовая до села Земцы и строительство железнодорожных станций Мостовая, Земцы, Нелидово и трех разъездов - Паникля, Подсосенка, Замощье. Помня отзывы А.В. Лидовой и Л.А. Андрейзена о порядочности и организаторских способностях Василия Илларионовича Румянцева, Сергей Владимирович рекомендовал его.

Василия пригласили к Нелидовым. Он прибыл в тот же день. Ему предложили расчистку трассы дороги от растительности, раскорчевку и возведение земляного полотна после изготовления проектной документации. Трасса дороги была разбита на участки, работало несколько проектных бригад. На местности её закрепляли километровыми столбами, через каждые сто метров ставились пикеты, кривые сразу выносились в натуру с обозначением начала и конца. На местности ось дороги обозначалась метровой ширины визиром – просеккой. Одновременно на чертеже – абрисе наносился план трассы с обозначением ситуации условными знаками, следом шли нивелировщики.

На всех элементах трассы, пикетах начале и конце кривых, ручьях и реках горизонтальной трубой – нивелиром снимали превышения местности относительно уровня мирового океана и заносили отметки в журнал. Данные съемки переправлялись в Москву, и там готовилась проектная документация: план трассы с указанием углов поворота и характеристикой кривых, существующий профиль земли. Проектировали проектные отметки дороги – красную линию в соответствии с допускаемыми уклонами, шириной земляного полотна. На каждом пикете указывалась высота подъема насыпи или, наоборот, её срезка (выемка). В ведомости объема работ содержались сведения об объемах работ, отдельно прилагались поперечные разрезы с указанием ширины насыпи, её высоты и величины откосов. Кроме того, для каждого участка дороги проектировали карьер, где можно было брать грунт именно для определённого участка дороги, чтобы предохранить земляное полотно от разрушения из-за подъема грунтовых вод и снижения несущей способности насыпи. Обо всем этом говорил Алексей Сахаров - ровесник Василия, имевший опыт работ по строительству железных дорог. Он объяснял Василию азы дорожного дела и наказал через месяц быть готовым к подписанию договора и началу работ.

Дома Василий рассказал об этом предложении матери, Мавре и Климентию, переговорил с надёжными людьми. Нужны были бригады по разрубке трассы, корчёвке пней, землекопы для строительства осушительных канав, возчики для трелёвки леса, перевозки грунта на лошадях и вручную на тачках. Объем работ был огромен. Одной корчёвки пней - около шести гектаров, а земляных работ, не считая насыпи в пойме реки, около десяти тысяч кубометров и более семи тысяч кубометров - в насыпь у реки Межа. Если учесть, что необходимо было формировать резервы по обе стороны насыпи срезать возвышенности, то и двадцать тысяч кубометров наберётся. Строительная компания могла выделить лопаты, телеги, тачки, пиломатериал. Лес для строительства готовили сами на месте. Работы планировали производить летом и зимой, невзирая на мороз и слякоть. В первую зиму разрубили трассу. Изыскательская партия визиром наметила ось дороги, а копию плана трассы выдали Александру Сахарову, который пригласил Василия и двоих крестьян, чтобы наметить визиры, определяющие полосу для сооружения дорожного полотна и водоотвода. С этих земель необходимо было вырубить лес и прочую растительность, раскорчевать их. Решено было строевой, хвойный лес трелевать к месту строительства вокзала с тем, чтобы по возможности ошкурить его и срубить два больших деревянных дома для проживания строителей станции и субподрядных бригад по

строительству дорожных сооружений – мостов и виадуков. Рядом с ними предполагались сараи для складирования завозимых строительных материалов: цемента, извести, кирпича и инструментов. Определялись места для хранения шпал, накладок, подкладок, костылей, крепежа. Дровяные хлысты планировали распиливать на дрова и укладывать рядом с крупными пнями, чтобы отогревать землю перед корчевкой, сучья укладывать вокруг пней и присыпать листвой и мхом, чтобы уменьшить промерзание грунта. Для облегчения трелевки, намечалось укрепить грунтовые дороги. Василий для этих работ намерен был привлечь своих старых знакомых по заготовке леса из соседних деревень. На первых порах нужны были люди для валки леса, обрубки сучьев, раскряжевки хлыстов. Для этого достаточно было трех бригад и около десяти возниц с телегами и санями. По мере разрубки просеки, предполагалось принимать людей для корчевки пней и складывания их на полянах в семидесятиметровой защитной полосе. По проживанию людей, постой лошадей договорился с хозяевами, оплачивал за постой и приготовление пищи. Снабжал постояльцев продуктами, лошадей – овсом. Для ремонта, точения и правки пил, топоров, изготовления телег и саней заключил договор с кузнецом в Старых Федорах. Из своих старых друзей назначил десятников, учётчиков. Помощник - старший дружка Иван.

В октябре 1895 года Василия пригласили к Нелидовым. Его ждали: чиновник от строительной компании, Сахаров и нотариус. На столе лежали проект подрядного договора, ведомость работ по подряду, рабочие чертежи и смета. Подрядный договор был уже подписан руководителем компании. Подпись Василия заверил нотариус, документ приобрёл законную силу. Все необходимое Василий Илларионович приобретал на свои средства.

Сергей Владимирович Нелидов выделил Василию флигель рядом с домом, для конторы и жилья. На середину октября генеральный подрядчик назначил общее собрание.

Погода была удивительно тёплая, солнечная. На улицу вынесли стол. За него сел Василий и его помощник, а рабочие уселись на расставленных по этому случаю скамейках.

«Благодарю вас, что вы откликнулись на моё приглашение и пришли, - начал Василий. - Впереди работа тяжёлая и ответственная, но риску меньше, чем гонять в Ригу плоты, и заработать можно. Договор с компанией я уже оформил. Скоро привезут кредит. Денег нам пока достаточно. Надеюсь, что вопросы будем решать по согласию. Расценки на все работы разработаны и будут переданы десятникам, а они ознакомят вас. Я буду организовывать рабочие бригады из жителей одной или соседних деревень, чтобы не было размолвок. Одному мне не осилить, потому будут у меня помощники – десятники, учётчики. Их слушать, как меня, но если увидите явную несправедливость, обращайтесь ко мне. Работы начнем с разрубки трассы со стороны деревни Паникля. Лес будем трелевать к будущей станции Нелидово. Мой помощник покажет, где и как его складывать. Будем рубить дома для жилья. Часть брёвен для распиловки завезём на лесопильные заводы. Они здесь недалеко, перед Паниклей, в лесу. Распилим на доски. В хозяйстве всё нужно будет. Лиственные - берёзу, осину, ольху уложим у пней, для сжигания с целью отогрева почвы, чтобы корчевать в морозы, а часть отвезём хозяевам, у которых будете жить, чтобы печи топили теплее и варили щи. Будем давать дрова и тем, кто работает у нас, но живёт в своем доме. Обеспечим обувью и одеждой. Деньги я буду платить ежемесячно. Обманывать и обсчитывать вас никто не будет, но упаси Бог пытаться обмануть меня. Делаем мы благое дело. Эта дорога поможет развитию всего края, нашим детям, внукам и правнукам. Я на свои деньги купил всё, что нужно, обеспечил вас жильем, питанием, одеждой, лошадям буду выделять овёс. У меня одно условие: обмана и пьянства не потерплю».

Но обманывать никто и не собирался. Знавшие его плотгоны помнили, как бежали от него рижские урки, пытавшиеся облегчить его карманы. «Теперь подходите ко мне деревнями по одному, называйте имя и фамилию, какую работу сможете выполнять, а я буду записывать в тетрадь. Начнем с жителей дальних деревень, их нужно на ночлег

определить. Как только представители деревни побеседуют со мной, к ним подойдет мой человек и определит на проживание».

Василий, хоть и знал людей, спрашивал при беседе, какую работу каждый хотел бы выполнять, есть ли у него для этого навыки и орудия труда, советовал, как безопаснее и правильнее работать. У вальщиков спрашивал, как правильно сделать подпил и в нужное место положить хлыст, есть ли у него хороший инструмент. Если не было, записывал в тетрадь и обещал выдать. Сучкорубов просил показать топор и, при неправильной заточке, направлял к специалисту, спрашивал, как правильно обрубить хлыст, что делать с обрубленными сучьями. У возчиков леса осматривал телегу, особо - передок и лошадь, поручал десятнику определить ее в теплую конюшню, рассказывал, к кому обратиться в случае поломки телеги. Собеседование длилось до позднего вечера. Следующий день Василий дал для обустройства, но пригласил десятников для разбивки трассы на участки и определения порядка работы валочно-трелевочных звеньев. Отрабатывались способы валки, трелевки и сигнализация. В этих вопросах Василий мелочей не упускал, об этом ему постоянно напоминала полученная в юности травма.

Рано утром бригады прибыли в намеченные накануне участки. В первую очередь прорубали дорогу для проезда, оберегая оставленные проектной партией столбики. Пни спиливали вровень с землей, деревья валили на стенку леса, обрубали сучья, укладывали их рядом с дорогой, чтобы затем использовать для закладки выбоин при трелевке. После прорубки дороги разрубали пазухи, вершинами в противоположную от направления трелевки сторону, чтобы возможно было трелевать за комли. В любом случае соблюдалось правило: расстояние от валки до обрубки сучьев, трелевки и корчевки пней должно быть не менее пятидесяти метров. Работа требовала особого внимания и находилась под постоянным контролем десятников. Хлысты распиливали на сортименты – брёвна определенной длины и диаметра в верхнем отрубе, и вывозили на передках телег либо к месту изготовления срубов домов, либо в штабель для дальнейшего использования при строительстве дороги, либо на распиловку.

Осень была тёплая, снег выпал в начале ноября. Василий спешил с корчевкой пней, и для её осуществления на участки, где позволяло пространство, направлялась специальная бригада, вооруженная лопатами, вагами, топорами и пилами. У елей корневая система поверхностная. Достаточно вокруг пня прокопать борозду и обрубить корни, лебедкой или полиспастом его можно выкорчевать и удалить за пределы трассы. Хуже с деревьями со стержневыми корнями: нужно докопаться до главного корня и обрубить его. Пней было много. Корчевка затянулась до февраля.

За это время разрубили трассу по правому берегу реки, пни укрыли сучьями, их запорошило снегом, и рождественские морозы не проморозили землю. Удалив растительность между реками Семиковкой и Межей, корчевальщики по льду перебрались на правый берег. К тому времени они приобрели опыт, увеличилась их численность и техническая оснащённость. С правого берега лес вывозили в Старые Федоры на распиловку. По льду реки Межа была наморожена дорога, которая проходила по дну оврага с северной стороны от «чугунки» - так стали звать в народе будущую железную дорогу.

Василий Ларионович максимально использовал зимнее время, когда крестьяне свободны. По мере раскорчевки, на освобожденных от пней участках, с основания земляного полотна снимался растительный слой, оно планировалось под руководством Сахарова, и в натуру через сто метров выносили его поперечный профиль, с тем чтобы строить земляное полотно до проектной отметки. Грунт брали из ближайших проектных резервов. Эти данные были в проекте. Работа тяжелая, ручная. Из кювет-резервов в насыпь грунт доставляли на тележках, а из удалённых резервов на телегах или санях-розвальнях в дощатых коробах. По насыпи прокладывали колеи из досок для телег и тележек. Рабочих было много. Обедали в кордоне лесника, рядом с трассой. Василий организовал там котлопункт.

Особое внимание путеец Сахаров уделял качеству земляных работ. В выносе поперечных профилей ему помогал Василий. Высота насыпи принималась больше проектной на величину уплотнения грунта, а крутизна откосов насыпи принималась в зависимости от механического состава почвы. Это предусматривалось проектом. На осадку насыпи принимался срок – один год. По обе стороны насыпи устраивался водоотвод. Его профиль предусматривали проектом. В ведомости перемещения грунта указывалось, из какого резерва в каждое конкретное место должен быть доставлен грунт. Это, казалось бы, немудреное правило должно было безукоризненно выполняться, ибо в противном случае в тело насыпи мог попасть грунт, частицы которого играли бы роль капилляров, сосущих воду из глубины земли и поднимающих её к шпалам и рельсам, что могло вызвать разрушение верхнего строения пути и аварию.

После разубки трассы, раскорчевывали и возводили насыпь. Близ деревни Паникля в Федоровской лесной даче (разъезд Малашкино) были организованы пункты по производству шпал и теса – первые локомобили с лесопильными рамами, на которых пилили бревна и изготавливали мостовые брусья и шпалы, пропитывали антисептиком – креолином и складывали на прокладках под навесом.

К концу 1897 года земляное полотно было построено. Сложно было возвести насыпь в пойме реки Межа. Её возводили весной и летом 1897 года. Грунт брали из выемки, южнее Новых Федор, из берега поймы р. Межа, напротив нынешней деревни Половцово. Для «тележной» транспортировки грунта устраивали поперечный настил из мелкотоварного леса и конки – колеи из досок. Грунт на телегах подвозили к насыпи, а далее - на тележках по доскам. Дорожное покрытие – крупнозернистый песок, как шпалы и брусья для мостов, цемент и камни, песок и щебень для виадуков подвозили на платформах. Рабочих трудилось много. Одновременно строились два моста: через р. Лютинка и болотный ручей, большой мост через реку Межа и тоннель за деревней Половцово. Своих специалистов у Василия не было. Он нанял их в Москве. Мост через реку Межа у деревни Половцово спроектирован был с использованием двутавровых балок и швеллеров, для перекрытия речного русла, больших размеров, что задержало работы, потому он был сдан комиссии позднее, но субподрядчики не подвели – пробную нагрузку мост выдержал.

По просьбе Сергея Владимировича Нелидова ближе к переезду Василий построил здание волостного правления – рубленый одноэтажный дом крестьянского типа с большим коридором и примыкающим к нему домом временного содержания нарушителей законности, а также два небольших ларька у станции.

Открытие движения по железной дороге послужило импульсом для оживления промышленности и сельского хозяйства. Вблизи рюмов и железной дороги строились лесопильные заводи: в Чернецово, Вышегорах, Бутаках, Богданове, Паникле, Дрогачеве. В Нелидово, возле железной дороги, построил лесопилку и Андрейзен. Позже, советская власть, пользуясь наличием железной дороги, как посредством вывозки готовой продукции, малые заводи объединила в один крупный – Нелидовский лесопильный завод имени Молотова.

С 1900 по 1901 год производились пуско-наладочные и регулировочные работы в путевой связи и рельсово-стрелочном хозяйстве, исправлялись недостатки, указанные в акте приемной комиссии, строились станционные сооружения: вокзалы, водокачки, пункты горячей воды, камеры хранения, товарные станции. Василий добросовестно выполнил условия договора. Работы шли пять лет.

Первый поезд из города Москва пришел в 1901 году. Сорокакилометровый участок был построен на деньги подрядчика. В том же году, после сдачи в эксплуатацию участка железной дороги Ржев - В. Луки и получения расчёта от государства, Румянцева Василия Ларионовича навестили представители «общества по строительству железной дороги» из Москвы. Они привезли в холщёвых мешках оплату по договору подряда в золотых червонцах, но он не знал, что с ними делать. Особой нужды в деньгах он не испытывал.

Данила не собирался строить дом. Было решено, что жену он приведёт в отцовский. Дочерям на приданое «отложено». Мешки решил спрятать подальше, на потолке курятника, в корыте - до поры, до времени. Пришла пора остановиться, осмотреться. Теперь он твёрдо стоял на ногах. Уважением пользовался не только в уезде, но и в губернском городе, материально обеспечен, и никто не мог обвинить в непорядочности. Жена, Мавра, любила его, помогала. Она умело справлялась с хозяйством, воспитывала детей. Сын Данила в 19 лет отличался живым умом и смекалистостью, бабушка Уля научила его грамоте. Он хорошо разбирался в крестьянском труде, приходилось ему водить по Меже плоты. Дочери Дуне шел 18 -й год, уже приезжали сватать – десятник из Пустого Подлесья Щербаков Тимофей Александрович - воспитанный, грамотный человек. Договорились через год свадьбу сыграть. А пока приезжает по праздникам проведать, гостинцы передать. Насте 15-ый год – матери помощница, а с ней и малая Нюра растёт пригодной к жизни.

На святки 1903 года Василий с Маврой выдали замуж дочь Дуню за Тимофея Щербакова. В тот же год в – Санкт-Петербурге вышел на пенсию и вернулся домой брат его Иван и немедля женился на Александре Ларионовне Карповой, из деревни Селезёнкино (из рода Хлиманенковых). В конце 1903 года у них родился сын Иван – васследствии полковник Советской армии, министр послевоенной Латвии (умер в 1970 году). В 1905 году родился у Дуни сын - Андрей. В войну он стал старшиной зенитной батареи, а позднее председателем колхоза «Новый путь». В 1912 году у Дуни родился сын Алексей. В 1917 году у неё появилась дочь Александра, которая впоследствии вышла замуж в деревню Прудня за участника войны Алексея – сына Дмитрия и Прасковьи. К тому времени у брата Василия – Ивана родилась дочь – Фруза. Родила дочь и сестра их – Мария. Задумали Василий и Данила построить чайную у реки Семиковки, рядом с дорогами на город Белый и Старые Федоры. Народу на станции много, а отдохнуть, посидеть за столом, вкусно поесть, рюмку поднять, негде.

Свадьба Данилы

Летом 1904г., за два месяца до свадьбы внука Данилы умерла Ульяна. Похоронили её на деревенском кладбище, на берегу реки Межи, у деревни Бор. Проститься приходили жители деревни Козино и окрестных деревень. Вглядываясь в черты лица её, они отмечали его доброту. Деятельная в жизни, она и в гробу казалась живой. В долгие зимние вечера, прибравшись по дому, учила молодежь чтению, чистописанию, арифметике, закону Божьему. Женщины, украдкой вытирая слезы, благодарили её за науку лечения и воспитания младенцев. Незлобивая и уравновешенная, Ульяна пользовалась всеобщим уважением.

Через месяц Василий с Маврой и Данилой были в сватах у горкинского предпринимателя Федора Григорьевича Копылова. Пришла пора сына женить. Шёл ему в ту пору двадцать третий год. Уравновешенный, сметливый, широкий в плечах, росту среднего, был он мечтой многих девушек, а у него перед глазами стояла озорная, с тонкими бровями, милая Лизавета. Видал он её, когда та приходила к его бабушке учиться лекарству. Тогда она была подростком, но сумела одарить взглядом, которого он не смог забыть. Был он у них дома, когда приходил заказать деготь, сбруи для лошадей и мазут для смазки телег. Всегда любовался Лизаветой, а она и не пряталась, ей тоже нравился круглолицый, улыбочивый парубок.

Как-то, заглянув в глаза, спросил:

- Лиза, замуж за меня пойдешь?

- Пойду, - ответила та.

- Так ведь годков тебе немного.

- Пятнадцать уже. Два года подождём, а год батюшка простит.

Так и ездил он к Федору Григорьевичу: по делам, а сам на Лизавету любовался. Многие горковские были на похоронах его бабушки. Была и Лизавета. Она любила Ульяну, и многое почерпнула от неё. С её легкой руки заговаривала многие болезни, принимала роды. Добрая была, людей любила. На вопрос отца: «Пойдешь ли за Данилу?» ответила согласием. Свадьбу решили играть на Покров. В неофициальной части беседы на столе появился штоф «Смирновской», будущие сваты отметили знаменательное событие. Федор Григорьевич выпил знатно, Василий Ларионович только пригубил. Им с Данилой нужно было попасть на станцию: отделявали чайную.

Предсвадебный месяц пролетел быстро. У Лизаветы мать умерла с год уже. Уму-разуму её учила Мавра. Научила она её и свадебному обряду. Обряд был соблюден в сокращенном варианте, но выкупать невесту Даниле пришлось, и приданое невестино его друзья искали; вместо матери, благославляла её тётка, сестра матери. Отец, как всегда, был немного навеселе. Миновал заставу и разгадав загадки, Данила вошёл в дом. Перекрестившись на образа, он увидел за столом в переднем углу трёх женщин: двоих в овчинных шубах, а одну в наряде Бабы-Яги. Он понял, что так проказничать может только его Лиза, и подошел к ней. Лиза взяла его за руку и посадила рядом. Подошел его дружка Николай и обратился к отцу и матери с напоминанием, что пора молодых благословить и в церковь ехать, венчаться. Под ноги Даниле и Лизавете подложили войлок, а отец и мать по очереди трижды перекрестили их и дали поцеловать икону. Молодые поцеловали также и отца с матерью. В это время в другой (летней) половине избы дружка Данилы выкупали Лизино приданое, угостили девчат, стерегущих его, конфетами, и целовали их. Оттуда слышался веселый смех и притворные девичьи крики. Зарождались новые знакомства, а возможно, и свадьбы. Перед выходом из дома старший дружка пригласил родню и друзей невесты к жениху вечером на свадебное гуляние - горной обед.

Венчались в Иоткинской церкви. Люди знали, что женится сын Василия Ларионовича – Данила, потому и ждали около церкви. Подъехав к храму и отправив молодежь на венчание, старший дружка выкатил из телеги бочонок пива и угощал всех желающих, девчатам и ребятам дарил конфеты. В Нелидовке свадебный поезд ждала празднично одетая молодежь. Они не закрывали дорогу, а рядом с ней поставили застеленный скатертью стол с кружками и блюдо под конфеты. Поравнявшись, поезд остановился, к молодым подошел старший от встречающих и поздравил их, а дружка наполнил стаканы и кружки пивом и раздал конфеты.

По ухоженной, с молодыми деревцами дороге, быстро доехали до урочища Прудня, где на ручьях были запруды (Андрейзен выращивал там рыбу). Прошедшим летом он разрешил Тихону и сестре его Надежде поселиться там, наделил землей и дал лесу строиться. Они обязывались обслуживать его прудовое хозяйство и выполнять другие хозяйственные работы. Отец их - Прокоп с братом Терехом жили рядом с дорогой на Смоленск, южнее деревни Борки. Место то называлось созвучно их фамилии - «Качны». Потому и фамилия их была - Качновы. Брат с сестрой и плотники, отделявавшие их дома, стояли на пригорке и с любопытством смотрели на свадебный поезд. Не знали они тогда, что пройдет чуть больше 30-ти лет, и они породнятся с молодыми, но это будет уже другое время, а тогда их угостили пивом, крепким и хмельным, сваренным из ячменя и хмеля.

Свадебный поезд подъезжал к деревне Козино. Слева от дороги, на заливаемом лугу, стояли стога сена, а справа, до самого леса, - вспаханные поля. Здесь козинцы выращивали хлеб. На крыльце стояли отец Василий Илларионович и мать Мавра Игнатьевна. В руках они держали старинную икону Казанской Божьей матери. Данила помог Лизавете сойти с телеги и повёл к крыльцу, вдруг наперерез им с ухватом и кочергой выбежала девочка лет 8-9 и, взмахнув над головой невесты, закричала: «Что? Боишься? Вот и бойся так жениха и его родителей!». Эту часть обряда исполнила сестра Данилы - Настя, 8-ми лет от роду. На крыльце мать с отцом благословили Данилу и Лизу и повели в дом. Прежде чем сесть за стол, Данила трижды обвёл молодую жену вокруг

стола. Он просил таким образом Бога о сытой семейной жизни. На столе появились закуски. Дружка налил молодым по стакану водки и, обращаясь к отцу и матери, напомнил, что молодым пора отдохнуть. Свахи расстелили постель в соседней избе. Туда дружка отвёл молодых. После их ухода заговорила гармонь, и началось безудержное веселье, пение и пляски. У крыльца появились гости от невесты, они входили в дом с прибаутками и пляской. В это время дружка отправился проведать молодых и справиться об их здоровье. Вернувшись обратно, доложил жениховой и невестинной родне, что всё в порядке, они здоровы, уже одеваются. Взявшись за руки, Данила и Лиза подошли к столу. На нём стояла четверть водки, дружка наливал стаканы и передавал молодым. Они должны были угостить каждого. Пока тот пьёт, лежали перед ним «нищ» на полу.

Испытания закончились, свадьба пела и плясала. Только к полуночи гости уgomонились и отправились «почивать». Назавтра к обеду молодые поехали в деревню Горки к родителям невесты, на блины. Тётка напекла их румяными, сдобными, вкусными и всячески угождала Даниле, чтобы не обижал Лизавету. Так началась их семейная жизнь.

Присутствовал на свадьбе Сергей Владимирович Нелидов. Он приехал со свадебным поездом из церкви. Ему хотелось рассмотреть свадебный обряд, сравнить его с обрядами своей родины. Талантливый, любознательный, он видел в них проявление артистичности народной души, её самовыражение. С Василием они сблизились во время строительства железной дороги. Он увидел в нём отпрыска былинных богатырей, которыми славилась Российская земля. В то время Нелидов работал губернским секретарем. Пока гости веселились, они с Василием вышли на крутой берег реки Межи, сели на пригорке, который так любила мать Василия, и, глядя на левобережные поля, заговорили о жизни, о будущем России, что ждёт молодежь, которая так жизнерадостно отплясывает на свадьбе, и как облегчить их судьбу.

«Мой дед рассказывал мне, - начал Сергей Владимирович, - как выводили верные войска видные военачальники, названные позднее «декабристами», на Дворцовую площадь. Они не хотели крови, а потому не отдавали приказа стрелять. Солдаты стояли в строю, пока Николай I не приказал палить в них из пушек. Пятерых из командного состава повесили, а других - (сто двадцать человек) сослали на каторгу. В Европе под влиянием демократических преобразований шло бурное развитие промышленности, сельского хозяйства, судебной-правовой системы. Рос промышленный потенциал, укреплялись вооруженные силы, а в России правили самые реакционные, тупые силы, которые мешали новому и делали ставку на отжившие методы управления обществом, плодили мздоимцев, воров, прощелыг. Если бы тогда, в 1825 году, арестовали царя и правительство и внедрили новые принципы развития страны, схожие с европейскими, это было бы к стати. Поражение выступления «декабристов» вызвало ожесточение консервативных сил и «застой» в развитии страны. Сегодня в Париже – метро, а в России практически нет дорог. В деревне – керосиновая лампа – благо. Начнись война, в стране нет оружия, корабли далеки от мирового уровня, большинство чиновников – казнокрады. Хоть Николай II и пыжится, реальной власти у него нет. Сегодня нужно создать условия для проявления своих способностей простым людям, законодательно выравнять в правах всех. Был царь Александр II, убили в 1881 году, за 3 дня до рассмотрения проекта конституционной монархии. Это было необходимо для России. Людям нужен царь как гарант стабильности и конституции, парламент как олицетворение свободы. Александра II убили, а что делать далее так и не сообразили. Думается, что до сих пор не знают. В 1887 году группа разбойников из «Народной воли» (один из них – Ульянов Александр Ильич) покушалась на жизнь Российского царя - Александра III. Их повесили, но подросток его брат Владимир, ему тоже власть нужна. Пропагандируют они коммунизм, который проповедовали западные идеологи – утописты, а разработали и развили К.Маркс и Ф.Энгельс. Идеологи нового направления не скупятся на обещания, а народ на них падок. Может, пойти за ними. У них за душой, кроме лжи, ничего нет, идут, куда кривая

выведет. Страшно подумать, что ждёт нас, если они победят. Видя слабость России, даже Япония пытается наступать нам «на ноги». Сейчас идут бои за Порт-Артур. Погибла тихоокеанская эскадра. В район боев вышла из Питера вторая и третья. Боюсь, что их тоже, разобьют».

Используя служебное положение, С.В. Нелидов, как мог, помогал просвещению и здоровью людей. Под его влиянием были построены фельдшерский пункт с амбулаторией в Федорах, больницы в Селах и Пустом Подлесье, земские школы в Кутьеве, Селах и Пустом Подлесье. Велось дорожное строительство.

После паузы Василий добавил: «Сохраненная властью община кормит дворян и двор, но она не позволяет в полную силу проявить свои способности трудолюбивым, творческим личностям, тормозит развитие государства. Крестьяне не могут свободно работать. Правительству давно пора разрушить общину и помогать крестьянам».

С.В. Нелидов оказался прав: японцы разбили 2-ую и 3-ью эскадры и захватили Порт-Артур. Простые люди поражение в войне с Японией восприняли как национальный позор. Они окончательно убедились в неспособности верхов управлять страной, потому ещё большей любовью окружали героев, отдававших жизнь за её честь и независимость.

Герой с Варяга

В 1905 году Федор Григорьевич Копылов получил последнюю весточку о Прохоре от командира крейсера «Варяг» Руднева Всеволода Федоровича, где описывались героическое поведение и смерть его сына. Он писал: «После войны с Китаем в 1894-1895 г.г. Корея оказалась под протекторатом Японии. Россию Корея тоже привлекает. Она является как бы мостом между Манчжурией и Приморьем. Заключив в 1902 году военный союз с Англией, получив в 1903 году большой займ из США, японцы рискнули выступить против России. Англо-американцы надеялись, что война ослабит обе стороны и позволит им главенствовать в Корее и Манчжурии. Я побывал во дворе императора в Сеуле, почувствовал двойственность дипломатии Японии и союзницы её Англии, направил в Порт-Артур канонерскую лодку «Кореец» с секретным пакетом, приказав не ввязываться в бой, однако при выходе из порта её встретила японская эскадра и вынудила вернуться обратно. Тем временем японский адмирал предлагал нам покинуть порт или он атакует нас. Мы решили прорваться в море через строй их кораблей. Нас ждали шесть японских крейсеров и восемь миноносцев. Мы подожгли два крейсера - «Гидру» и «Наиву», устремились в проход, но японцы стреляли из всех орудий. Вода забурлила от взрывов, у нас сорвало 15 орудий. Когда снарядами большого калибра пробило брешь в борту, мы поставили «пластырь» и заполнили водой ёмкости с другой стороны. Это снизило скорость движения крейсера, и мы поняли, что прорваться не удастся, но поставили себе задачу потопить хотя бы один корабль противника. Подожгли крейсер «Асама», взорвали миноносец и вышли в нейтральные воды. На палубе «Варяга» собралась часть команды. Обсуждали бой. Выглянул из бронированной будки командор тяжелого орудия Копылов Прохор Федорович, хорошо служивший и проявивший героизм в бою, но в это время взорвался неприятельский снаряд. Осколками Прохору снесло голову, а других ранило. Маленькие люди, не одолев нас в бою, в бессильной злобе ударили в спину, чтобы хоть после боя отомстить. За их слащавой улыбкой скрывалась подлая сущность. Этого боя оказалось достаточно, чтобы Япония поняла: Россию не победить. В южно - корейском порту Чемульпо, сняв вооружение, мы потопили «Варяг», а лодку «Кореец» взорвали. Там похоронен ваш сын и другие матросы. Вечная им память и благодарность Родины».

Со слезами на глазах часто читал это письмо отец Прохора - Федор перед собравшимися мужиками, пытаясь облегчить горечь потери, продлить память о сыне и о подвиге русских матросов в той неудавшейся войне.

Василий – за Советскую власть.

После возвращения Лариона, в 1908 году, к Василию приехал бывший куратор строительства железной дороги Москва – Виндау, посланник России в Германии, генерал Нелидов и повёл с Василием разговор о хранении денег. «Ты говоришь, что хранишь деньги в амбаре, а если банда налетит? Тебя убьют, а сараи сожгут?» Василий ответил: «Что же мне делать с ними?» Гость посоветовал: «У меня есть земля: от Нелидово до Мостовой и до города Белый. Её никто не отнимет, а ты сможешь сдать её в наем или в аренду». Слова вельможи упали на благодатную почву мечтаний Василия, он согласился купить её. Гость уехал с холщовыми мешками и с золотом, а Василий Ларионович остался с заверенной нотариусом купчей и смутной озабоченностью. Прошли годы, власть стала Советской. Нелидов с деньгами жил в Германии, купил там усадьбу. Василий с громкими званиями лесопромышленника, подрядчика, крупного землевладельца остался в России, стране крестьян и пролетариев. Темными осенними ночами задумывался он, что скоро никому не будет дела, что денег у него нет. Репрессий не избежать. Закрыл глаза. Перед ним пронеслась вся его жизнь. Неимоверным трудом он сколотил состояние, стал членом порядочного общества. Уважал своих друзей, доверял им. Они его и подвели, рассказав генералу про деньги. Он возненавидел былую власть и отправился на митинг агитировать за Советы.

Митинг состоялся в ноябре 1918 года на левом, высоком берегу реки Семиковка, у здания волостного правления, (слева от дороги на Торопец) при стечении более трёх тысяч человек. У собравшихся там людей, были вдохновлённые и просветлённые лица, в руках красные знамёна. Выступал там и Василий. С наспех сколоченной трибуны, подняв вверх руку, высокого роста, с огромной русой бородой, похожий на Карла Маркса, призывал он своих земляков поддержать большевиков во главе с Владимиром Ильичом Лениным и помочь им установить советскую власть по всей стране, несмотря на происки врагов. «Это наша власть, желанная и долгожданная. Я, Василий Румянцев, которого вы все отлично знаете, здесь, сегодня, на этом митинге, отказываюсь от всех своих званий и имущества, нажитого, в отличие от других, своим честным трудом». Василий Ларионович говорил, что приветствует Советскую власть, отстранившую от управления страной мироедов и кровопийц. Он считал, что к власти пришли такие как он – неутомимые труженики и скоро страна разбогатеет. Сбережения не потребуются. В тот день по главной улице посёлка прошла первая в его истории демонстрация в честь прихода к власти честных людей. Впереди, высоко подняв красное знамя, выкрикивая лозунги в поддержку новой власти и ругательства в адрес старой, шел выходец из народа Василий Румянцев – человек уважаемый и знавший почти каждого в округе. Все с одобрением восприняли его действия. Он оказал существенную помощь молодой советской власти, помог многим в Иоткинской волости при выборе своего места в то смутное и непростое время. Для многих это было неожиданностью. Впереди была жестокая борьба, никто не знал, что будет, какая установится власть. Василий сам, без принуждения, выбрал свою дорогу. Он подал пример, который стал определяющим как для его родственников, так и для большинства земляков. Делал он это искренне, по велению сердца. В разговоре с сыном Данилой убеждал, что трудности временны. Скоро придут времена, когда деньги не будут нужны. Так было, а прав ли он был, судить вам читатели. Тогда, и до конца дней своих, он был сторонником народной власти и её ревностным помощником.

Друзья Василия – семейство Андрейzenых, тоже отказалось от своих земель и имущества в пользу народа и выехало в город Одессу. Их земли поделили по едокам – по три с половиной десятины на человека. Все остались довольны, выражали благодарность уважаемому Эдуарду Францевичу. Его память уважаема и сегодня. Для документального подтверждения этого, в начале пятидесятых годов, в деревню Нелидовка приезжал сын его, Александр Эдуардович. Его, в сопровождении жителей деревни Нелидовка -

Никитина Василия и Боселова Максима, встретил Василий Данилович в 1953 году, в деревне Нелидовка, в аллее из лиственниц, которые сажали его отец и Василий. Был сход жителей деревни Нелидовка, выступали с воспоминаниями старожилы, помнившие те времена. Все тепло отзывались о семействе Андрейzenых. Экземпляр протокола собрания с подписями председателя и секретаря собрания, а также председателя сельсовета, Александр Эдуардович увёз с собой, для известных ему надобностей. По воспоминаниям Василия Даниловича, Александр Эдуардович говорил ему, что отец его, Эдуард Францевич, очень хорошо помнит Василия Ларионовича, тепло отзываясь о нем и сожалеет, что тот умер.

При дележе андрейзенской земли сыну Василия - Даниле, при двенадцати едоках, отрезали сорок десятин. Вся его семья работала, а потому не бедствовала и не голодала, как многие. Данила Васильевич имел три рабочих лошади, четыре дойных коровы, овец, свиней, кур. Приобрели они: молотилку, веялку, сортировку, льномялку, волноческу, маслобойку. Изготавливали льняное масло. Жена Данилы Васильевича Елизавета Федоровна, рассказывала, что вся их семья, даже малые дети работали на своей земле. Земельный надел рос потому, что многие односельчане не желали заниматься сельским хозяйством и жили случайными заработками. Данила Васильевич любил землю, выращивал многие сельскохозяйственные культуры. У него был интерес к испытанию новых сортов. На стене висели две грамоты от общества семеноводства. Данила считал, что это свойственно всем, а соседи приходили к нему, снимали шапку, кланялись в пояс и просили, чтобы взял их надел, потому что он им не нужен. Данила брать землю не хотел, имевшуюся с трудом обрабатывал, но его слезно просили, чтобы детей прокормить и самим душу погреть. Данила приобретал их землю, обрабатывал, убирал урожай и расплачивался с продавцами зерном или мукой, не давал помереть с голоду. Просились они к нему в работники, но не брал, говорил, что от них вреда больше, чем пользы.

В то время молодая советская власть ещё не окрепла, проходимцы и нечестные люди пользовались этим, тайком крали и пропивали чужое. Жила в деревне Козино семья – три брата. Землю, выделенную им властью, они сдавали в наем, собирали грибы, ягоды, заготавливали кору липы на лыко, брёд, изготавливали сита – решета. Всё продавали. Пили много спиртного, на некоторое время отлучались. В округе участились случаи обнаружения запертых в подвалах и амбарах людей. Часто те умирали от голода и холода. Несмотря на то, что шёл четвертый год советской власти, число жертв росло. Елизавета Федоровна рассказывала, что к ним приходил её свекор, Василий Ларионович, и говорил Даниле, что терпеть преступников более нельзя. Их нужно изловить. Сын попытался его остановить – никого не поймаешь, а горя на себя и на нас накликаешь. Дед не послушался, а поехал на станцию Нелидово к начальнику волисполкома. У него застал начальника милиции. Василий рассказал о положении дел и просил помочь. Ничего вразумительного ему не ответили. Власть просили помощи от Москвы. Она ничем не помогла. Шла война. Ему посоветовали собрать народ и выловить бандюганов. Василий попросил разрешения собрать людей на сход. Посоветовавшись с губернским начальством, разрешили. С милицейским начальником договорились о минимальной награде в случае удачи. Подумав, Василий от схода отказался. Зачем огласка? Поговорил с горковцами, да с машинцами, в Козино три человека нашлось. Все - при ружьях и лошадях. Желаящие были. Все знали, что Василий делает все продуманно и надежно, потому и шли к нему. Он ограничился отрядом в восемнадцать человек, выдал части из них маузеры для надежности, на всякий случай. Волостной начальник дал Василию удостоверение уполномоченного по борьбе с бандитизмом, а членам отряда удостоверения бойцов чрезвычайного отряда. Вместе с головой волости наметили план действий, места, где нужно побывать с проверкой. Все держалось в строгой тайне. В начале поехали в Паникольскую волость, затем в Монинскую, Иоткинскую. Бандитов обнаружили случайно. Севернее деревни Березняки находился общественный овин. Решили проверить там. Оставив на улице охрану, зашли в сушилку. Там сохранилось

тепло. Рядом, в другом помещении, наткнулись на подозрительных людей. Когда бойцы отряда подошли к сараю, те бросились врассыпную. Завязалась перестрелка. Василий послал часть бойцов обойти беглецов с тыла. Их взяли, связали, привезли в милицию. Волостной начальник Беляков Г.Г. и начальник милиции Попов добились у них признания. Семь человек из них присудили к розгам, а двоих – убийц - к расстрелу. Всё успокоилось. Люди стали нормально жить и работать. Василий Ларионович занялся подсобным хозяйством. К 1920 году деревня Козино выросла до шестнадцати дворов. К тому времени Клим помер. На его место переселился Иван Ларионович. В доме Лариона жил его внук, Данила. У него было много земли, сельхозинвентаря. Время от времени появлялись охотники до чужого, но их обезвреживали.

Новая жизнь в Козино

Строить Даниле новую избу и двор Василий с Маврой не пожелали. Решили подремонтировать ту, в которой жили, и жить с сыном, только в летней половине. Крестьянствовать уже не было сил, а для себя огород держать и минимум животных можно было заодно с Данилой, который горяч был до работы. Смолоду силы не чувствовал. На тяжелую работу брал с собой Лизавету. Она старалась, понимала, что муж о семье печётся, но организм не выдерживал нагрузки. Шесть лет не могла родить наследника, пока не дошло до него, что счастье нужно беречь. Данила стал более внимательным и заботливым.

Первенца Лиза родила в 1911 году, назвали Сергеем. Рос он понятливым и настойчивым. Семь лет ходил в школу, был активистом, вступил в комсомол. Отец надеялся, что будет у него наследник, но жизнь рассудила иначе. Комсомольская ячейка выдвинула заведовать торговой лавкой в деревне Шейкино. Получал товар на базе, где заведующим был Мелешкин. Однажды ссылаясь на забывчивость, объяснив, что не оставил себе вторых экземпляров, тот попросил у Сергея его накладные, пообещав назавтра вернуть, но не вернул, а через неделю – ревизия. Обнаружили неучтённый товар. Судили, дали 5 лет. Елизавета посылала отца проведать сына, гостинцев отвезти, но тот не поехал, сказал только, что он его туда не посылал. Через год следствие установило, что Мелешкин подстроил всё умышленно, чтобы очернить комсомольца. Был новый суд, Сергея оправдали. Он вернулся домой. Мать увидела его в арестантской одежде на скамейке под окном, в окружении соседей, позвала в дом. Отец встретил неприветливо. Сергей переночевал и отправился на вокзал. Матери сказал, что едет в Ленинград жить и работать. В начале тридцатых пришло от него письмо, что он получил образование и работает главным инженером механического завода и скоро приедет на побывку. Приехал весной 1934 года по тем временам хорошо одетым: в белой рубашке, костюме, лакированных туфлях, что не вписывалось в пейзаж деревни, с еще не высохшей весенней грязью. Попросил отца дать ему лошадь с телегой, чтобы привезти подарки. Отец выразил сомнение в правдивости его слов и лошадь не дал. Тогда Сергей нанял соседа, и они привезли полную телегу узлов. Здесь было всё необходимое для хозяйства: ведра, тазы, ткани, белье, посуда, одежда. Побыв дома ещё несколько дней, он уехал обратно. Не смог простить ему отец, что не стал помощником, продолжателем его дела. С тех пор на родину Сергей не приезжал.

Напуганный выступлениями народа в 1905 - 1907 г.г., царь даровал некоторые свободы, разрешил выборы Государственной Думы. Многие депутаты, поддерживали народ. Особым уважением пользовались деятели земств. Хотя Государственные Думы не оказали серьёзного влияния на работу правительств, однако, они способствовали появлению Указа от девятого ноября 1906г. о переходе общинных наделов в частную собственность крестьян - единоличников. «Крепких» крестьян нацеливали на превращение своих хозяйств в изолированные друг от друга хутора. Наравне с ними из общины выходила и беднота, стремящаяся продать землю и уйти в город. Бедняцкие

земли скупались состоятельными хозяевами, помогал стабилизации обстановки крестьянский банк. При его посредничестве помещики продавали, а крестьяне покупали землю на ссуды банка.

Проблемы сельской бедноты царское правительство надеялось решить путем переселений в Сибирь, однако 16% вернулись обратно на свои пепелища, что ожесточило их. «Кулаки» обратили взор на помещичью землю, что вызвало назревание нового революционного взрыва. В уезде, на отдаленных полях и отвоеванных у леса площадях, росли хутора.

Из газет Василий понял, что готовится большая война. Началась она в августе 1914г. Россия к ней не была готова. Росла хозяйственная разруха, появились длинные очереди. Недоставало хлеба, мяса, сахара. Россия закупала оружие, продукты, обмундирование у своих союзников. На станции Нелидово и в волости чувствовалась близость фронта. Станционные пути были забиты составами с лесоматериалами, оружием, хлебом и скотом. Реквизиции хлеба и скота вызывали массовые волнения. Крестьян не удовлетворяли выдаваемые справки о сданных в пользу армии лошадях, свиньях, коровах и обещанные вознаграждения после победы. Люди перебирались в лесную глушь со скарбом и животными. Хорошие деньги зарабатывали заводчики продажей круглого леса и пиломатериалов для фронта. Спросом пользовались смола, деготь, веревки, конская сбруя, телеги.

Построенную Василием Илларионовичем административную избу превратили в госпиталь. Через станцию проходили эшелоны с беженцами. Случалось, что некоторые из них оставались в ближайших деревнях. В Петрограде 28 февраля 1917 года после стрельбы по демонстрантам войска перешли на их сторону, а третьего марта пало самодержавие. Царь отрёкся от престола. Страной правил созданный Думой Временный комитет. Он не принимал решений без согласования с Советом рабочих и солдатских депутатов. В этом Совете большинство - у эсеров и меньшевиков. Они организовали постоянные органы Советов – исполнительные комитеты. Народ поддерживал выдвинутую эсерами и меньшевиками идею гражданского мира и консолидацию всех классов и элементов народа. В то же время делегация исполкома Петроградского Совета во главе с председателем Чхеидзе (меньшевиком) убедила временный комитет Госдумы создать Временное правительство. Петроградский Совет присвоил функцию контроля над Временным правительством и издал приказ, ограничивающий единоначалие офицеров и их дисциплинарную власть, предписывал создание в воинских частях выборных солдатских комитетов и запрещал исполнять приказы, противоречащие распоряжениям советских органов. Армия перешла под контроль Советов. Установилось двоевластие.

Василий чувствовал настроение людей, понимал, что существующие порядки мешают развитию страны, но надеялся, что умные головы найдут выход, а простым людям нужно хорошо трудиться.

Война продолжалась. Поползли слухи, что Временное Правительство вытесняет большевиков. Василий решил построить гостиницу на берегу реки Семиковка и приехал к начальнику станции обговорить условия. Случайно подслушал разговор по ведомственной связи с дистанцией пути в городе Ржев, из которого понял, что власть в Петербурге захватили большевики. В конце 1917 года началась реализация декрета о земле. Власти передали крестьянам принадлежавшие помещикам, буржуазии, монастырям земли. Их освободили от арендной платы. В вышедшем в феврале 1918 года законе о социализации земли утверждался принцип коллективного ведения сельского хозяйства, а в мае объявили продовольственную диктатуру. Крестьяне, не выполняющие указания властей по сдаче хлеба, объявлялись врагами народа, появились продотряды, которые опирались на комбеды и организованные к тому времени опытные совхозы, колхозы, коммуны.

В семье Данилы Васильевича 8 марта 1918 года появился второй ребенок – девочка, названная Матрёной. В десять лет она помогала семье: могла сушить и сгребать сено,

управлять лошадей, пасти скот, помогать матери в домашней работе. С улыбкой глядел на неё отец. Серьёзная хлопотушка была ему по нраву. Она нянчила Александра, Марию, Василия. В отца упорный Данила работал не покладая рук. Помогали ему старший сын Сергей да жена. Елизавета Федоровна родила детей своих на полевых работах. Последнего – Василия – при жатве ржи у деревни Гвоздово. Тогда ей было сорок лет. Полежала, набралась сил и благо дело к вечеру, завернула младенца в подол и босая, направилась домой. Путь неблизкий, семь - восемь километров. Наёмным трудом не пользовались. Данила Васильевич по ходатайству отца еще до женитьбы определен был в ученики к объездчику в леса Андрейзена. Старый специалист брал его на отводы лесосек, учил пользоваться компасом и буссолью (геодезические приборы), наносить будущую лесосеку на бумагу, определять запас разрешённого к вырубке леса. Когда учитель умер, Данила занял его место.

После революции Советская власть организовала лесхозы. На зиму Данила брал в конторе отходничий билет и лошадь, до весны работал в лесу, отпускал населению дрова и деловой лес, проверял наличие самовольных порубок, ставил на дерево клеймо и показывал, куда сложить сучья, когда и где сжечь их, чтобы не повредить кору и корни других растений.

Беспокоила Василия свойственная Даниле грубоватость. Не мог тот терпеть людей, которые, имея такие и даже большие возможности, не могли концы с концами свести и весной в длинных рубахах, босиком стояли у порога, прося пуд зерна в долг, чтобы не умереть с голоду. Данила, конечно, помогал, но любил наставлять на путь истинный, за это его не любили. Не зря говорят: «Если хочешь занять врага – дай соседу в долг». Как известно, его возвращать нужно. Представился случай найти на него компромат. Шла коллективизация, срок её завершения был до осени 1933 года. Зимой дали на раскачку, а летом 1934 собрали комитет бедноты, за стол посадили единственного грамотного человека – писаря Прошку, привели туда Данилу и спросили, почему не вступает он в колхоз. Не приученный лгать, Данила спросил: «Знаете ли вы, когда я выхожу в поле? Что молчите? Не знаете, ибо, когда я выхожу в поле, вы поднимаете голову от подушки и просите жену дать что-нибудь для опохмеля, а я уже работаю и семья моя со мной. Даже при желании, мне вас не прокормить». Спросили ещё – почему он не берет их в помощники, а мучает семью.

- Потому не беру, что Советская власть запретила использовать чужой труд.

- Отдашь ли свою технику, инвентарь, сбруи и лошадей в колхоз добровольно?

- Не отдам. Вы пили да гуляли, а я работал. Это несправедливо.

- Ну, гляди сам. Человек ты неплохой, и отца твоего мы уважаем. Выхода нет у нас.

Если не хочешь по-хорошему, возьмём сами. Чтобы не мешал, отправим на исправление в Сибирь, тебя и семью твою. Если доедете, просите у Бога здоровья, чтобы выжить. Прошка, пиши: «Ярого противника истинных бедняков, единоличника Румянцева Даниила Васильевича сослать со всей семьей в Сибирь, пусть там работает на благо нашей Советской власти».

Запрягли Савраску в большую телегу. Собрали кое-что из продуктов и одежды ему и детям, посадили всех на телегу. Спереди сел член комбеда с документами, а позади милиционер, и не заметили, что не видать отца Данилы – Василия, который утром ушёл на станцию к начальству. Главным там был его ученик – плотогон. Василий учил его искусству вязки плотов и их сплаву. Отъезжая от дома, Елизавета огласила деревню протяжным смертным воем, ей вразнобой помогали родственники. Поодаль наблюдали их судьи, потирая руки, предвкушая предстоящий делёж «несметного» богатства семьи. Проезжая по деревне, видел Данила лица соседей: кое-кто смахивал слезу, а многие ехидно улыбались.

Едва изгнанники миновали ближайšie избы, их судьи бросились в дом. Впереди бежал, размахивая длинными руками, писарь. Голова его мелко дрожала, двигался от нетерпения кадык. Наслышанные о богатстве этого дома, представители власти искали

деньги, самогон и сало. Деньги хозяин спрятал (подросший сын Василий нашёл их, уже ставшие просто бумагой, после войны в свертке между дранкой в крыше). Самогон хозяева не держали, а сало было. Нашли и одежду, изрядно потрепанную.

Телега миновала деревню, уже возвращались обратно родственники ссылаемых, как из-за поворота, над придорожными кустами, показались головы сначала лошадей, а затем и людей – мужчины и женщины в кожаных кепках и куртках, таких же галифе, хромовых сапогах. На боку у них висели в деревянных кобурах наганы. Поравнявшись с телегой, женщина приказала остановить её.

- Кого везешь? – спросила у возницы.

- «Единоличника» Румянцева Даниила Васильевича. В колхоз не вступает и на заработки не берёт.

- А вы просились к нему?

- А как же! Не берет, говорит, закона нет.

- Дайте мне ваше постановление.

Возница протянул сложенный вчетверо лист бумаги.

- Здесь написано, что он нажил состояние трудом батраков. Так, кто у него батрачил?

- Мы не знаем. Это Прошка писал.

- Вы проявили самоуправство, - проговорила женщина, - поворачивайте обратно. Вы, Даниил Васильевич, вступайте в колхоз и всю свою технику, лошадей, сбруи, телеги, скот туда передайте!

Данила, не скрывая восторга, целовал копыта её лошади.

В сумерках, того дня, когда Данилу Румянцева раскулачивали, по деревне пробежал посыльный, оповещая всех, что в самой просторной избе – Даниила Васильевича Румянцева - состоится общее собрание жителей деревни Козино и Прудни. Повестка дня: «Об организации коллективного общества по совместной обработке земли, с объединением лошадей, коров, сельского инвентаря, семян зерновых культур. По поручению райкома ВКП(б) собрание проводит Рахель Исаевна Федосюк. Для освещения помещения одной пятилинейной лампы оказалось недостаточно. Принесли ещё две и повесили под потолком. В начале собрания, уполномоченная Федосюк Р. И доложила, что организационные собрания прошли по всей волости, а также в деревнях Дулёво и Прудня. Уполномоченные от них прибыли на это собрание. Они доложили, что создали бригады по совместному труду, объединили пахотные земли, сенокосные угодья. Лошадей поставили в общую конюшню. По одной корове оставили в личных хозяйствах, а излишки объединили. Решили в дальнейшем считать деревню Козино бригадой №1, деревню Прудня – бригадой № 2, деревню Дулёво – бригадой № 3, а всё коллективное хозяйство назвать колхозом «Верный путь». Председателем колхоза избрать Щербакова Андрея. Члена колхоза Румянцева Данилу Васильевича, как самого старательного колхозника, назначить старшим конюхом бригады №1 и главным семеноводом колхоза. Колхозницу Румянцеву Елизавету Федоровну назначили освобожденным контролёром всего колхоза, с начислением ей ежедневно одного трудодня.

Началась новая жизнь. Зимой Данила ухаживал за лошадьми, а летом, наблюдая за ними, работал на семенном участке. Дети учились в школе в деревне Смольники, а летом работали в колхозе. Старший сын Сергей работал в деревне Шейкино заведующим магазином. Урожаи были хорошие. На трудодень выходило по десять килограммов зерна. Колхозникам выделяли по 0,4 гектара земли для выращивания картофеля, капусты и других огородных культур. Рядом был лес и мох – ягоды и грибы. В реке - рыба. Корова приносила телят и давала молоко. Многие вздохнули облегчённо. Но были мужчины, которым колхозная жизнь была не по нутру, они относились к этому нововведению с неприязнью. Пользуясь трудностями, подняли головы воры и конокрады, злобой своей они усложняли и без того трудную жизнь в деревне. Честные люди трудились, а проходимцы продолжали ловчить.

Вечером, когда спадала жара, воздух становился упругим и хорошо передавал звуки, отдыхающий на скамеечке под окном, утомившийся за день Данила слушал ровный гул своей веялки и молился: «Дай Бог добра всем».

Данила Васильевич часто спрашивал себя, за что его унизили, по какому закону действовали его судьи, что и когда делал он неправильно. Не мог поверить он отцу, что высылали его земляки из-за зависти, понимали - он лучше их. Когда они пьянствовали, он работал, себе и семье отказывал, чтобы деньги скопить на семена и хорошую технику, берег государственный лес, когда можно было брать его даром.

Провожая стадо на пастбище, заходил Данила на пашню, интересовался качеством пахоты, видел недостатки, указывал на них исполнителям. Те поначалу молчали, а потом стали говорить, что хорошо и быстро вспахать невозможно, бригадиры требуют количество, у них соревнование, а с другой стороны, если не соблюдаются агротехнические сроки - земля холодная и сырая, сверху приказывают сеять, о каком качестве можно говорить? Кому оно нужно? Бригадир проверяет, журит за огрехи, но ведь главное для него – гектары, за них – честь и хвала. Директивы по пахоте, посеву, уборке урожая нужно выполнить в срок, а лучше ещё раньше, ибо результативность работы оценивается по расторопности при выполнении команд. Данила не знал мудрёных слов, не обучен, но получать хорошие урожаи и кормить семью умел, научили, недаром в колхозе большинство лошадей и техники – его. В ущерб семье сумел скопить деньги на покупку Фордзона, а говорить не умел, и воровать не мог. Кому он, такой, нужен? Спасибо отцу, отстоял от ссылки. Понимал старый труженик, что насаждаемая властями система недееспособна, существовать будет, пока теплится в народе совесть, обычаи и привычки прошлой жизни, вековой её уклад. Когда совесть людскую и природу испоганят, как когда-то коммунары – барские усадьбы, потомки сегодняшних крикунов перекрасятся, будут искать нового идола, а до народа, который они направили по ложному пути, им не будет дела. Понимал Данила Васильевич, что человек – продукт тысячелетий и без связи с ушедшими поколениями существовать не может. Связь времен даёт людям силу. Когда выкачаем наши недра, отравим землю, куда пойдём с тощим «сидором» за плечами, кому нужны будем?

Долгими ночами, на пастбище, Данила мысленно анализировал действия Советской власти, сравнивал обещания и реальные дела. Выходило так, что бдительность властей торжествовала и виновные несли заслуженное наказание. Так было при выборах председателя сельсовета, когда члена комиссии Дворникова Якова из деревни Борки попросили проголосовать за отсутствующего. После голосования, просивший донёс на Якова. Судили, дали 2 года и, как хорошего плотника, отправили в Комсомольск - на - Амуре, строить жильё. Добровольно не поехал бы, а через суд поехал, хоть и без удовольствия. Для окружающих наглядный пример-непослушание наказуемо. В то же время партия контролировала выдвижение кандидатов в депутаты всех уровней. В.И. Ленин объяснял это необходимостью помощи народу в подборе руководящих кадров, со ссылкой на неграмотность. Продолжалось это до роспуска коммунистической партии в 90-х годах двадцатого века.

Реально союзные республики могли быть относительно независимыми только в культуре, образовании, здравоохранении. Под руководством центральных государственных органов уничтожались церкви и духовенство, брали заложников из дворян и интеллигенции, большинство из которых расстреляли без суда и следствия, развернули сеть концлагерей, в которые к 1921 году бросили 80 тыс. человек. Инициатором этих зверств, как стало известно теперь, был В.И. Ленин.

В 1919 году большевиками принимается решение: приступить к ликвидации враждебного казачества. Уничтожили большинство трудоспособного населения казачьих станиц. Селения обезлюдели. Эти новшества оправдывались борьбой с реставрацией капитализма, а на деле шло формирование «рабов нового типа». Для свершения величественных проектов создавались «трудовые армии» - одна - в застенках Гулага –

невольные исполнители, довольствовавшиеся чашкой баланды и с охраной, другая – постоянно пополняющая первую, но без охраны, с небольшим отличием в рационе, но с высоким чувством долга.

Из газет и бесед пропагандистов Данила Васильевич знал, что колхозами охвачена вся страна, построены электростанции, автодороги. Тяжелая промышленность занимает второе место в мире после США. Гигантский рывок по подъему промышленного потенциала осуществлялся для создания противовеса набирающей силу Германии. Чтобы избежать безмерных потерь в будущей войне, узников Гулага и крестьянство принуждали работать из последних сил. Пользу это принесло, но ценою огромных людских потерь. В совокупности с военными потерями и репрессиями это аукнется позже. Россия, выполняя союзнические обязательства, направляла в Германию эшелоны с хлебом, помогая им создать резервный фонд на случай войны, а свои люди селениями вымирали от голода. Данила Васильевич допускал, что можно наладить государственную экономику, сельское хозяйство и промышленность, науку и культуру, но для этого руководителями должны стать хозяева: умные и рачительные, заинтересованные в конечном результате, не скованные диктатом власти, не временщики, озабоченные выполнением директив центра.

В следующее «ночное» Данила пригласил отца, рассказал ему о своих думах, спросил, как объяснить, что в газетах пишут о красивых мечтах и планируют успехи, а получают минимум. «Всё, сынок, идёт от Ленина. Он придумал государственное устройство, пользуясь учениями западных социалистов-утопистов, основанных на лицемерии и двуличии. Прикрываясь благими намерениями, планировал построить государство «страшнее рабовладельческого». Внешне все благопристойно. Есть партия с программой и уставом, есть выборные органы – советы, которые управляют страной. Они избираются народом на основе демократических выборов. Республики имеют свои правительства и, казалось бы, руководят, могут отделиться, если пожелают. Однако, на X съезде КПСС, в марте 1921 года, настороженный накалом межфракционных страстей, Ленин провёл резолюцию, запрещающую фракционную деятельность и наделяющую ЦК правом исключать из своего состава любого члена, на что раньше был полномочен только съезд, что подрывало законы внутрипартийной демократии, сохраняло окостенелость системы. Если принять во внимание, что придавленный пропагандистским прессом народ позволял партии проводить в депутаты заранее согласованные с нею кандидатуры, то советы превратились в рабочий орган партии и теряли свое предназначение. Страной руководил генеральный секретарь ЦК КПСС через ЦК и партийную номенклатуру. Ведущие рычаги управления партией и государством оказались у старой большевистской гвардии (около восьми тысяч партийцев с дореволюционным стажем). В их среде формировались не совпадающие с центральной линией предложения, возникали фракционные группы. В условиях слабости демократии при принятии решений только общепризнанный лидер смягчает противоречия и сохраняет единство рядов. Аппарат доводит до страны его директивы. Так мог руководить только Ленин, внедривший такие порядки».

- Откуда ты всё знаешь, отец? – спросил Данила.

- Газеты читаю, анализирую, с умными людьми говорю. Что можно сделать? Ничего нам не сделать. Эта система прочно укоренилась и отмереть может только сама, когда прогниёт насквозь и упадет, как яблоко, разрушенное гнилью. Детей береги, чтобы не встревали в политику. Ваську - внучка жалко. Он справедливый, пропасть может. Особо поговори с ним. С Сергеем жестко ты обошёлся, зря обидел. Наша закваска, «настырный». Теперь в Ленинграде, выучился, на мехзаводе работает, главный инженер, а может, уже и директор. Это его стихия, его дорога, пусть идёт. Что лучше – ему решать. Тебя власть обидела, его – вознесла. У каждого своя дорога. Матрёна на выданье, смышлёная растёт, готовь приданое, не засидится. Володька о море мечтает. Дорога ему к Сергею в «Питер», там море рядом. Шурка ещё маленький, напугался в детстве, заикается, но ласковый и

очень понятливый. Береги его, кормильцем будет. Манька - умная и добрая. Дай им Бог всем здоровья. Ты, Данила, проще смотри на жизнь, приравливайся к новому времени, к работе. Живи с интересом, иначе что-нибудь в организме сломается, а ты нужен. Не мысли себя мучеником. Разве сам не видишь, что новая власть на словах провозглашает демократические ценности, а делами добивается беспрекословного подчинения всех одному человеку. Из деревень изымают инициативных и думающих. Можешь ли сказать, за что осудили бывших солдат 1-ой мировой и гражданской войн из наших деревень? Полегли они на стройках Магнитки. Вернулись единицы. Слышал я рассказ одного из них, вернувшегося из Нижне-Туринской трудовой колонии.

В январе 1933 года их из Магнитогорска привезли в Нижне-Туринскую трудовую колонию. Люди были до состояния смертности истощены. Везли в крытых вагонах из-под угля, в дороге не отапливали. Стены покрывались снегом, а по углам наледями. Одежда на заключенных рваная, ветхая. Лежали на полу, в угольной пыли, живые вместе с мертвыми. Он остался жив потому, что его земляк, умирая, дал свою телогрейку. Прибывших помещали в недостроенные бараки, без отопления, по 180-200 человек в отделении, с нормальной вместимостью - 45-50 человек. Мертвых сложили вниз, а на них умирающих. Так - рядами. Со стен бараков текла вода, на полу сырость и никакого медицинского обслуживания. Питанием было триста грамм хлеба в день, воду выдавали нерегулярно. На его счастье, в команде конвоиров оказался сослуживец по первой мировой войне, помог выжить и освободиться. Василий говорил, что много там погибло осужденных. Условий никаких. Люди умирали, как мухи в мороз. Главное, что это считалось властями нормой. Пропаганда кричит, что всё делается во имя человека, и в то же время уничтожает этого человека. Отцу рассказывали, что страну наводнили секретные агенты - сексоты, которые прислушиваются к разговорам в людных местах, в душевных беседах провоцируют говорить против власти, а сами доносят на излишне говорливых. «Воронки» перевозят тех в тюрьмы. Там долго не держат, знают, что они не враги - а плотники, слесари, пахари. Такие нужны для «трудовой армии», где искупают «вину» с киркой в руках и язык не распускают. «Почему власти так ненавидят единоличника, кулаком называют? За что гонения на честных людей? Ты до сих пор не понял, ночами думаешь. А ведь всё просто! Во всем мире правят люди, добившиеся уважения трудом и умом. Там ценят трудолюбие, а если к нему добавляется ум, то почтительно называют «мастером» и снимают шляпу. У нас правят проходимцы. Поначалу, когда взяли власть, позволялась видимость демократии, допускали в органы власти представителей других партий, но в начале 20-х годов большевики дискредитировали все другие политические движения, демократия в стране стала невозможной. Вся власть сосредоточилась в руках генерального секретаря. После смерти В.И. Ленина им стал Сталин, который, отстранив от руководства проверенных временем старых большевиков, сосредоточил всю власть в своих руках. Он исключил из партийных рядов вождей оппозиции Л.Д. Троцкого, Г.Е. Зиновьева, Л.Б. Каменева и их сторонников, а затем уничтожил их. К концу 30-х годов заменилась выдвиженцами генсека и старая гвардия. Она выполнила отведенную ей роль. В гонке за обладанием личной властью были уничтожены С.М. Киров, Н.И. Бухарин и многие другие видные политические и общественные государственные деятели. Каждую ночь «воронки» увозят видных людей. Идёт схватка между добром и злом. В народе плодят страх и используют для этого самые низменные качества народа - зависть, жадность, мелочность, невежество, доносительство. Людей лишают самостоятельности, возможности проявить природные таланты, а взамен обещают изобилие. Ты сам видишь, что умные люди долго в руководстве не задерживаются, их меняют на крикунов, спешащих выполнить директиву власти любой ценой, и никому нет дела до результативности их работы. Народ наш, сынок, по-детски доверчив и забывчив. Всю жизнь духовность в людях воспитывала церковь, в неё приходили для приобщения к «великим тайнам», а теперь растаскивают по амбарам церковную утварь, а самые умные, по ночам, чтобы днем не отняли завистники, тащат

домой от неё кирпичи. Доносчики тайком шепчут сексотам о недостатках соседей, чтобы тех сгноили в лагерях».

Как в воду глядел Василий Ларионович: из-за нервного напряжения и тяжких дум болезнь уже поселилась в Даниле и постепенно отнимала силы. Он храбрился, ухаживал за лошадьми. Побывав у доктора - во Ржеве Данила приехал домой готовиться к смерти. В мае 1937 года, в возрасте 76 лет не выдержало сердце у Василия, ушёл он в царство теней, искать Мавру. Не на много пережил его Данила, умер в сентябре того же года. Они могли бы порадеть о благе своего края, своей деревни, могли работать и руководить. Это были хозяева, а власти нужны были слепо следовавшие указаниям сверху.

СВАТЫ

В начале ноября в Данилов дом постучались. Мать открыла дверь: на пороге стояли сваты из соседней деревни Прудня – Тихон Прокопович и Надежда Прокопьевна. Это они встречали свадебный поезд при женитьбе Данилы. С ними их сестра, уроженка деревни Борки, Ефросинья. Отец их Прокоп с братом Терехом жили на хуторе Качны, что вблизи теперешнего поселка Южный. Пришли сватать дочь Данилы – Матрёну. Шел ей тогда 20-ый год. Русоволосая, круглолицая, плотного телосложения, лицом похожая на мать свою Лизавету, расторопная и хозяйственная, она была видной невестой в округе. Сватали за Григория – сына Тихона Прокопьевича и Анастасии Прокопьевны. Среднего роста, худощавый, работал он в Горках в сельсовете. Закончил 7 классов Горкинской школы. По тем временам грамотный человек. Семья невесты недавно похоронила отца, потому долгих переговоров не велось. С её стороны за столом была мать, Елизавета Федоровна, и брат деда Василия – Шмырев Иван Илларионович. Невеста тяжело переживала смерть отца. Договорились справить в январе месяце скромную свадьбу. Денег для молодых сваты запросили одну тысячу рублей, но у Елизаветы Федоровны оказалось только пять сотен. За невестой были бельё и посуда. Родня жениха довольна была согласием невесты, ибо Григорий приказал принести это самое согласие на любых условиях. После свадьбы жить договорились у свекрови, пока под жильё не приспособят существующий амбар. На краю деревни шли работы. Сооружали фундамент под амбар. В землю закапывали обожжённые на костре обрезки толстых еловых бревен. Между ними укладывали еловые чурки на глиняно-песчаной смеси, с добавлением льняной костры, чтобы меньше промерзало. Работали брат Матрены – Владимир и брат мужа Василий. Жилище получилось небольшое, из тонких бревен. На сильном ветру оно дрожало, как осиновый лист и казалось, что взлетит, как парус. Из такого же леса собрали и хлев. Тепла ни изба, ни хлев не держали. Зимой, в морозы, в доме было тепло, когда топилась печь. В хлеву навоз замерзал. Под огород перед домом отмерили участок в сорок соток на тяжелой подзолистой почве. Частые дожди заливали его, и скудный урожай, который давала земля, вымокал. В конце 1938 года родился первенец – сын Анатолий. Муж работал в сельсовете, а хозяйка ухаживала за ребёнком и присматривала за поросёнком и нетелью. Хорошо, что свекровь помогала сеном. К весне пришёл бригадир и потребовал выходить на работу. На «няньки» определили двоих десятилетних подростков: брата Матрены - Василия и брата мужа - Павла. С весны до осени они его «нянчили». Всякое было. Голодный, плакал он постоянно. Плакали и няньки и сбегали неоднократно.

В начале 1940 года призвали в армию Владимира. Направили на Балтийский флот. Служил в Кронштадте, на корабле коком.

В неполных 16 лет встретил войну Александр, а в 1942 году, прибавив год, отправился на фронт под Великие Луки, где и погиб, в одном бою с Александром Матросовым, под деревней Чёрнушка. Семнадцатилетнюю Марию призвали в школу ФЗО, где она получила профессию токаря и всю войну проработала на оборонном заводе. Муж Матрены - Григорий перед войной устроился на железную дорогу мастером по

ремонт путей. Оттуда и призвали его в железнодорожные войска и звание присвоили – младший лейтенант. После освобождения района направили восстанавливать железнодорожные пути. В годы войны и после неё партия поручала ему возглавлять колхоз. Нелегкая доля досталась народу. В полной мере его судьбу разделила семья Румянцевых.

В июне 1945 года у Матрены и Григория родились близнецы: Иван и Николай. Николай простудился и вскоре умер, а Ивану повезло – остался жить. По прошествии многих лет самым приятным воспоминанием о раннем детстве у него были материнские руки, которые ласково гладили его голову. Они были добрыми и тёплыми, но почему-то иногда царапались. Сквозь пелену времени всплывают воспоминания о мерном покачивании кровати, закрепленной на длинной жерди под потолком, охватывающий розовой пеленой сон. Словно живой, стоит перед глазами отец, протягивающий скибку замёрзшего, пропитанного чесноком хлеба с долькой сала. Наслаждением были оладьи из обваленных в муке картофелин, принесенных братом с только что освобожденного от снега поля, где по осени копали картошку. Мороженая, но не успевшая забродить, она была сладковатая на вкус и необычайно ароматная. Изредка встречались и большие не тронутые морозом, их пекли на углях в топке печи. Кожура запекалась и превращалась в хрустящий розовый панцирь. Осторожно надкусывая ее, Иван ощущал неповторимый терпкий аромат. Запомнилось, как мать принесла от свекрови большую картофелину и положила на стол. Маленький Иван с нескрываемой надеждой смотрел на неё, ожидая, когда мать положит в чугунок, и заметил, что большая чёрная кошка Манька тоже поглядывает в ту сторону. На мгновение их глаза встретились. Иван соскочил с табурета и, протянув руки, бросился к столу, но Манька опередила, одним прыжком преодолела более двух метров и, вонзив в неё острые зубы, спрыгнула на пол. Оглядываясь и урча, с громким хрустом уничтожила её. Это было уроком. Начинающий жить человек понял, что никогда нельзя медлить, нужно опережать события, предугадывать их.

ХРОМОЙ ЕФИМ

Какие бы приключения и происходили, но жизнь продолжалась. В деревнях появлялись новые колесные трактора с надписью на капоте – ХТЗ. Каждый заменял шесть лошадей и пахал без «перекура». Несмотря на это, шла скрытая, но не менее ожесточённая борьба. Люди, привыкшие к безделью, придумывали всякие небылицы, чтобы опорочить власть Советов. Новую власть ругали те люди, которые распродали свои наделы, пьянствовали, а потому ходили оборванные и голодные. Они завидовали всем. Если семья работала на своем наделе, они говорили, что завистливые, угрожают себя на работе. Когда же в той семье ощущался зажиток, достаток, они говорили, что люди эти очень жадные, у них зимой снега не выпросишь. Когда съедали последнее зернышко, шли к тому же «трудоголику» и, преодолевая неприязнь, просили полмеры зерна, чтобы дети не опухли от голода. Тогда, как и раньше, в деревне шла скрытая борьба не богатых и бедных, а людских психологий. В мире многие государства давно нашли выход из такого лабиринта, а Россия до сих пор на перепутье, а пора бы найти свою дорогу. В 1924 году умер Владимир Ильич Ленин. Без сомнения, гениальный человек. Умом и хитростью он построил государство с непотопляемой организованностью и идеологией, рассчитанной на его интеллект. Только один он мог добиться принятия решений, нужных в каждой конкретной ситуации. В начале двадцатых годов понял он, что не дорос народ до коллективной собственности, а потому ввёл новую экономическую политику, предрекая ей неопределенно долгое существование. Страна расцвела. Одного не учёл, что всякий смертный может умереть. Умер и он. Его заменили тоже коммунисты, но с другими мозгами. Они стали ломать народ. К чему это привело, увидели через семьдесят лет.

После смерти вождя, в 1924 году, в Козино вернулся хромым Ефим. Служил он у Буденного. В боях получил ранение, лечился в госпиталях. Пока воевал, его престарелые родители от бескормицы умерли. Он остался круглым сиротой. Прямо с дороги навестил родителей, подправил могилы, прополос сорняки и пришёл в свою, продуваемую ветром, избу. Жители деревни жалели его. Была у Ефима страсть – любил играть на гармонике «двадцать пять на двадцать пять». К нему приходили посидеть, порассуждать, что делать, как дальше жить. Советовали научиться ремеслу. Но какому? Физически работать не мог – ранение. Выходом было портняжничество. Тогда многие мастера работали на дому, за еду. В то время по деревням бродил Ефим Лившиц, портной. На тележке возил он машинку швейную. Шил и реставрировал. Зашел он к герою Гражданской войны, попросился на житьё. Хозяин согласился. Дела пошли. О том прослышали жители соседних деревень, приходили с заказами. Хромым Ефим был смекалист, на лету схватывал, что видел у Ефима – портного. За два года поднаучился ремонтировать и перелицовывать пиджаки, брюки и другую одежду. За четыре года научился шить сапоги, подшивать валенки. В 1925 году попросившаяся переночевать нищенка внезапно занемогла. Лечила её знахарка из деревни Козино – Елизавета Федоровна. За две недели она поправилась. Её «доктор» рассказала Ефиму хромому, что у больной слабые лёгкие и ей нельзя выходить из дома. К тому времени Ефим – портной прожил в Козино пять лет, поднакопив денег, решил идти домой. В качестве оплаты за проживание оставил свою швейную машинку. Фёкла выздоровела и попросила Ефима оставить её жить у него – привыкла. Поначалу жили гражданским браком, а когда родился сын, зарегистрировали брак. Выделили им участок под огород. Жизнь в деревне оставалась тяжёлой. Ходило много нищих. Ранней весной, как только в лесных делянках и по пустошам солнце съедало покров снега, земля обнажалась и под яркими солнечными лучами оттаивала, проявляли небывалую активность лесники. Им нужно было в короткий срок, пока почва не пересохла, заготовить посадочный материал, обычно это был самосев. Этим занималась лесная охрана. Она же подыскивала людей для посадки ёлочек в деревнях, школах, в рабочих коллективах. В то время транспортом являлись лошади с повозками, а в основном рассчитывали на пешие переходы. Технология посадки лесокultur проста, но требует навыка. Для посадки одно – двухлетнего возраста ёлочек использовали заострённый клин, полукруглый с тыльной стороны и с перекалиной сверху, «Меч Колесова». Им пробивали во влажной земле отверстия и помещали туда корневую систему саженца. Сажали в основном у корневых лап пня или на неудобьях. Оплата этой работы была божеской, потому люди охотно помогали лесникам. В то время люди были плохо одеты, оборваны. Все, кто имел возможность, на «кроснах» ткали холстины. Многие сеяли лен, обрабатывали его. Льняная ткань шла на исподнее бельё, а некоторые, подкрасив ольхой, использовали на верхнюю одежду. Кто мог, держал овец. Чесали шерсть, пряли её, ткали полотна. Они шли на костюмы, жакеты, пальто. Обувались почти все в лапти. В морозы ноги обертывались сукном. Люди, имевшие валенки, считались зажиточными. Ефим с Фёклой всегда были веселы, не унывали. Водки не пили. Купили телогрейки, корову, овец, поросенка. Ефим вечерами играл на гармошке, гости пели. Для освещения пользовались лучинами.

В деревне Горки Смольниковского сельсовета работала школа рабочей молодежи. Там все желающие учились читать, считать, писать. Лечиться приходили к Елизавете Федоровне. Жители двух приходов лечили у нее спину, живот и другие болезни. Помогала рождению ребенка. Укусы змей лечила заговорами. Заговаривала она грыжи. Делала относ – если заблудится в лесу скотина или человек. Перед закатом солнца она выходила на край деревни, брала кусок хлеба, шептала молитву, смотрела на заходящее солнце и, молясь, просила лесного хозяина смилостивиться, не обижать человека и скотину. После захода солнца, скотина выходила из леса, словно её выгоняли оттуда. Были в деревнях мужчины, которые запугивали зажиточных людей и вымогали у них ценности, глумились над ними. Люди терпели. Ловкачи считали, что новая власть создана,

чтобы они могли грабить односельчан, прикрываясь борьбой с кулаками. Несговорчивых хозяев били, грозили поджечь постройки, воровали у них скотину и перегоняли подальше от деревни. В то время в деревнях царил произвол.

Враг не дремлет

В августе 1939 года в Ленинградское ремесленное училище, учиться на токаря поступил Александр Андреевич Щербаков. Он закончил семь классов. Мечтой всех ребят было, поступить так – же как Александр. Потому все старались и в учебе и в работе в колхозе.

В июле 1939 года козинские ребята - шесть мальчиков и три девочки - шли в Нелидово по правому берегу реки Межа, по тропинке, продавать ягоды. Прошли Ульянино, стали подходить к плотине. Обычно после перехода они отдыхали на знакомой полянке в ста метрах от плотины, посреди горы, в зарослях ольхи и ельника. Удачно расположенная полянка позволяла рассматривать, что делается на плотине, а также виден был лесопильный завод, биржа сырья, бревнотаска и железнодорожный мост, который строил дед Василия. Привыкшие ходить по лесу неслышно, дети осторожно поднялись на поляну и увидели, что на старом, сухом сосновом пне, на полотенце, сидит женщина лет пятидесяти, в очках и белой панамке. На коленях чёрная, блестящая сумочка с листом бумаги на ней, в руках кисточка или карандаш. Детям непонятно было, зачем взрослая тётя забралась на гору, в кусты, рисовать. Они знали много других мест краше. Разом все рассмеялись. Женщина резко обернулась, как бы испугавшись, но справилась с собой. Тень испуга сошла с её лица. Она улыбнулась и проговорила: «идите, дети, идите, я еще посижу здесь». Василий сказал ей: «Это место наше. Мы всегда отдыхаем здесь, когда идём продавать ягоды». «Мне продадите?» - спросила она. Ребята ответили, что обещали принести своим постоянным покупателям, но ей, по горсти, каждый и так даст. «Может быть вы тимуровцы?», - спросила она. Все молчали. Женщина осмотрела ребят и сказала: « Вы такие заросшие, что дички. Вас и девушки не любят». Ей ответили, что нечем за стрижку платить. Она предложила постричь бесплатно. Не успели ребята сообразить, как самый маленький – Толя, по прозвищу «Адам», уселся на соседнем пне. Женщина вытащила из сумки ножницы, ручную машинку, щётку – метёлку. Пока дети смотрели, она постригла « Адама», потом другого, третьего... Постриженные сразу преобразались и выглядели гораздо лучше. Уселся Василий, и его постригли. Он высыпал на тетрадный лист горсть черники. Парикмахер усмехнулась и сказала «мерси». Постригла она и девочек. Все положили на тетрадный лист по горсти черники. В тот день все быстро распродали ягодные лукошки, сошлись у хлебного магазина. У торговавшего поблизости старого рыжего еврея купили по стаканчику мороженого. Оно было очень вкусно. Глядя, с каким удовольствием дети поглощали мороженое, все говорили, что оно вкуснее Маслопромовского, ибо Молокозавод недокладывает в него сливок и сахара, а еврей боится. Ребята дождались, когда привезут хлеб, стали в свою очередь, купили по три буханки тёплого, ноздрястого, пахнущего дрожжами хлеба каждая по два килограмма и пошли домой старой дорогой. Зашли на свою поляну, подошли к рабочему месту парикмахера и не увидели своих длинных выгоревших на солнце волос. Они лежали немного в стороне, накрытые листом лопуха. Рядом, под кустом, увидели дети и свою чернику. Все обиделись. Они от чистого сердца подарили ей ягоды, чтобы порадовать, а она не прикоснулась к ним. Через три дня друзья, нагруженные хлебом, снова возвращались в Козино. Дорогой недавно переехавший в их деревню Вася Семенов рассказывал, что вчера он навещал тетку в Нелидове. У неё обедал сын её, из какой то важной конторы и расспрашивал, кто мальчика так красиво подстриг. Раньше был лохматый, а теперь красавец! Вася рассказал ему, что всей компанией наткнулись они на женщину на поляне, посреди горы, и она предложила их постричь. Вспомнил Вася, она говорила, что работает парикмахером, а на поляну приходит во время обеда. Тёткин сын

выслушал и попросил показать, где её видели. Вася взвалил на спину буханки хлеба, и они пошли. Двоюродный брат – Костя – все осмотрел, обратил внимание, что в полуметре от того пня, сквозь просвет в ветвях, открывался обзор железнодорожного моста МПС, по которому часто проходили поезда. Справа, на берегу реки Межа, лесопильный завод, за ним станция Нелидово, слева и справа раскинулся посёлок. Через него проходили дороги на Москву, Смоленск, Новгород. Рядом, под горой, шумела плотина. Она обеспечивала работу лесозавода, изготавливающего необходимый стране пиломатериал. С поляны было видно всё, а наблюдателя никто не видал.

Шло время. Ребята работали в колхозе, гоняли в ночное лошадей, сторожили поля. В лесу созревали ягоды, которые носили на продажу. Головы пацанов успели подрасти. Однажды, когда взрослые были на работе, в деревню приехали два молодых человека. Один - брат Василия, в белой рубашке и светлом костюме, другой - в защитном костюме, с эмблемами особиста. Василий доложил, что родителей нет дома. Они на работе. Приезжие ответили, что они и не нужны. «Мы к тебе и твоим друзьям». «Все на реке, купаются», - ответил Василий. «Идём к ним», - предложили гости. Вася посоветовал ехать по лугу. Ему предложили расположиться рядом с водителем и показывать дорогу. Чётко и коротко Василий отдавал команды: развернуться, ехать по дороге до моста через ручей Блодинец, повернуть направо, на луг. Берегом, по траве подъехать к песочку – ребячьему пляжу. Васин брат и военный разделись и по мальчишески брызгались у берега. Провожатый пошёл искать одежду ребят. Она лежала на песке, рядом с ивняком. Пока Вася с гостями купались, подошли его друзья. У каждого в руках рубашки с завязанными рукавами, наполненные горохом. Все оторопели, увидав гостей, переплыли реку и стали одеваться. Гости искупались, обсохли под солнцем, пригласили ребят поговорить. Когда все уселись, военный улыбнулся и показал фотографии. Все смотрели на них и молчали, никто не признал на них своей знакомой. После долгих поисков военный протянул ребятам ещё одну. На ней улыбалась их старая знакомая. «Она?»,- спросил «служивый».- «Она, она,- закричали ребята. «Не ошибаетесь?» «Нет, кому угодно скажем – она». «Глядите, дело, очень, серьёзное. Прочитайте протокол опознания и подпишите его». Каждый прочитал, написал свою фамилию и расписался. У машины, прощаясь, молодой человек в форме сказал – может быть, скоро встретимся. Заработал мотор, машина побежала по старому следу.

Жизнь продолжалась. Однажды, когда ребята собирались на луг собирать траву, послышался гул тяжёлого самолета, шедшего на небольшой высоте. Как по команде, ребята высыпали на улицу, увидали, что на небольшой высоте идут самолеты. Впереди - четырёхмоторный самолёт, с ярко - жёлтыми крыльями. Отчетливо видны были большие круглые окна. На крыльях и хвосте чернели крупные кресты. Поодаль - двенадцать чёрных, одномоторных, с белыми крестами на крыльях, которые, видимо, охраняли ведущий самолет. Глухо урча, иноземцы прошли над деревней в сторону Москвы. Через неделю, Лёшка «Бес», колхозный бригадир, который любил читать газеты, рассказывал, что в Москву летал министр иностранных дел Германии – Риббентроп. Мужики решили: если в гости летают, войны не будет. Можно жить спокойно. Пророчество сбылось. Дня через три, «Бес» читал на скамейке, в окружении мужиков, что СССР и Германия заключили пакт о ненападении. Люди радовались, радостно смеялись. Находились такие, что говорили: коммунисты и нацисты - непримиримые враги, рано или поздно они схватятся не на жизнь, а на смерть. Просили у Бога сил одолеть фашистскую саранчу, как стихийное бедствие. Так же думал и говорил участник гражданской войны, коммунист Дмитрий Копылов, сельский труженик, не занимавший никакой должности, честно трудившийся в колхозе наравне с односельчанами. За то его и уважали.

Ближе к осени, небо над деревней Козино почернело. Свинцовые тучи наглухо закрыли солнце, на землю опустилась сумрачная ночь. Ветер крепчал. Вспышки молний освещали землю. Люди спешно закрывали форточки и оконные ставни. Всю ночь грохотала гроза. Ветер ломал деревья, срывал крыши с сараев и жилых построек. Затихло

под утро. Рассвет сделал очевидными результаты ночной работы непонятной силы: в лесу оказалось много бурелома. Воздушная круговерть уложила в правильные спирали участки леса, много сосняка поломала, а некоторые деревья «искусно» выкрутила из земли и уложила рядом с местом их «проживания». Прошлась природная напасть и по деревенским полям. Разметала стога с сеном, уложила на землю и скрутила в жгуты несжатое жнивье. На самом высоком здании в округе – Иоткинской церкви разворотило крышу, сорвало кресты. Через два дня их нашли в четырех верстах. На службе в Иоткинской церкви, настоятель Дмитрий Шоптовский умолял прихожан опомниться: «Господь делает знамение – даёт понять, что мы заблудились и будем жестоко наказаны». После проповеди многие говорили, что некоторые потеряли совесть, ленивы, пьют «сивуху», к выполнению своих обязанностей относятся небрежно: косят и жнут нечисто. Колхозное молоко, после дойки, воруют и несут домой. Взамен доливают воду. Двадцать первого августа 1939 года собравшиеся у бригадира колхозники попросили его прочесть последние новости о деятельности районного совета депутатов трудящихся. Бригадир отыскал газету и начал читать: «Нелидовский районный совет депутатов трудящихся, учитывая просьбы и сообщения трудящихся о недобросовестном отношении служителей церкви к нуждам народа, на своем заседании постановил: Нелидовскую Церковь, в деревне Иоткино, двадцать первого августа 1939 года закрыть. Служителей церкви, за ненадобностью, уволить. Здание церкви разобрать на кирпичи, которые использовать для фундаментов и стен конторы «Селижаровоуголь». Оставшийся от разборки щебень и, «кирпичный бой», использовать при ремонте дороги на город Белый, у деревни Иоткино. На разборку церкви и перенос церковного кладбища на городское кладбище, на «Пятницу», отпустить двадцать тысяч рублей. Ответственность за выполнение указанных работ возложить на заведующего Нелидовским горкомхозом товарища Борковича».

Председатель РИК: Коровкин

Секретарь РИК: Есельсон

Во время чтения никто не проронил ни слова. Все разошлись по домам. Лешка «Бес», обращаясь к бригадиру, сказал: «Давно пора, от неё один вред!» Тот ничего не ответил «Бесу», словно не слышал. На завтра, неся на продажу молоко, ребята завернули в Иоткино посмотреть на восстановленную и снова обречённую на разрушение церковь. Там случайно подслушали, как Баркевич торговался с отцом и сыном Корольковыми о стоимости снятия крестов и разборки крытых железом куполов. Корольковы просили две тысячи рублей, а Баркевич дал им тысячу. Продав молоко и нагрузившись хлебом, ребята возвращались домой и подошли к церкви. Там, в пыли, шла интенсивная работа. Прикрываясь постановлением районного совета депутатов трудящихся, особо верующие и богомольные тащили по домам церковное имущество: ризы, кресты и иконы, которые в их хозяйстве и для «духовности», точно, не пригодятся. Однако их рвение было вознаграждено – успели, опередили других. Неважно, что у людей Бога украли. Говорят же, что его нет! Свобода вора, счастье. Другие богомольцы, более практичные, несли окна, стекла, двери, кирпич (когда-нибудь и на что-нибудь сгодится) Через неделю на месте церкви желтел песочек из реки Межа, в счет выделенных двадцати тысяч рублей.

Отслужившая людям больше века, построенная трудом прародителей этих же крестьян, на деньги просвещённых людей того времени, церковь стала ненужной. В деревнях участились ссоры в семьях и между соседями, начался период разрушения прежнего уклада жизни. Конца распряма не видно. Продолжаются они и теперь, хотя с тех пор прошло более семидесяти лет. По земле идёт первое десятилетие 21 века. Можно сравнить его с таким же периодом 20 века. Заметна разница во взаимоотношениях простых людей друг с другом. Сто лет назад козинцы доверяли друг другу. Люди верили слову. Развито было чувство взаимопомощи. При необходимости помогали без

напоминаний. Сегодня редко кто даст в долг, поможет в трудной ситуации. Многие знакомые, даже родственники будут рады неудаче в делах ближнего, его горю. Характерно, что время не приносит людям доброты. В их характерах заметно прибавляется волчьих черт.

Ребята из деревни Козино готовились к четвертому классу Нелидовской общеобразовательной школы, к ежедневным переходам около пяти километров в одну сторону. Это никого не пугало. Настроение было приподнятое. Деревенская жизнь текла по давно проторённому руслу. Допризывники собирались в школе, где устраивались танцы. В сельский клуб однажды пришли молодые ребята из Богдановского фанерного завода, а с ними отпускник старший лейтенант, лётчик. Он участвовал в драке. Его убили Алексей Дворников и Дмитрий Ершов – борковцы. Их судили, упрятали в тюрьму на пять лет. Старшего брата Василия Румянцева, Владимира призвали в морской флот на пять лет службы. В Козино, отец с сыном, Хрисанковы били кольями колхозницу Шмырёву Александру Ларионовну, а топором поранили ей голову. За мать вступился сын её Федор. Он одолел обидчиков, Ивану Хрисанкову помог умереть. Судили его в Нелидове. Суд усмотрел за подсудимым превышение обороны, присудил ему пять лет валить лес в Коми ССР. (Чем он всю войну и занимался, зато жив остался.) Первого сентября Василий с пятерыми земляками шёл в четвертый класс. День был погожий, солнечный, тёплый. Ребята шагали бодро, время от времени пели песни. Их наполняла гордость, что они нужны стране, в них верят, их приняли в лучшую школу. Проходя по андрейзенской аллее, Василий вспоминал рассказы своей матери, как «создавали» эту аллею. Он гордился, что хоть деда и нет, но красота, которую он помогал создавать, живёт. После организационного часа класс пригласили в спортзал. Там на скамейках была вся школа. Для освещения первого вопроса за стол президиума пригласили всю команду: Румянцева Василия, Горелова Александра, Богданова Владимира, Щербакова Анатолия, Боселову Марию, Щербакову Марию. Директор доложила, что этих учеников по решению совета пионерской дружины школы досрочно приняли в пионерскую дружину четвертого «А» класса. Сегодня здесь им вручаются Ленинские знаки отличия – красные галстуки и значки пионера – ленинца. Под дружные аплодисменты всем шестерым повязали красные галстуки и приколотили ленинские значки. Ребята были смущены вниманием к себе, их лица не отличались от повязанных галстуков. Когда зал затих, директор сказала: «Теперь разрешите мне предоставить слово уполномоченному «ГПУ» по Нелидовскому району, товарищу Воину Александру Сергеевичу. К столу подошёл военный, который приезжал к ребятам в Козино и там после купания, показывал фотографии для опознания. Он отметил, что враги не дремлют, ищут каждую щель, каждую возможность для разрушения нашей счастливой жизни. «Товарищи! Будьте бдительны. Берите пример с этих ребят». Подняв кулак, он воскликнул: «К борьбе за дело Ленина, Сталина, Коммунистической партии будьте готовы!» Весь зал в один голос выдохнул: «Всегда готовы!» Оркестр играл «Интернационал», революционные песни. Детей поздравили с началом нового учебного года и распустили по домам. Домой следопыты не шли, а летели, окрылённые вниманием. В том году проходила военная игра между работниками нелидовских предприятий и Богдановским фанерным заводом. Все было очень интересно. Учебный год пролетел быстро. Летом помогали родителям в колхозе. Колхоз богател. Стоимость трудодня росла. Люди берегли колхозное, как своё. Праздники отмечали всей деревней. Но не было наличных денег, чтобы купить товары. Основной обувью были лапти и изредка резиновые сапоги. Одежду шили сами. Продукты питания тоже своего производства.

Прошла зима 1940 – 1941 годов. В конце мая 1941 года на трехмесячные воинские сборы призвали мужчин пяти возрастов. Из деревни Козино - девять человек, из колхоза - двадцать один; провели посевную, посадили картофель, готовились к сенокосу.

Начало войны

Двадцать второго июня 1941 года в колхоз на взмыленной лошади прискакал работник военкомата. Он на скорую руку собрал собрание и рассказал, что фашистская Германия без объявления войны напала на СССР. Её войска перешли границу. Идут ожесточённые бои. Он потребовал арестовывать людей, распускающих панические слухи, и доставлять их в милицию. Раздал повестки: явиться двадцать третьего июня в военкомат, для отправки в действующую армию. При себе иметь вещевой мешок, ложку, кружку, котелок, запас продовольствия на трое суток. Затопились бани. Будущие солдаты смывали грехи мирной жизни, чтобы на фронт уйти «чистыми». Деревня замерла. На улице никого. Пастух разогнал по дворам животных. Опустились сумерки. То там, то здесь слышался женский протяжный плач и вскоре затихал. Утром стадо выгнали на пастбище. Часа через два у дома бригадира собрались мобилизованные - пятнадцать мужиков. Надежда колхоза. Они были одеты в поношенную одежду, с «сидорами» за плечами. Вся деревня провожала их до околицы. Распрощались, помахали вслед руками и, смахивая слезы, наклонив головы, пошли по домам. Через час призванные уже были в военкомате. Там людское море и движение, словно в муравейнике. Беспреданно снуют служащие военкомата, неутомимо пишут писаря. Особняком - медработники. К ним нескончаемый поток. Медкомиссии никто не отменял, ибо военная мясорубка требовала постоянного пополнения. Женщин дальше ограды не пускали. Одна молодая, размазывая по лицу слёзы, кричала: «Миша, если тебя убьют, можно я выйду замуж за Сергея?». Муж выругался и разрешил приглашать мужчину прямо сейчас, не ожидая его смерти. Подошёл высокий мужчина и громко кричит: «Открывайте смертные ворота. Мы пришли!» Проводили ребята козинцев до ограды, помахали им рукой и потеряли из виду в колеблющемся лесу из человеческих голов. Работники военкомата сформировали команды по пятьдесят – сто человек и под командой офицеров запаса, вели к вокзалу. Из Смольниковского сельсовета все определены были в одну команду. Их повели на посадку. Вскоре подали состав из сорока «телятников», остановили у вокзала. Сопровождающий нелидовцев, «запасник» со шпалой на поношенном пиджаке, подошёл к начальнику воинского эшелона, тоже со шпалой, но в военном обмундировании. Они поприветствовали друг друга, поговорили. Сопровождающий дал команду роте: «Справа, по одному, в первый и второй вагоны на посадку шагом марш!» Народ задвигался, вскоре вся смольниковская рать разместилась в вагоне. Оборвалась последняя нить, связывающая их с гражданской жизнью. В паровоз набрали воды. Машинист дал протяжный гудок. Начальник эшелона дал команду: «От вагонов!» Паровоз дёрнул состав несколько раз, тяжело засопел и пыхтя клубами дыма, стал медленно набирать скорость. Находящийся в числе других провожающих Василий увидел в открытых дверях медленно уплывающего второго вагона беседующих Митю Копылова и Лешку «Беса». Проводив эшелон с новобранцами, провожающие разошлись по своим деревням. Оставшиеся без мужей, многие жены весь день проплакали. Глядя на них, плакали и их дети. Утром, едва управились по дому, пришел бригадир дед Тимофей, звать на собрание по выборам председателя колхоза. «Кворума» не набиралось. Согласились с председателем сельсовета, что исполнять обязанности нужно предложить Никитину Филе из деревни Дулево. Время покажет, годен ли. Вторым вопросом было начало сенокоса. Решили немедленно приступить к делу. Наладили косы, сенокосилки, грабли, вилы; работа пошла. Косили все - старики и дети. Вскоре пришло новое распоряжение - собрать собрание и выбрать нового председателя. Районные власти рекомендовали героя гражданской войны козинского портного – «хромого Ефима». Через три дня из сельсовета пришёл приказ: лошадей и коров отправить часть в отгон, в Красный холм, часть в армию. (Шестьдесят лошадей, восемьдесят коров, сто двадцать овец) Овец сдать в счет поставки мяса в армию. Пока была хорошая погода, школьники сушили сено и укладывали его в копны. Командовал ими бригадир, учил, как складывать большие копны. После уборки сена жали зерновые все, кто мог. Мальчишки и девчонки, без привычки, резали серпом пальцы.

Пожилые крестьянки, бабушки, шли за жнецами и вязали снопы. Их свозили в ригу на трёх повозках. После уборки - молотьба. Потом - лён.

Прошла неделя войны. Немцы наступали на Минск. От деревни Козино он был в четырехстах километрах. Колхозники боялись быстрого наступления немцев. По Нелидову патрулировали добровольцы – бойцы истребительного батальона. Это были комсомольцы, не достигшие возраста призыва. На Лукинском мху немцы высадили десант. Их количество не было известно, но паника была ужасной. Функционировали слухи, что диверсанты заброшены и в Нелидовский район. В двадцатых числах июля козинские ребята шли продавать молоко, у плотины встретили красноармейцев, поговорили с ними. Когда на завтра снова были в Нелидове, узнали, что на плотине был бой. Диверсанты хотели взорвать её. Засада помешала, встретила их огнём. Многие погибли. Утром со стороны Земцов послышался гул самолетов. Шли на Нелидово, звеньями по десять – двенадцать, тяжелые, двухмоторные, с желтыми крыльями. Навстречу им шло шесть – семь наших истребителей. Они стреляли по врагу из пушек и пулемётов. Два самолета сбили, другие, отстреливаясь, повернули назад. Над дорогой на город Белый летели советские истребители - помешать бомбить советские автомашины, идущие в сторону города Белый. В деревне Козино выступал военный лектор с докладом о ходе войны. Он говорил, что здесь, немцы наступают. Ведутся бои за Смоленск, а наши войска с юга через Румынию подходят к Берлину. По причине отсутствия у врага бензина, война скоро закончится.

Перед оккупацией пришёл взвод саперов минировать дороги. Поставили мины у моста в Блодинце и у деревни Дулево, у местечка Каменистик. Василий попал под бомбёжку. Охотился за ним «Юнкерс – 88». Когда он выбился из сил от «танцев» на лугу, шлёпнулся в глубокую канаву и там переждал напасть. Первого сентября пошли в школу, в пятый класс. Днём немцы бомбили санитарный эшелон. После занятий классный руководитель сказала, что до её распоряжения в школу приходить не нужно. Деревенским посоветовала - домой идти лесом, на открытое место не выходить. Немцы на самолетах охотятся за людьми. Тогда через Нелидово на Москву шли в эвакуацию латыши. В газетах сообщалось об оставленных городах. Фронт приближался. Сдали Великие Луки, Торопец. По распоряжению городских властей седьмые – десятые классы определили в истребительный батальон: следить за порядком, помогать вылавливать диверсантов, охранять дороги и мосты.

После высадки немецкого десанта на Лукинском мху усилили истребительный батальон, дополнительно мобилизовав в него людей, приняв много добровольцев. Они взяли под охрану участок железной дороги Нелидово – Земцы, большак Нелидово – Белый, дорогу Белый – Жарки – Земцы. За три – четыре дня диверсанты были уничтожены, частью взяты в плен. В Нелидово привезли большие трофеи. Дети охраняли колхозные строения, патрулировали дороги, докладывали о новых людях в сельсовет. Жители посёлка рыли противотанковые рвы, рубили засеки. Пришёл приказ срочно отступать на город Осташков. На каждую семью выделили пару лошадей и повозок. Обоз отъехал не более трех километров и вернулся обратно. Объяснили, что в поселке Западная Двина, во встречном бою, наши войска разбили немцев, закрепились на рубеже Старая Торопа – Западная Двина. Колхозы продолжали уборку и молотьбу. Участились налёты вражеской авиации на железную дорогу и большаки. В начале октября в Козино пришло отделение под руководством лейтенанта, который приказал эвакуироваться. Козинцы объяснили командиру, что кругом большой лес, там и будут они жить. Деревню сжигать не нужно, будет куда вернуться после освобождения. Так и порешили. После обеда снарядили обоз для переселения на лоно природы. В повозки уложили всё, что можно было увезти: одежду, инструмент, зерно, соленья. На телеги посадили малых да старых, тронулись в путь.

Впереди шёл дозорный – бывалый охотник, который места лесные знал назубок. Он вёл односельчан по старой, заросшей дороге. Там, недалеко от реки Тросна, заметил

он песчаную возвышенность. Её – то и хотел он занять под «схрон». Кругом грибные и ягодные места. В реке рыба, деревня Тросно близко и партизаны невдалеке. У подножья возвышенности разлапистые ели, только по гребню – сосны. Между стволов – густой подрост. Краем, ближе к реке, проходила дорога. Бывший строитель Максим руководил работами. Лошадей завели в куртину гонкого жердняка, чтобы с воздуха не обнаружили. Сначала вниз по склону прорыли канаву, песчаный грунт из неё укладывали рядом, для будущей дороги. С правой стороны от неё копали бункер для нескольких семей, с водоотводом в придорожную канаву. Рядом укладывали грунт для засыпки крыши бункеров. Сверху их перекрывали брёвнами, которые подтаскивали из недорубленной лесосеки. Настил из брёвен покрыли мхом. Мох присыпали грунтом. Чтобы не проходила вода, укрыли еловой корой и берестой. Устроили кровати из хвои и мха. На ощупь перекусили и в изнеможении упали на ароматные постели. Это была ночь с 12 на 13 октября – первая ночь оккупации Нелидова. Назавтра планировали посетить Козино, привезти оставшиеся пожитки. Не успели запречь лошадей в телеги, а из деревни пришла невестка Данилы «злобного» и рассказала, что в деревне советских солдат нет. В Нелидове немцы, никого не трогают. Козинцы решили возвращаться домой. Через два часа они распрягали лошадей на своих подворьях, топили печи, готовили еду. Отступая, Красная армия сожгла поселок Нелидово и окрестные деревни. Были сожжены Нелидовка, Иоткино, Ульянино, Семики, Нивицы, Кривоносовка, Вышегоры. Остались домики на Пятнице, у плотины. Нелидовцы, что без крова, ушли к родне, по деревням. Некоторые выкопали землянки у сожжённых домов. Голодали. Выручала картошка. Спасло людей наступление советских войск. Так прошёл, самый тяжёлый, военный год. Восемнадцатого октября, к двенадцати дня в Козино приехали три человека. За кучера – Федька «Лунь». До войны он был тряпичником. Второй – немецкий солдат с винтовкой. Третий – высокий, толстый старик, хорошо говоривший на русском. Он осмотрел деревню, показал на дом Елизаветы Федоровны и сказал: «Собрание будет здесь через десять минут. Собрать жителей деревень Козино и Прудня».

Собрались через полчаса. Старик поздравил всех с освобождением от коммунистов. «Теперь у вас будет не колхоз, а десятидворок. Заплатите налог за свое освобождение, а остальное разделите меж собой. Если немцы будут просить, можете дать, а можете не давать». Предложил выбрать старосту на две деревни. Свою кандидатуру предложил Хрисанков Данила. Немец сказал: «Гут». Потом приходили немцы и забирали скот – нетелей у Румянцевых и Борисенковых.

Козинцы в разведке

Двое подростков, Румянцев и Горелов, и два деда, ветераны первой мировой войны, отправились на станцию в разведку. Стояли они на виду, у большака Смоленск – Нелидово, на росстанях, где начинался большак на Москву. Двое мальчишек в лаптях и два сгорбленных старика с клюками. Более полутора часов смотрели они на вражескую колонну, и никто не обращал на них никакого внимания. На громадных бортовых машинах ехала пехота в касках и в чёрных прорезиненных плащах. Вдоль бортов на скамейках сидели молодые, здоровые ребята, радовались счастью быть живыми, надеялись скоро приехать под Москву и, равносильно, как Париж или Варшаву, занять её. После этого стать властелинами мира. Так воспитала их нацистская пропаганда. Завоёванные народы будут стоять перед ними вот так, как стоят эти малые и старые туземцы, понурив головы и глотая слюну от голода. Потому и бросали в них огрызками яблок, ожидая, что они бросятся отнимать их друг у друга и гоготали во все горло. Однако, «туземцы» не двигались. Со следующей машины, такие же ребята доставали из большого ящика, что стоял посреди кузова, круглые и красные яблоки и опять бросали. «Туземцы» были безмолвны и неподвижны. Между колен, с примкнутыми штыками – ножами, стояли винтовки. Впереди, в левом углу кузова, на возвышении сидел солдат. На

груди у него висел рожок – горн, за поясом флажки: красный, белый, чёрный. За некоторыми грузовиками прицеплены были прицепы с бортами и крышами на стойках. Над брезентовыми крышами возвышались трубы. Они дымили на ходу. Солдат на марше, но еда ему готовилась по расписанию. Прогрохотали двадцать танков, потом мотоциклисты, велосипедисты. Лошади протащили орудия. За автомашинами, на дышлах тоже орудия с длинными стволами. Колонны шли вплотную. Большак невозможно было перейти.

Время от времени посматривала молодежь на ветеранов. Лица их мрачнели. Они восклицали: «Такую силищу не одолеть». Так и пошли домой, размахивая руками. Василий с другом пошли к школе, посмотреть, как там. Шли они навстречу двигающимся непрерывно колоннам. Появился небольшой разрыв. Перебежали большак, пошли по правой стороне. На деревянном мосту через реку Семиковка стояли три немца. Они размахивали флажками – направляли танки в обход моста, через брод. Вода заливала гусеницы. Танки ревели. Сбоку стоял похожий на танк громадный тягач для помощи увязшим в илистом грунте танкам. Дошли до вокзала. Он был разрушен. Деревянные дома около него сожжены. Рельсы вывернуты из шпал и покорежены. Были у школы. Она сгорела. Немцев там не встретили. У нефтебазы наткнулись на перевернутый вверх колесами пулемёт «Максим», поставили его на колеса. Он был заряжен лентой с патронами. Ребята задумались – хорошо бы пулемет притащить домой. Друзья суетились у пулемёта, пока не услышали голос. Обернулись – на них смотрел молодой парень в костюме и говорил: «Что вы делаете? Немцы увидят, сразу застрелят. Пулемет закопайте, потом возьмёте».

Парень тихонько свистнул. Ребята взглянули в сторону ложбинки, что метрах в пятидесяти от окопа, у которого они были. Там лежали два немца. В пяти метрах от них лежал наш солдат. Затвор его винтовки был открыт. Он не успел загнать патрон в патронник, пуля помешала ему. Приклад у шейки винтовки был переломан. Парень достал из кармана убитого солдата нераспечатанное письмо. У других наших солдат карманы были пусты, смертные медальоны из «пистонов» он достал. Перенесли его к другим и закопали. На дне окопа увидели круглый, солдатский котелок с картошкой в «мундирах» на дне, а на бруствере, на листьях лопуха, девять очищенных, полбуханки хлеба и щепотку соли. Парень предложил помянуть героев. Они не струсил, человек тридцать положили врагов. Козинцы поели, парень им уже нравился. Наконец, он рассказал, что учился в десятилетке. «А вы?» - спросил он. - Мы тоже начинали в пятом классе». «Откуда вы будете?» - Спросил он. Вася ответил: «Мы из деревни Козино». Парень воскликнул: «Мой друг тоже из Козино, вместе учились. Шурка Щербаков – хороший человек. Знаете такого? Как он там?» - «Знаем, ответили ребята. - Сейчас он в Ленинграде, на токаря учится, в ремесленном училище. Мы с ним собирались школу заканчивать и в лётное училище поступать. Давайте поскорее закроем могилу». Втроём закрыли тела плащ-палаткой и забросали землёй.

Парень ушёл, а ребята подошли к винтовке, дослали в ствол патрон, поправили приклад. Решили нести домой. Через дорогу, по которой ехали немцы, перейти решили с винтовкой спрятанной в трубу от буржуйки и положенной на плечо. Откуда немцы знают, что там винтовка? Василий положил трубу на плечо, ребята пошли к переезду, дождались, когда будет разрыв в колонне, и перешли дорогу. Через завод и деревянные мостики через реку Семиковку вышли к плотине. Там охраны не было. Лесом вышли в густой орешник, перед пруднянским полем. Дошли до выгона, перешли ручей, оставив слева конюшню, вошли в деревенскую улицу. Навстречу шёл Боселов Михаил – сын Василия, который привёз с военной службы, из Черниговщины, черноокою красавицу Татьяну. Михаил спросил ребят, что несут. Они ответили – винтовку. Страсть присвоить чужое взяла верх. Михаил попросил дать попользоваться. Патроны у меня есть, сказал он. Не дадите по добру – отниму. Пришлось уступить силе.

Подойдя к Блодинцу, решали, как будут объезжать заминированный мост, ведь назавтра матери дали наказ – ехать за солью в Нелидово. Выехали с рассветом. Матери немного проводили, постоянно поучая: как ехать, как разговаривать с немцами. Об этом ребята уже знали от Мишкиной матери, которому накануне отдали винтовку. Своим матерям они не рассказали про свой секрет, а зря. Жители деревни Прудня, Михаил и Николай, были старше их. Михаил на три года, а Николай на два. Их считали взрослыми. Проходя по улице, увидели Мишкину мать, Татьяну – австриячку. Она хорошо говорила по-немецки. Ребята спросили у неё, как говорить с немцами, если их остановят завтра, когда они поедут на лошадях за солью. Она наставляла: «Скажите – майн хаузе никс зельц». Если сможете, поплачьте. Объезжая блодинец, ехали лесом, по заросшей дороге. Когда подъехали к полю, услышали выстрел, подумали, что Мишка стреляет из винтовки. Позавидовали. Проехав кустарник, увидели, что наперерез, метрах в ста, бежит Мишка Боселов, а за ним пруднянцы. За полем, у моста через ручей «Блодинец», слышались крики и прерывистый плач, переходящий в вой. Поехали туда. На берегу ручья, у моста увидели лежащего на земле Николая, сына Ульяны и Ивана Абрамовича. Весь живот у него был в крови. Из рта пузырилась кровь. Прибежала мать его, Ульяна, упала на него, обняла обеими руками и закричала дико, истошно. Соседи успокаивали её, предлагали помощь. Три старика из деревни Прудня за руки отнесли её от сына. Один из них без слов взял сено из копны и положил на телегу, разровнял. Втроем они подняли раненого и уложили на телегу. В стороне Василий увидел свою винтовку, положил на телегу Володьки – друга и прикрыл мешком. Николая подвезли к дому, стали решать, что делать дальше. Подошли к раненому, а он не дышит. Делать нечего. Перенесли в дом, положили на кровать. Многие разошлись. Остались родственники. Стали выяснять, как всё произошло. Младший брат, Шура, сказал, что утром был у них Мишка - Хохол. Пошли они с Колькой в его баню. Шурка хотел примкнуть к ним, но его прогнали. В щель двери Шурка видел, что пошли они под Козино, к ручью Блодинец. У них была винтовка. Видел Александр, что у ручья Михаил с Николаем машут руками, видать, спорят, кто первый стреляет. Потом Николай схватил винтовку за ствол, потянул к себе, но Михаил крепко держал за приклад. Поначалу силы были равны, но Николай оказался выносливее. Он почти завладел винтовкой, но Михаил всё ещё держал её руками за затвор. Прогремел выстрел. Тогда, как и теперь, трудно было рассудить: случайно ли Михаил нажал на курок или специально? Теперь Михаил держит ответ перед Божьим судом, только помнит Иван, как тот Михаил, в пьяном виде, кричал ему: «Кольку убил и всех вас поубиваю! Старики отправили Шурку за той винтовкой. Василий с Владимиром, видя, что необходимости в них нет, отправились в Нелидово за солью. Ехали по Андрейзенской аллее через деревню Нелидовку. Вброд пересекли реку, поднялись в гору. Мимо старого барского дома выехали на большак. Василий остановился на обочине, за ним Владимир. Под придорожный куст ивняка положили сена, а на него снятую с телеги винтовку. Наверх опять сена и прижали всё это камнями. Прodelали всё быстро и слаженно, никто не заметил. Впереди чернели стены сгоревшей машинно-тракторной станции. Рядом чудная будка – без стен, но с потолком. У столба два фрица на губной гармошке пиликают. Один солдат положил гармошку в карман и направился к ребятам. Они остановились. У них спросили, что везут? Василий закричал, как умел: «Никс, никс, хаус майн зельц никс», - заплакал, размазывая слезы по щекам. Солдат, глядит на телегу и говорит: «Майне – пук, пук!» Ребята заплакали громче прежнего. Немец осмотрел конские зубы, заглянул под хвосты, под телеги и замахал руками: «Шнель, шнель». Утирая слезы, друзья продолжили путь. Движение по большаку менее интенсивное, чем накануне, но значительное. У моста стояли повозки, ожидая пока пропустят через мост. Немец – регулировщик поднял руки вверх. Впереди на горе всё замерло, задвигались стоящие впереди, за ними ребята. У сгоревшего кинотеатра, у столба с чёрной «говорящей тарелкой», повернули вправо к вокзалу. Дорога была пустынная. Здесь в безопасности, после нервного потрясения, друзья не могли унять смех. Володьке стало страшно: что было бы, если бы не спрятали

винтовку? Немец убил бы на месте. Умный Васька всё же! Подъехали к сгоревшему складу – бокгаузу. Там лежал во весь склад полутораметровый слой соли. Добытчики жестянойкой очистили соль, нашли куски обгорелого брезента, положили на телеги. Стоявшими в углу обгорелыми лопатами начали грузить её в Васькину телегу. Нагрузили с верхом и накрыли краями брезента. Володькину телегу укрыли листом тонкой жести и лопухами. Отправились домой. Груз тяжёл. Самим сидеть было негде. Шли рядом, держа поводья в руках. Добрались до моста, встали в очередь. Раздался страшный взрыв. В дамбе образовалась большая воронка. Появились человек сто рабочих, смуглых, похожих на марокканцев, в брезентовых измазанных робах и резиновых, с длинными голенищами, сапогах. Они в считанные минуты установили в яме настил из топляка, из реки Семиковка. Брёвна скрепили скобами. Машины снова пошли. Не успели рабочие покинуть мост, как там взорвалась автомашина с солдатами. Солдаты оказались живыми, а их командир и жандармское начальство, что руководило движением, погибли. Рабочая команда так же быстро восстановила мост. Пропустили телеги. Ребята с солью благополучно добрались до места хранения винтовки. Положили её под брезент и подъехали к мосту через ручей Блодинец. Посоветались, как миновать заминированный участок. Решили отправить Володькиного коня одного. Если погибнет, поедут на оставшемся. Соль поделят, её много. Провожаемый виноватыми взглядами, опустив голову, конь пошёл. Друзья легли за холмик, ждали конца эксперимента. Видят – конь прошёл мины со стороны деревни Прудня, мост и протащил телегу по мине со стороны деревни Козино. Всё было тихо, только воробьи беззаботно искали зерно в ароматном лошадином помете. Таким же образом, привязав к дуге вожжи, отправил навстречу судьбе и Василий своего Серого. Наклонив большую голову, ступая точно в следы своего друга Михая, и он прошёл опасное место. Оставалось и ребятам миновать мост. Они взяли за руки, ступая по колесной колее, форсировали страшное место. Подошли к ожидающим их лошадям, разом повернулись друг к другу, громко рассмеялись и перекрестились. Они не могли утверждать, есть ли Бог, но чья – то помощь ощущалась. Это было очевидно. В сумерки приехали домой, телеги оставили во дворах и сразу же уснули тяжким, беспокойным сном. На следующий день занесли соль в амбары. В то время она становилась дорогим товаром. Могли и «реквизировать». Ребят хвалили и завидовали. Козинцы ходили на сожженный склад за солью, но много ли на себе унесёшь? Некоторые на лошадях с повозками проезжали по минам. Все признали, что они с браком – не взрываются. Вскоре после описанных событий мать послала Василия в соседнюю деревню Прудня, за решетом. Там жила сестра Василия – Матрёна, двадцати двух лет, с годовалым сыном Анатолием. До оккупации работала в колхозе. Сына нянчил Василий с братом мужа Григория – Павлом. Муж её мобилизован был в вооруженные силы на курсы младших командиров. Василию не хотелось идти, однако, увидав в окно, что по дороге на телеге едет друг Петька, который ещё вчера собирался в Прудню, стал искать кепку, ехать с ним. Пока Василий выбежал на улицу, друг отъехал метров на пятьдесят. Петька назад не оглядывался, лошадь шла быстрым шагом. Сразу не догонишь. Догнал у моста через Блодинец. Хотел уже ухватиться сзади, за поперечную доску телеги, но его оглушил взрыв. Огненно – чёрный фонтан отбросил его на семь – девять метров и ударил о землю. Потерял сознание. Когда очнулся, вокруг стояли козинцы и спрашивали его, что он здесь лежит. Василий ответил, что взрывом отбросило. Встал с земли, отряхнулся и пошёл за решетом в деревню Прудня. Опасное место обошёл. На обратном пути остановился у воронки, оставленной чуть не убившим его взрывом. Подумал: всё это не спроста, кто-то предупреждает меня. Слишком смел и решителен стал. Пора поуменьить. За ночь отлежался, а днём уже работал – ездил в лес за дровами.

Три Ивана.

По разнарядке военкомата от 22 июня 1941 года ушли на войну три Ивана: Иван из деревни Прудня, Иван из деревни Козино, Иван из деревни Дулёво. От них не было вестей. Ясность пришла в 1946 году.

Поезд из вагонов – «телятников» 25 июня 1941 года привёз их в Латвию, за город Рига сорок километров. Там попали под бомбежку и убежали в лес. Хотели есть, но съестного найти не удавалось. Питались муравьями и корнями растений, первыми грибами. Утром десятого июля Иван из деревни Прудня проснулся один. Земляков не было. Он искал их следы, но лесная подстилка ничего не сохранила. Пошёл на восход солнца. Слышен был гул пролетающих самолетов. Пришла ночь, упал и уснул. Проснулся солнечным днем. Солнце было высоко. Иван вышел на ржаное поле, взобрался на дерево, увидел крыши домов. Поле было большим, к нему подступал лес. Пройдя по краю поля метров двести пятьдесят, повернул вправо, прошёл ещё столько же и вышел на тропинку. Она шла в сторону строений. Иван пошёл рядом с ней, опасаясь встретить людей, и вышел к двум пятистенным домам. Труба одного ещё дымилась. Раздумывая, как быть, незаметно уснул. Очнулся от прикосновения чьей - то руки. Осмотрелся, увидел высокого, седого старика, в шляпе и с тростью, рядом с ним женщину – тоже высокую и похожую на него. Одежда на них отличалась покроем. Иван понял, что это латыши. Старик на чистом русском языке, (но с латинским акцентом), спросил, что он делает на его хлебном поле и кто он такой. Иван Абрамович рассказал о себе, о том, что 25 июня их эшелон с новобранцами разбомбили немецкие самолёты, а они втроем убежали в лес. Потом оба его спутника – земляка, из одного колхоза, потерялись. Он остался один. Что теперь делать, не знает. Хорошо бы обратиться в милицию. Старик представился – Густав, показал рукой на женщину – моя дочь Марта. У неё двое детей. Мальчик пяти лет и девочка трёх лет. Муж её четыре года назад уехал на заработки в Канаду. Густав предложил войти к ним в дом, а завтра они вместе что -нибудь придумают. Иван идти не мог, ослаб, потому старик подкатил из дома тележку. Вдвоем с дочерью они его туда уложили, привезли домой, отнесли под навес, затопили баню. Ивана вымыли, одели в чистое бельё и поместили на кровать, в кладовку. Затем поили тёплым молоком, укрыли одеялом, закрыли дверь на замок. Проспал он двое суток, после чего почувствовал себя лучше. Так лечили его ещё две недели. Пришло время жатвы. У «благодетелей» было пятнадцать десятин зерновых. Иван Абрамович не смог уйти, не отблагодарив хозяев. Потому, когда почувствовал, что есть силы косить весь день, встал пораньше, отбил косу. Густав, бывший ранее «латышским стрелком» и раненый в бою, услышал, что Иван отбивает косу. Он тихонько вышел из дома, подбежал к нему и поцеловал. Иван спросил, откуда начинать. «Прямо от дома», – ответил латыш. Иван перекрестился и взмахнул косой. Густав послал внучат наблюдать за местностью и докладывать ему про приближение чужих. Иван косил широкими прокосами, а Марта следом вязала снопы. День выдался горячим. После двух часов работы - двадцать минут отдыха в тени. Так до сумерек. Поспал час – другой, и снова в прокос: ночь - то лунная и светает рано. Косил до утра. За сутки он скосил две десятины, а Марта их связала. Во время перекуров Густав рассказывал Ивану о своей жизни. Как он батрачил у богача, один заменял троих. У хозяина была дочь тридцати лет горбатая и глухая. Богач настаивал, чтобы Густав женился на ней. Дом он записал на неё. Густав не согласился. Вскоре, по их селению шел отряд латышских стрелков. Густав попросился к ним и ушёл устанавливать свою батрацкую Советскую власть. В то время отряд базировался в городе Рига. Высадились немцы. Был бой. Стрелки отступали от Риги до Резекне, Густав с ними. Там на станции бой. Густава ранили в ногу. Многих арестовали, а Густаву удалось бежать. От Резекне удалось дойти до этого поля, упал на ту тропинку, что и Иван. Двое суток был без сознания. Наткнулась на него Матильда – дочь хозяина этого поля, Курта Ильвее. Матильда жалела Густава, плакала, боялась, что Густав умрёт. Курт, посмеиваясь, говорил: «Люби его крепче, он и поживёт». Ногу лечили два года. Зажила. Густав работал в поле, по хозяйству. Эмми – жена Курта, наставляла Матильду, люби Густава и выходи за него замуж. Так и случилось. Густав очень любил

Матильду, жить без неё не мог. Курт переписал на Густава всё хозяйство. Их поженили, вскоре родился сын Ивар, а через полтора года Марта. Была и ещё одна – Мария. Всё повторяется. Есть ли у тебя Иван жена и дети? Да, Густав, есть: жена, два сына и две дочери. Как они там «бедуют»? Мне с вами никогда не расплатиться. Я думаю, что есть «Бог» и он нам очень помогает. Иван отправился косить. Погода стояла хорошая, уборка продвигалась быстро. Закончили к первому сентября. Всё убрали под крышу. Латвия была оккупирована. Ивану обращаться было некуда. Он боролся с фашистами в Латвии. Помогал Резекненским партизанам продовольствием и сведениями о передвижении немецких войск. Они с Густавом содержали партизанский госпиталь. Когда Латвию освободили советские войска, пришёл он в Резекненский военкомат, получил военный билет и направлен был в действующую армию. Дошёл до Берлина. После демобилизации заехал к своим спасителям. Отец с дочерью зерном рассчитались с ним за помощь в хозяйстве. Он поехал домой – в деревню Прудня, откуда и был призван в Советскую армию.

Боселов Иван Михайлович – уроженец деревни Козино. Судьба его тоже необычна. Он ехал в том «телятнике», что и Иван Абрамович. Попал под бомбежку вместе с другими земляками. Бежали от бомбежки втроем – три Ивана. Долго скитались они по лесу, измучились, и все трое улеглись головами на одну покрытую мхом кочку. Однако ночью разошлись в разные стороны. Иван Михайлович вскоре вышел из леса и был арестован латвийской милицией, содержался в следственном отделе. После проверки был призван в Красную армию, участвовал в боях. Был ранен и попал в плен к латвийским фашистам. Латыши передали его в немецкий концлагерь. Немцы делали всё, чтобы как можно больше пленных, бывших красноармейцев, вступали во Власовскую армию. Несколько военнопленных, в том числе Иван, решили вступить в неё, с целью перехода на сторону Советской армии. Однако в 1944 году охраняемый немцами полк был переброшен в Югославию, для охраны шоссе и железнодорожных коммуникаций. Охранял их Иван недолго. Ознакомившись с обстановкой, всем взводом, с оружием в руках, ушли они к партизанам. Их после проверки приняли с готовностью и привлекали к боям. Ивана награждали югославскими орденами дважды, имел много благодарностей, был на хорошем счету. Затем вместе с другими его передали Советской армии. В Потсдамском следственном управлении его проверяли со дня призыва в Красную армию. Постоянно допрашивали: кого знал, кого и где встречал, видел. Окончилась война. Солдаты, здоровые и раненые, пришли домой. На погибших пришли похорожки. Приходили вести даже о тех, кто пропал без вести, а о Боселове Иване Михайловиче ни слуху, ни духу. Осенью 1946 года женщина из колхоза «Верный путь» носила к нелидовскому вокзалу молоко продавать, чтобы купить хлеба. Со стороны Великих Лук прибыл товарный поезд, остановился у вокзала. Колхозница по привычке побежала вдоль состава, надеясь продать молоко охранникам. Машинально подняла голову и взглянула в зарешечённое окно. Около него стоял человек в красноармейской форме. Это был Ваня Боселов, муж её соседки Акулины. От него всю войну не было вестей. Приостановилась. По лицу видно было, что он узнал её. Иван Михайлович говорил с ней, но мимо проходил другой поезд. Под стук колес его слов она не поняла. Видела только, что он пять раз выбрасывал вперед руку с растопыренными пальцами и махал рукой в сторону Москвы. Поезд тронулся. Нюра продала на вокзале молоко, купила хлеба и побежала в деревню. Сразу зашла к соседке, жене Ивана, рассказала, как она видела её мужа. Акулина всюду писала, но ответа не было. После демобилизации в 1953 году, осенью, Василий Данилович встретился с пасынком Боселова Ивана, Алексеем, который рассказал, что в 1952 году, на троицу, к ним, в Козино приходил отчим его, Иван Михайлович Боселов. Побыл у них, посмотрел деревню, навестил некоторых соседей. Рассказал, что в 1946 году из окна вагона видел он свою соседку Нюру. Как мог, на пальцах показал, что дали ему 25 лет тюрьмы, как власовцу. После смерти Сталина таких, как он реабилитировали, судимость снимали. Поселили их в Челябинской области, в лесу, в жилых бараках. Там живут и

работают на секретном производстве, связанные в какой - то степени с немцами мужчины и женщины. Многие завели семьи, у них родились дети. Быт такой, как дома. Работают по восемь часов, два выходных. «У меня, - он грустно посмотрел на свою бывшую жену, к которой пришёл в «примаки» в 1935 году, - тоже есть жена, работавшая на немцев, бывшая военнослужащая, офицер. Осуждённая, как и я. У нас двое детей. Домой приехал потому, что отпустил меня хороший человек, чтобы увидел я малую родину, поговорил с вами. У меня нет никаких документов. Данные мне шесть дней истекают. Подвести людей не могу. Денег нам не платят. Кормят и лечат. Лес наш охраняется часовыми с оружием. Так просто туда не попадешь. Я никого не убивал из своих, немцев положил немало. Вины за мной нет. Простите меня. Сегодня уезжаю. Не знаю, увидимся ли когда - нибудь, потому прошу у Бога для вас здоровья. Не прошу ни о чём, но надеюсь, что вы никому не расскажете, без того горя много». Он встал, расцеловался с каждым, поклонился всем, смахнул слезу и вышел на огород, в сторону реки. Словно растворился. Никто не видел, куда он подевался. С тех пор прошло более 58 лет. От него вестей не было.

Тогда, в 1941 году, 23 июня, с земляками бежал от бомбежки и колхозник из деревни Дулево, Иван Петрович Свердлов. Случайно, они оказались рядом. Кругом рвались бомбы. Состав горел, слышались предсмертные вопли. Страх погнал их в лес. Измучились, легли на моховые кочки и уснули. Иван Петрович Свердлов не помнит, как потерял земляков. Бродил по лесу около недели, пока не подобрал латыш. На русском ни слова. Посадил в телегу и повёз. Ехали до сумерек. Подъехали к хутору. Во дворе два больших пса. Бросаются на незнакомца. Возница открыл большую дверь. Иван почувствовал, пахнет скотиной, слышал шумные вздохи коровы, похрюкивание свиней. Молодой парень принёс выдолблённое из дерева небольшое корытце, поставил корыто на ящик. Рядом - кусок хлеба и деревянную ложку. Показал Ивану правой рукой – ешь, мол! Скоро вставать, ложись спать. Постоял рядом, дождался, когда съест варево и хлеб. Принёс жбан. Оказалась простокваша. «Гут, гут»,- сказал он. Показал Ивану туалет и ведро с водой. Показал на подстилку и захрапел для «понятия». После чего взмахнул руками, имитируя косьбу. Ушёл. Иван слышал, как загремел засов двери. Иван Петрович прилег на солому и незаметно уснул. Рано утром его разбудил тот же парень. Поздоровался и отправил умываться. Прошли с версту, начали косить. Косы хорошо налажены. Работалось легко, прохлада бодрила. Вскоре работницы принесли еду – простую и сытную. Поели - и снова в прокос, пока солнце не подошло к зениту. Стали разбивать прокосы. Солнце палило, воздух нагревался. От вянущей травы поднимался пахучий аромат. Иногда его рассеивал лёгкий ветерок. Поля большие, работы много. После сенокоса убирали рожь. Иван привык. Однажды на большак, рядом с полем приехали солдаты в зеленой форме, подошли к Ивану и парню. Отвели их в кузов большой крытой машины. Когда кузов наполнили людьми полностью, их повезли. Приехали на станцию. Там пять вагонов. Людей перегнали из машины в вагон. Там тоже часовая. Утром два немца принесли бачок супа и хлеба. Позавтракали. Колеса вагонов застучали по рельсам. Куда перевозили, никто не знал. Везли трое суток, кормили каждое утро. Под утро услышали заводские гудки, сигналы автомобилей и паровозов, поняли, что находятся в крупном рабочем городе. Состав остановился, сквозь стены вагонов слышались команды на чужом языке. Людей на автомашинах перевезли в большое длинное здание, заставили раздеться и отвели в моечное отделение. После помывки перевели в другое помещение. Выдали тёплые носки, штаны, куртки, рубашки, галстуки, кепи. В столовой накормили и повели в санитарную часть. Там врачи осмотрели, взвесили, занесли данные в журнал. Спросили Ивана: «Рус»? Отвели в сторону. Русских собралось двадцать человек. Построили в колонну, подвели к большому зданию. Неслышно отползла большая дверь клетки опускания людей в шахту. Всех завели в кабину. Она полетела вниз. «Это шахта», – сказал один из русских. Так Иван Петрович Свердлов попал в оккупированную немцами Бельгию. Это было первого сентября 1941 года. Работал там до декабря 1944 года.

Освободили их англичане. Домой, в Дулево, пришёл в октябре 1945 года в английской солдатской одежде. Жив и невредим. Прожил до 1982 года, умер в 77 лет.

Никто из земляков не желал друг другу плохого. Каждый думал о своей сохранности и поступал, исходя из своих возможностей. Прошёл первый послевоенный год. Страна налаживала мирную жизнь. Жителям деревни Прудня большим трудом давался кусок хлеба. Рано утром, когда семья Ивана Абрамовича Боселова завтракала перед тяжелым рабочим днем, вошел хозяин. Он приехал из Резекне на пассажирском поезде, зашёл на кухню, посмотрел на людей сидящих за столом. Жену Ульяну узнал сразу, дочек – Маню и Тоню – тоже. Спросил только: «Где же Коля?» Ульяна заплакала: «Зато есть ты». - «Что ещё за парень сидит за столом?» - «Сын твой Шурка – ответила Ульяна, а Коли нет. Есть ты, Иван Абрамович, чистый и красивый, не постаревший. Почему ты не прислал ни одного письма?» Иван упал на колени и залился слезами. Потом сказал: «Ульяна, возьми коня и по этой квитанции в багажном отделении получите 30 мешков зерна, что мне дали за работу в Латвии». Жена ответила: Хлеб твой, ты за ним и поезжай, вези, куда хочешь, к нам больше не приходи. Проживём без тебя». Иван Абрамович поднялся с пола. Сын Шура взял его под руку, сказал: «Пойдём, тять, к дяде Андрею. Мать ты больше не беспокой». Пришли к Андрею. Тот отвоевал шесть лет. Был старшиной, командиром взвода тяжелой артиллерии. Всю войну воевал. Попросил Иван разрешения пожить у него, пока избу себе не срубит. «У тебя есть семья и дом». - «Всё так, но меня не было пять лет, прав не имею». Год Иван прожил у Андрея. Срубил себе избу, поставил её на другом конце огорода. Работал лесником, женил сына Шурку, выдал замуж дочерей, помогал им и Ульяне. Она не смогла простить ему те пять лет, когда он прятался от войны.

Гости деревни

В конце октября 1941 года ребята обошли оборонительные сооружения – «окопы» где красные бойцы собирались дать бой фашистам, но сменили позицию. В тот день первый снег шёл хлопьями, как говорили, «шапками». В борку, на опушке леса, ребята наткнулись на смуглых людей. Думали, что цыгане, оказалось евреи. Сидели они в разных позах, заметаемые снегом. Их было восемь человек, две семьи. Василий подошел и спросил: что вы здесь сидите? Ведь скоро заметёт и замёрзнете! Они молча смотрели в землю и молчали, пока не заговорила старая еврейка Рахиль (потом её в деревне звали Рохлей). Она с горестью, но твердо сказала: «Мальчик, мы будем умирать. Мы, евреи, прокляты Богом. Немцы нас расстреляют, и вас убьют, если нас приютите и деревню вашу сожгут. Друзья оторопело поглядели на них и вприпрыжку помчались домой. Дома Вася увидел брата Александра, который пришёл домой из города Красный Холм, куда перегоняли колхозное стадо. Ему предлагали остаться в колхозе. Не остался. Лесными дорогами и тропами пришли в Козино. О немцах слышали, но не видели их. В деревнях люди кормили, пускали на ночлег, давали продуктов, указывали дорогу, чтобы не встретили немцев. В то время Шуре было семнадцать с половиной лет, его напарнице Даше, незамужней девушке из деревни Дулево – двадцать четыре. Вдвоем они осилили неблизкую дорогу. Дома Вася рассказал матери, что в Лучках замерзают евреи. Мать опустила на скамейку. Василий узнал, что они идут от Смоленска. Две старые еврейки, мужчина лет сорока – Осип с двумя сыновьями – Абрамом и Самуилом. Жена Осипа, с двумя сестрами 16 и 18 лет. Похоже, что они с Осипом ровесники. Рахиль - мать Осипа, а другая старуха - его тёща. Мать послала Василия к Матрене Сергеевне пригласить на собеседование. Та пришла не задерживаясь, подошла к Елизавете Федоровне, спросила, что случилось, и Елизавета ответила: « Шурка наш вернулся. С ним всё в порядке, а вот в бору евреи замерзают». Стоявший за матерью Вася заплакал. «Не плачь», - сказала Сергеевна, - будем помогать. Ты, Вася, беги к Ивану Тихоновичу и скажи, чтобы запрягал в телегу Пчёлку и ехал к нам. Сбегай к Шурке. Вижу, что Мишка балует с

Шуркой, моей двоюродной сестрой» Вася забежал в избу к Шурке. Увидел Мишку с Шуркой. Они не обратили на него внимания. Василий, возмущенно выпалил: «Мишка, люди в Борку замерзают, а ты «кобелишься». Дома их встретила Сергеевна. «Михаил с Шуркой идите к Тихоновичу, поезжайте в Борок, везите людей к Маньке, на опушку, а мы пойдём к ней с Федоровной, да ещё Катьку Матвееву, Шурку Тимогину, Маньку Елизаветину возьмём с собой. Там нужно все приготовить: натопить баню, наварить супа с курятиной и молоком. Идите с Богом. Подошли к избе Тихоновича. Слышат, что дед Иван запрягает лошадь и бормочет: «Ну и выбрали же момент, такую метель!» Михаил, подойдя ближе, спросил его, запряг ли лошадь. «Запряг. А куда ехать?» - «К Борку, - ответил Михаил». «Что я там забыл?», - «Не видал, - говорит Михаил (восемнадцатилетний парень, не попавший под призыв),- так увидишь: там люди замерзают» - «Что, бойцы наши?» Нет, не бойцы, а евреи из Смоленска, от немцев прячутся» - «Ты же сам, Миша, знаешь, как помошник старосты, что за это бывает. Нам не сдобровать». Мишка ответил: «Если ты, Иван Тихонович, не скажешь, то откуда же староста узнает?» Приехали в Борок, а людей нет. Прошли в еловый молодняк и наткнулись на тачки. Из кустов раздался кашель. Под невысокими елями, прижавшись к их стволикам сидели запорошенные снегом окоченевшие люди. Михаил скомандовал: «Снимай, дед, попоны и стели на телегу». Михаил с Шуркой принесли старую еврейку. Посадили её на телегу, укрыли попоной. К ней другую с ребятами, дочерей, Осипа, жену его. Той же попоной укрыли всех, даже их головы. Смотри, дед, чтобы не раскрылись, головой отвечаешь. Дорогу выбирай ровнее. Мы с Шуркой тачки их покатым. Когда подъезжали к деревне, Тихонович спросил у Василия, куда их везти?» - «К Маньке на опушку», ответил тот. «Это правильно, немцы в лес не пойдут. Только, чтобы «змеи» не пронюхал». Людей с телеги сняли, занесли в дом, уложили на солому, укрытую попонами. Они, измученные, хотели спать, но поели супа картофельного с молоком. Утром выпили того же супа и уснули. Деревенские ребятишки были в дозоре, наблюдали, не идут ли немцы. Но тех не было. Манька и Тихонович водили их в баню, по одному, по двое. Молодая девушка Эстер протянула Маньке золотое кольцо, но та не взяла. Вы потеряли всё, а мы пока дома. Такие в Козино были люди. В конце октября даже Рахиль, что хотела замерзнуть, заметно поправилась, повеселела, даже иногда пела. Деревенские радовались возрождению этой семьи. Им помогала вся деревня. Женщины приносили продукты, а их дети наблюдали за дорогой - не идут ли немцы. Продумано было, как схоронить их, в случае опасности. Понимая, что нелепый случай может навредить гостям и самим козинцам, договорились переместить их в деревню Тросно – для верности.

Однако не успели. Пятнадцатого января 1942 года, в мороз, в два – три часа ночи в Козино пришла немецкая воинская часть изрядно потрепанная, на отдых и переформирование. Личный состав поселили в домах, вместе с жителями. У Елизаветы Федоровны разместили четырнадцать немцев. Приказали выделять им картофель и другие продукты. Нужно отдать им должное – они не допускали до хозяйских припасов солдат других частей. Данила – староста всё же сделал своё чёрное дело. Он рассказал немцам о живущих в Козино евреях. К Васильевой Марии, где жила семья евреев они пришли ночью, когда все спали. Осипа, Абрама, Самуила убили прикладами. Женщин, раздетых, посадили в сани. Деревенские женщины бросали еврейкам свою одежду. Хозяйке позволили одеться. Ей было двадцать пять лет, её дочери шесть лет. Муж на фронте. Красивую и молодую, её отвезли в солдатский дом терпимости, дочь осталась в деревне. Через неделю пришла она в Козино семидесятилетней старухой. Дочь её, Шура, простудилась и умерла. Муж пропал без вести. Эти немцы прожили в деревне девять дней, поели у крестьян картошку, казнили евреев, ставших для козинцев родными, ушли под Смоленск.

Они шли помогать Москве

Дом Румянцевых - посреди деревни. Один выгон подходил к деревне, как раз посредине, из леса, что к западу, и виден был из кутнего окна, другой отходил от их дома на восток, к реке. Почти каждый вечер слышен был лёгкий стук в угол дома. Василий выходил и спрашивал: «Кто?» Из темноты чуть слышно спрашивали: «Есть ли немцы?» Отвечал: «Немцев нет». Тотчас вопрос: «Нельзя ли отдохнуть, обогреться? Скоро уйдём». Василий открывал ворота, вёл в избу. Матери говорил: «Бойцы обогреться хотят». - Мать отвечала: «Полезай под пол, достань картофеля. Их нужно хоть немного покормить. Вы проходите, раздевайтесь». Бойцы присаживались к большой русской печке, грелись, прижав спину к тёплым кирпичам. Задремав, видели своих родных и осызали запах варёного картофеля, сходящий из большого, семейного чугуна. Обычно, в этот момент поступала команда: «За стол, марш». Так умела шутить мать Василия – Елизавета. Умывшись, бойцы присаживались к столу, раскладывали по тарелкам картофель, лук и чеснок, дольки сала. Рядом стояло ведро с квасом. Приходили обычно, как стемнеет, часам к восьми. К десяти поедят картофельного пюре с молоком и солёным огурцом, попьют чаю с молоком и ложатся спать. В шесть – семь часов утра запишут и запомнят дорогу. Она одна. Выгоном к реке и напрямиком на восток. Иногда мать им говорила: «Зачем подвергаете себя опасности? Оставайтесь в нашей деревне, молодух много, возьмут в примачи». Ей отвечали, что им это не подходит. Не успокоятся пока Гитлера и его лакеев не уничтожат. Они говорили: «Мы давали родине присягу, идём на помощь Москве. Других забот нет». Иногда шли на запад. Говорили: «Там у меня дом, дадут землю. Большевиков там нет». Однажды на печке отдыхал пробирающийся к Москве командир батальона – капитан. Александр просился к ним. Капитан долго молчал, не хотел обидеть хорошего человека. Сказал: «Ты, Саша, хороший человек, с доброй душой. Однако к себе я тебя не возьму. Сегодня у тебя много патриотизма и желания помочь Родине, но нет знаний и умения. Воевать нужно уметь. Тогда сможешь, профессионально, помочь. Я всю жизнь учился: школа, училище. Нужно уметь бегать, прыгать, ползать, плавать, дышать, стрелять. Освоив все премудрости военной науки, ты будешь настоящим солдатом. Если испытываешь необходимость воевать с врагом, иди в партизаны, будь охотником. Увидел волка, прицелился, осторожно надавил на спусковой крючок винтовки - нет волка. Немец – тот же волк. Партизанам безопаснее. Сколотил хорошую разведку. Всё знаешь. Засел в засаде. Идут немцы, а вы залегли, распределил, кто кого берёт на мушку. Стреляете. Прости Шурик, завтра опять в путь, нужно поспать». Население уважало людей, идущих на восток, и не любило пробирающихся на запад. В дом пускали их с большим нежеланием. Только человечность обязывала открывать им дверь. Козино жило своей жизнью. В другие деревни ходили по крайней нужде. Опасались, что не вернутся домой.

Восстановление железнодорожного моста

Немецкие солдаты в деревню Козино иногда наведывались по два – три человека, чтобы поросенка или кур раздобыть. Однако к лесу, к Марии, не доходили. Видать, жить хотели. Однажды приехали на двух подводах полицаи – Федька «Лунь» с охраной в пять человек – молодых парней. Лунь собирал раньше тряпки, ветошь, кости. Он развесил объявления по вербовке мужчин в полицию. На другой день, с собственной охраной из пяти человек, в Козино приехал Тит из деревни Половцово. Он был раньше церковным старостой Иоткинской церкви. На собрании говорил козинцам, что нужно около деревни Шарапкино к большому деревянному зданию сплавной конторы пристроить другое здание. Будет церковь. Потребуется деньги для оплаты плотникам. Если смогут помочь, пусть соберут и отвезут к сплавной конторе. Люди собрали много денег(ими не пользовались при немцах), картошку, хлеб, свеклу. Женщины, Акулина и Пелагея, что отвозили плотникам оплату, привезли страшную весть, которая повергла всех

деревенских в неопишное возмущение. Подъезжая к взорванному железнодорожному мосту через реку Межу, Акулина и Пелагея увидели шесть человек в красноармейской форме, босых. Был конец октября. Впряжённые в длинную веревку, они тащили десятиметровое бревно. Брёвна брали в лесу, у железной дороги, километров за пять. На каждую шестёрку пленных солдат - надсмотрщик с автоматом и нагайкой. Он непрерывно подгонял и повторял: «Шнель, шнель». Полина предложила пока дальше не ехать, а вернуться в Половцово, сварить ведро картошки и раздать пленным. Вернулись в Половцово, забежали в первый дом. Вскоре из трубы пошёл дым. Через полчаса на крыльцо вышли две женщины. Они несли тяжелое ведро, обвязанное сверху скатертью, с парком через неё. Подъехали к воротам и проходной перед мостом. Одна осталась на саях, а другая подбежала к пленным, укладывающим бревна в клетку моста. Часовой закричал: «Хальт, Цурюк!». Акулина не слушала, подбежала к пленным, ворвалась в их гущу и высыпала картофель им под ноги. Пленные хватили горячие картофелины и ели без хлеба и соли, почти не прожёвывая. Часовой на дамбе строчил из автомата поверх голов. Из караулки выскочили трое. Двое схватили Акулину за руки, а третий поднял подол и хлестал её нагайкой по заднему месту. Её затолкали в сани, хлестнули нагайкой по лошади. Она понеслась вскачь. Полина насилу управляла. Вот и стройка. Там стояло несколько саней, около них крутился Тит. Он подскочил к Полининым саям. Как старшая, Кулина передала ему деньги, облигации и прудукты. Тит сказал, что завтра поедут за город Белый, в Шоптово за попом. Если привезут, то через четыре дня, на седьмое ноября, в новой церкви состоится служба. Пусть все приходят помолиться богу. Всем спасибо. Через три дня козинские женщины снова повезли картошку к мосту. Зашли в церковь. Дверь была открыта. Женщины из деревни Шарапкино мыли там полы. По церкви расхаживал мужчина в новом облачении. Увидев женщин, поинтересовался: «Что ищут в храме божьем?» Поговору узнали они попа Иоткинской церкви, отца Дмитрия. Спросили, правда ли, что служба будет. Отец Дмитрий спросил: «Где вы живете?» - «В Козино», - ответили ему. - «Знаю Козино, знаю. Зачем пришли?» Они рассказали, что привезли варёной картошки нашим пленным бойцам, что мост восстанавливают. Раздали. Они голые, невиноватые, жаль их. Заплакали. Сюда зашли, чтобы узнать, будет ли завтра в церкви святая служба. Слух идёт, что за батюшкой поехали в Шоптово. «Я – батюшка. Пока на Руси такие, как вы, рабы божьи есть, Россия не умрёт и всех басурманов сметёт со своей земли. Идите и всем говорите, что жива земля русская». Батюшка крестил каждую. Женщины поехали домой. Батюшка остался взволнованный и сумрачно смотрел на прожектора, освещающие работы на мосту. Знал он, что где-то у подножья дамбы, укрытые тряпьем, дрожат от холода бывшие бойцы Советской армии, строящие нужный немцам мост. Завтра, с рассветом, они вынесут из своего «каземата» умерших товарищей. К воротам подведут новую партию в пятьдесят человек – кандидатов на смерть. С начала восстановления моста погибло более тысячи человек. Поначалу пополняли два раза в неделю, по пятьдесят человек. Сейчас, осенью, когда работы близки к завершению, пригоняют по пятьдесят человек в день. Погибших увозят в больших грузовиках. Известно это от жителей деревень Половцово и Шарапкино. В начале ноября мост восстановили. Поезда пошли из Германии до города Ржева. Из немецкого тыла шло подкрепление техникой и материально – техническое обеспечение. Отсюда в Германию ехали, в отпуск к семьям и родителям. Радовались, везли подарки из России. Пиликали губные гармошки. Метель бросала снег в окна вагонов. Батюшка Дмитрий угрюмо молчал в своей комнатке в церкви. Седьмое ноября, знаменитая дата – годовщина Советской власти. Будь, что будет – утро вечера мудренее. Полина и Акулина приехали в деревню незадолго до сумерек. В Полинину избу набилась вся деревня. Всем хотелось узнать, будет ли завтра в церкви служба. Их посланцы обстоятельно рассказали, что видели, о чём разговаривали с самим батюшкой. Он немного постарел, но бодр, весел, даже шутил с ними. Были в церкви. Там мыли полы

женщины из деревни Шарапкино. Раздали нашим солдатам еду. Немецкие часовые были добрее, сговорчивее, не кричали и не били.

Староста наводит порядок.

В дом к Лизавете, поговорить про жизнь, собрались соседи. Во время беседы пришёл староста Хрисанков Данила. Обдал присутствующих сивушным перегаром, не поздоровавшись, прошёл на кут, сел под образа. Начал говорить, что ему многое не нравится. Жители своевольничают, нарушают германские порядки. Новая власть доверила ему контролировать их соблюдение. Румянцева Елизавета - самая злостная нарушительница. По вечерам и ночам пускает к себе в дом, идущих к фронту бойцов Красной армии. Кормит их, обмывает, лечит их раны, предоставляет ночлег. Мария Васильева пустила к себе иудеев, которые ненавистны немцам. Кулина да Пелагея возили продукты в Половцово, на мост. Данила потребовал прекратить дразнить освободителей. Они не простят и могут сжечь деревню. «Вы знаете, как в деревне Дулево расправились с партизанами? Вызвали из деревни Козаково немцев, те партизан расстреляли. Подобрю, поздорову отправьте евреев куда подальше, или я позову карателей. Они разберутся». Хлопнув дверью, староста ушёл, а с ним его порученец, Михаил Егоров. Скоро он вернулся. Акулина спросила его, зачем вернулся. «Староста отправил подслушивать, что говорите. Я не предатель». - «Правильно, но будь хитрее, говори, что все в деревне довольны вами. Теперь позови мужиков, молодых и старых». Вскоре все пришли. Говорить стала Матрена Сергеевна: «Вы, Вася и Шура, подойдите сюда». Ребята подошли. «Идите на улицу, спрячьтесь за угол, чтобы видно вас не было. Если увидите старосту, наблюдайте за ним, нам о нём докладывая. Деревня принялась решать, что и как делать: «Ты, Василий, с краю живёшь, все видишь. Если поймёшь, что староста идёт или едет в Нелидово, не отпускай его. Заведи с ним дружбу, поддакивай ему. Из колхозного фонда ржи, выгони самогонки, угости его. Он помягчает». В дом вошел маленький сторож. «Бабушка, он у этого окна стоит, прислушивается».- «Сейчас сама к нему выйду, поговорю, а вы с Шуркой следом за ним, но себя не обнаруживайте». Матрена Сергеевна подошла к старосте. «Что, кум, ты здесь слушаешь? Не вздумай немцам свои мысли высказывать. Вспомни, в какой армии наши дети воюют - притихни, иначе не сдобровать». - «Пойду домой, запрягу Жучку и в Нелидово. Всё расскажу немцам».- «Против деревни не устоишь». Староста закричал: «Кто меня розгами сёк?» - «Ты их заслужил».- тихо сказала Матрена. Данила быстрым шагом удалялся в сторону своего дома. Сергеевна тихонько свистнула. Рядом с ней появилось двое молодых мужчин: «Он собирается прямо сейчас ехать к немцам. Идите за ним, у забора прилягте, когда будет выезжать, прыгайте в сани, шутя попроситесь в его личную охрану. Если поймёте, что направляется в Нелидово, свяжите и поезжайте на реку. Волоките к проруби. Его в неё ногами. Если просить о пощаде не будет, топите, не жалеите мразь. Он хочет всю деревню уничтожить. Вот вам два платка. Повяжите, чтобы не узнал вас. Если запросит пощады, выньте из воды и бейте колом по «цыбалкам», чтобы не смог передвигаться. Коня отпрягите и заведите в ригу, в сушилку, положите сена. Поить каждую ночь. Мне рассказывайте, как и что». Часа в два ночи в окно постучали. Сергеевна поднялась, увидела двоих. Спросила, что и как. Доложили: «Как говорили, так и получилось. Когда проезжал мимо, прыгнули в сани. Объяснялись знаками. Он рассказал, что едет к немцам. Он им предан. Его связали и подтянули к лунке, ноги в воду. Умолял не губить. Опустили в воду по шею, вытащили и уложили на сани, били палками по «цыбалкам», ниже колен, три раза по одному месту. Под сеном обнаружили два литра самогону. Один заставили выпить, а другой спрятали под сено. Подъехали к сушилке, распрягли лошадь. Старосту оставили на санях, укрыли с головой сеном. Коня поставили в сушилку риги. Наложили ему корма. Следы замели. Будем издалека наблюдать. Завтра, на санках, привезём воды лошади». Молодцы, идите отдыхать. После ухода ребят

Матрена Сергеевна задумалась, правильно ли она делает. Пошла к Елизавете Федоровне. Тихонько царапнула в стекло. Та вышла сразу: «Что, Мотя, случилось? Почему так поздно?» Сергеевна рассказала о последних событиях: о вчерашних разговорах со старостой, о его угрозах привести немцев и сжечь деревню. Мы, - ответила Лизавета, - знаем его тридцать лет. Это бешеный, глупый человек. Он на всё способен. Вы поступили правильно. Матрена Сергеевна успокоилась, пришла домой, прилегла, задремала. Сквозь дремоту слышала разговор соседей, идущих в церковь. Она истопила печку, наварила еды на день, покормила мужа и сына, пошла к старосте. По улице бегали дети, наблюдали, едут ли немцы. Жена Данилы, Фруза, подметала крыльцо. Поздоровались. Фруза рассказала, что муж её вчера опять вернулся пьяным, едва приполз домой, на четвереньках, весь мокрый. Сейчас спит. В санях, под сеном, нашла литр самогона». Матрена сказала, многие пьют. «Твой «Лисей» не пьёт.- Твоему Ивану он в отцы годится».- «Зачем приходила?» - «Просить разрешения сходить в Борки, дочь проведать».- «Ладно, в другой раз. До свидания».

Церковь была полна народу из всех окружных деревень. Рядом бродили военные с автоматами. В церкви, ближе к алтарю, стояли, положив фуражки на согнутые руки, козырьком вперед, четыре немца. Батюшка Дмитрий начал службу. В проповеди он говорил о страшной войне, страданиях народа, о невинно замученных, голодающих и замерзающих людях. Говорил, что люди не заслужили такого к себе отношения. Крестьяне не должны давать басурманам воду, картошку, зерно. Должны давать им смелый отпор. Козинцы ждали своих богомольцев, но никто не пришёл. Назавтра стало известно, что произошло. Все шло хорошо, пока батюшка не сказал: «Не бывать захватчикам хозяевами на нашей земле!» Немецкие офицеры, стоявшие в церкви, надели свои красивые картузы и закричали: «Швайн!...», схватили батюшку за волосы и вытолкали на улицу, автоматчики выгнали из церкви всех молящихся. Оказавшись на улице, козинцы сели в сани и поехали от церкви, но не домой, а к родственникам в соседние деревни. Там и заночевали. Слухи были разные. Одни говорили, что вытолкнув батюшку на улицу, немцы расстреляли его. Позже стали говорить, что расстреляли его партизаны, после освобождения Нелидова.

Каратели

В ночь с восьмого на девятое ноября козинцы могли видеть большое зарево. Горела школа в деревне Смольники – деревянная, начальная. Смольниковцы видели, что перед сумерками к школе подъехало много немцев на автомашинах. Партизаны выследили этот отряд, известный им по боям в бельских лесах. Хорошо вооружённые, обеспеченные проходимой техникой, они рыскали по русским тылам, наводя ужас на местное население. В тот вечер, немцы подъехали на двадцати вездеходах и поставили их вокруг школы, впритык. Для обеспечения охраны, выделили четырех часовых. На дворе промозглая осень, обычная для того времени года. С неба сеял мелкий снег, завывал ветер. Вечерние сумерки спешно переходили в ночь. Солдаты озябли, хотели есть и спать. В школьном сарае нашли дрова и растопили печи, подогрели тушёнку, выпили шнапсу, попиликали на губных гармошках и уснули, вспоминая успешно проведенную операцию и предвкушая радость от будущих наград. Командир тоже уснул, не проверив несение службы часовыми. Ещё бы, чего им бояться? Они чувствовали себя хозяевами в этой глухомани.

Партизаны пришли ночью, когда удачливые стражи интересов великой Германии спали, блаженно сжимая в руках фотографии своих близких. Партизаны сняли часовых, слили бензин из машин и облили им школу. С лицевой части школы, со стороны деревни, поставили пулемет «Максим» и шестнадцать партизан с автоматами. Тридцать народных мстителей заняли позиции со стороны деревни Гвоздово. Подождгли. Бензин, успевший пропитать поры древесины, вспыхнул сразу. Огромный столб пламени взметнулся выше крыши, языки огня метались, послушные порывам ветра. Немцы бегали по горящим

классам, ища спасения, но его не было, мышеловка захлопнулась. Все вояки, гордые своими победами над безоружными крестьянами, вынуждены были в одном «исподнем» прыгать в освещённые пожаром окна, под пули пулемета и автоматов. Погиб весь отряд – триста человек, сгорело двадцать автомашин. Так покарали хвалёных «героев» нелидовские партизаны. Зарево этого пожара и видели ночью из деревни Козино.

В первой половине дня, десятого ноября, сверстники Василия видели, что по деревне Прудня идёт большая колонна немцев, медленно, в два ряда, все на лошадях. Оповестили козинцев. Все вышли из своих домов. Вскоре солдаты фюрера дошли до их деревни, остановились у первых домов. Кавалеристы спешили, взяли лошадей под уздцы, начали разводить их по дворам. К Елизавете Федоровне привели пять лошадей, велели кормить их сеном, через полчаса напоить. На каждые десять лошадей выделили одного солдата. Ребята носили воду из реки в гору. Солдат построили в колонну по три. Собрали жителей. Выступал их командир. Переводил переводчик. Он сказал, что карательный отряд великой Германии пришёл, чтобы наказать бандитов и воров и всё жидовское, коммунистическое «отродье». Отряд пришёл совершить справедливое возмездие за смерть доблестных сынов Германии в деревне Смольники. Следователи справедливы и строги. Все бандиты будут выловлены и наказаны. Сейчас нужен проводник в лес, где живут партизаны. Проводник этот - Тимофей Щербаков. Он знает туда дорогу. Тимофей Аристархович вышел из толпы и сказал: «Я Щербаков, но дороги туда не знаю. Я старый, больной человек, идти не могу. Офицер, не повышая голоса, проговорил: «Нам хорошо известно, что ты десятник лесорубов. Лес знаешь. Отказаться нельзя – расстреляем». Его жена - Дуня (тётка Василия Даниловича) заплакала. Офицер сказал, чтоб каждый дом тушил картофель со свиной, а немцы идут в лес стрелять партизан. Тимофея Аристарховича посадили в «проездные» саночки, рядом с офицером. Отряд тронулся в лес и через десять минут скрылся из виду. Староста не вышел встречать немецкий отряд. Офицер забежал к нему. Данила лежал на печке и говорил: «Пан я кранк. Немец повторил: «Кранк! Гут!» - и выбежал из натопленной хаты. В тот день козинцы были напуганы и со страхом ждали возвращения карателей, молились о даровании избавления от напасти. Пронизывающий ветер гнал по скошенному жнивью мелкий снежок, тяжелые тучи затянули небосвод рыхлым одеялом. Быстро смеркалось. Из чернеющего за полем леса, извиваясь, подобно длинному стоглавному червю, показалась колонна карателей. В присутствии местных жителей командир поблагодарил подчиненных за успешно выполненную боевую задачу и приказал седлать лошадей. Кавалеристы сноровисто взобрались на огромных толстоногих «битюгов». По команде командира колонна выползла из деревни. Отдельных лошадей вели в поводу, их хозяева не вернулись из боя. Местные жители медленно приходили в себя. Страх постепенно выползал из их душ. Дождавшись, пока отряд покинет деревню, все обратились к их проводнику – Тимофею Аристарховичу. Тот рассказал: «Пошли лучинной дорогой, которую угадывал по интуиции. В лесу много снега. Впереди колонны три пары лошадей тянули повозки, поставленные на полозья. Они пробивали в снегу тоннель для пешего строя. Дошли до пожарного просека и увидели три строения барачного типа. Немцы не скрывали радости от хорошего начала операции. Вдруг справа три выстрела подряд. Немцы залегли в снег. Однако противник не обнаруживал себя. Прошли дальше метров сто и остановились. Карабины взяли на изготовку, пошли дальше. Справа и слева затрещали падающие гиганты - ели. Дорога оказалась перегороженной, а колонна разделилась. Немцы упали в снег, иногда поднимали голову и осторожно осматривались. Было тихо. Командир принял решение продвигаться вперед. К нему привели проводника. У Тимофея спросили, что произошло и что делать далее. Он ответил: «Идёт война, побеждает умнейший. Что «задумано» не знаю, но считаю, что нужно идти вперед. Прикажете слушать мои команды». Такая команда была отдана. Все смотрели на ветерана. Он приказал как можно большему числу людей подойти к сваленным деревьям вплотную, взяться за ствол и поднять его, а затем положить в снег, рядом с дорогой. В

образовавшийся проход можно продвигаться дальше, однако, быть внимательными. Партизаны очень мобильны, боеспособны и изобретательны. Отряд рассредоточить». Это сразу исполнили. Вышли на большую, с гектар, поляну. Посреди в ряд стояли три крестьянских деревянных дома. В них можно было разместить около ста человек. Вокруг стеною лес – хвойный, густой, с сучьями до земли. Из глубины массива к домам шла наезженная дорога. Поляну окружили, к домам двинулись автоматчики. Вошли без выстрела. Командир обошёл помещения, увидел разбросанные вещи, крупу. Понял, что их не ожидали и дал команду зажигать. Раздались выстрелы. Офицер увидел, что у дальней стены леса падают его солдаты, и послал автоматчиков помочь. По ним с противоположных углов поляны прицельно ударили пулеметы – станковый и ручной. Немцы залегли, завязалась перестрелка. Каратели были на виду, а партизаны, укрывались в лесу. Убивали немцев прицельным огнем, на выбор. Как говорят, война продолжение политики. Войны русские выигрывали, потому и в политике были первыми. Тогда, в заснеженном лесу, встретились давнишние соперники за сферы влияния. Немцы хорошо обучены, искушены в боях. Покорили многие страны. Хорошо вооружены и оснащены. Знали свою военную профессию. Воспитаны в духе превосходства своей нации над всеми народами. Они пришли на нелидовскую землю подлым, обманным путем, нарушив заповеди справедливости, хвастливо присвоив себе не существующие доблести. Отряд карателей, сеявший страх и ужас в российских деревнях, в количестве ста человек, изготовился к решающему прыжку, чтобы изловить «мышь» – партизан под руководством штатского человека, бывшего первого секретаря Нелидовского горкома КПСС Коровкина. Их было всего сорок человек (немцы знали это), необученных, плохо одетых, разных возрастов, полуголодных. Они воевали на своей земле, за свой дом, за свои святыни. Зная, что рано или поздно фашисты «навестят» их, подготовились к встрече. До мелочей продумали оборону и наступление, отрыли замаскированные огневые точки, выставили постоянные боевые дозоры. Командир отряда, «великодушно» разрешил карателям окружить себя, штурмом взять партизанскую базу – жилые дома. Под конец, когда каратели подождли дома и были хорошо видны, подсвечиваемые пламенем, ударили точным, прицельным огнём. Партизаны видели всё, а сами становились «невидимками», скрытые в хорошо замаскированных боевых точках. «Супер – человек», командир немецкого отряда, приказал горнисту, своему брату, «играть» отбой. Не успел тот поднести горн к губам, как удачно брошенной гранатой ему снесло полчерепа. Родной брат лежал на сером от копоти снеге, рядом со своими мозгами. Зачем поддался на уговоры, бросил институт и уехал за славой? В это время брат его – лихой командир, оставив родственника в лесу, подобрал полы шинели и нечеловеческим голосом закричал: «Назад, домой». И ринулся вон из этого леса с привидениями, по той самой дороге, что привела его сюда. Они не просто отступали, а бежали. Только перед опушкой леса построились в колонны, приняли мужественный вид. Придя в деревню и увидев столы и чугуны с картошкой, забыли про намерение отобедать, спешно уселись на своих «битюгов» и удалились под защиту гарнизона в Нелидово. Думается мне, что наиболее прозорливые из них, забывшись беспокойным сном, видели горевший рейхстаг и труп Гитлера во дворе «рейхсканцелярии». На этом закончился рассказ подневольного немецкого проводника Щербакова Тимофея Аристарховича, которому командир - эсесовец Фриц пожаловал десять немецких марок. Деревня была обеспокоена, вдруг немцы вернутся, перебьют евреев. Деревенский актив решил искать выход. Решили, что их необходимо отправить в лесную деревню, хотя бы в Тросно. Елизавета Федоровна отправила Василия к родственнику Матрены Сергеевны, Коршакову Федоту в деревню Тросно. «Иди Вася, здесь недалеко, за час добежишь. Скажи ему, чтоб приютили наших евреев. Привезём их завтра. Василий опасался идти ночью по лесной дороге, но дошёл. Подошел, как говорили, к третьему дому слева. Дверь открыл сам Федот. Вася всё ему рассказал. Хозяин выслушал и отправил в другую комнату, погреться с дороги, поговорить с дядькой. Его встретил высокий, красивый мужчина в сером костюме. Он

расспросил: сколько евреев, откуда, почему их хотят отправить в Тросно. Василий рассказал, что в Козино часто приезжают немцы, могут на них наткнуться. Расстреляют их и хозяев, а деревню сожгут. Василию ответили, что, может быть, завтра, их заберут. Вася побежал домой. Темнело, деревья отбрасывали причудливые тени. Казалось, что невероятные «чудища» распластались по земле и шевелят усами, подбадривают гонца: «Не бойся, Вася, мы не страшнее фашистов, хотя и к ним привыкают». В окне, чуть заметный, дрожал огонек. За столом, глядя на горящий огонек лампы, сидели две женщины: козинский командир и его политрук - Матрена Сергеевна и Елизавета Федоровна. Они ждали связного. Василий неслышно открыл дверь и возник на пороге. Женщины разом повернули головы в его сторону. Матрена Сергеевна попросила: «Рассказывай, Вася, вести хорошие и добрые. Измучились мы, ожидая тебя. Боялись, не напугал бы кто. Калекой стать можно». Вася, озорно улыбаясь, подошел к столу. «Запомнили Вы, Матрена Сергеевна, что военный год за три идёт, так что я уже большой. От волка на дерево влезу, а фрицы лесу бояться». Уплетая ноздреватый хлеб и запивая его молоком, Вася степенно, подробно воспроизводил детали похода. Даже вопросов не было. Женщины успокоились и отошли ко сну. Беседа с уважаемым человеком была лучшей гарантией успеха. Василий уже спал, свернувшись калачиком, когда в оконце легонько постучали кончиками пальцев. (Так стучали свои.) Федоровна вышла в сени. Спросила: «Кого бог принёс?» Знакомый голос попросил: «Федоровна открывай скорее». Мать подняла крючок, отворила дверь. Вошли четверо. «Лампу не зажигайте, так посидим». Елизавета знала вошедших: встречала их до войны. Принесла стаканы и бутылку самогону, щей, хлеба, огурцов, холодец. Гости выпили по сто граммов, поели, расспросили о жизни. Мать ответила, что нужно помочь евреям, перевести их хотя бы в деревню Тросно. Тот же голос ответил: «Знаем. Сын ваш, Вася, приходил. Рассказывал. Завтра заберём». Вася услышал скрип закрывающейся двери и последние слова гостей: «Спокойной вам ночи». Мать подошла к нему, поправила одеяло. Вася взял её за руку: «Кто у нас был?» - «Один - тот, у которого ты недавно был, командир партизанского отряда, а второй - Федя Тапешкин, раньше налоги собирал. Начальник милиции и милиционер Рыжаков, что забирал убийцу Ивана Хрисанкова – Федора. Та часть отряда, что вела бой с карателями, вслед за ними пришла в Козино, надеялись застать карателей, но не успели. Немцы оказались проворнее. В том бою партизаны убили шесть человек, ранили двенадцать. Среди партизан двое легко ранены. Мать и сын Румянцевы, наконец, смогли отдохнуть. Время подходило к полуночи. Утром, едва рассвело, Вася сбегал к друзьям за новостями и вскоре вернулся домой. Он застал старосту, который злобно ругал мать за помощь раненым бойцам. Сегодня он едет к немцам, сказать им, что ночью к ней приходили партизаны. Заявил, что немцы расстреляют семью и сожгут их дом. Заходил он и в другие дома, всех ругал и обещал расстрелять, сжечь. Затем сел на коня и уехал в сторону деревни Прудня. Значит, в Нелидово, к немцам. После его отъезда по деревне шли партизаны. Один из них забежал в дом Федора Шмырева, который, защищая мать, случайно убил её истязателя, Ивана Хрисанкова. Суд вменил ему превышение самообороны и присудил пять лет лагерей. Работал он в Воркуте. В Козино осталась жить жена его, Евдокия. Каким – то образом, познакомилась она с немецким солдатом. Он приехал в Козино, в её домик, сидел у окна. Партизан спросил, «Нет ли у них немцев? Немец выстрелил в него, но промахнулся. Партизан, молодой парень, не ожидал такой встречи и выскочил на улицу. За ним – немец. Побежали к изгороди. Партизаны стреляли по немцу не единожды, но промахнулись. Он убежал. Лесные мстители искали старосту, спросили у жителей деревни. Им объяснили, что он уехал в Нелидово, немцев звать, расстреливать непослушных и их дома жечь. Партизаны ждали его около четырех часов. Немцы зализывали раны, желания искать смерти у них не было. Завидев партизан, Данила развернул коня, ударил его кнутом, бросился уезжать. На предупреждение, что будут стрелять, не отреагировал. На этот раз пуля нашла цель. Данилу убили.

Дети тоже помогали

Зимой 1941 - 1942 годов через деревню Козино выходили из окружения наши военнослужащие. Путь держали на Москву. Козинцы помогали им, давали пищу, отдых, обогрев, лечение. Для облегчения распознавания « транзитных» пешеходов немцы установили порядок: местным жителям передвигаться только по своей деревне. Без пропуска не выпускали и не впускали. На дорогах круглосуточные посты. Приходилось видеть, как по проселочной дороге, в основном со стороны деревни Миндюри, идут, поддерживая друг друга, выбирающиеся из окружения наши военнослужащие в летней форме одежды, хотя в январе мороз был за двадцать градусов. Когда они подходили к крайнему дому, метров на пятьдесят, из него выходил немец – часовой в реквизированном у хозяев полушубке и кричал: «Хальт!» Боец останавливался. Он кричал: «Цурюк!» Боец разворачивается на месте. Снова кричит: «Арш, Арш!» Тот строевым шагает назад. Часовой поднимает карабин, прицеливается и стреляет. Человек падает. Тела никто не осматривает. Их заметает снегом. Деревенские ребята, видевшие всё это, продолжали играть в свои игры, не зная, как помочь. Выход нашла одноклассница по пятому классу Настя – беженка, пришедшая летом. Она предложила на повороте дороги, за густым ельником, в шестистах метрах от деревни, прибить фанерку с надписью: « Боец, стой, не иди в деревню. Там немцы. Они убьют тебя». Отдала она Василию фанерку, молоток и гвозди и напутствовала: «Идите по льду реки, чтобы часовые не видели, прибейте покрепче к дереву и своим следом вернитесь назад». Так и сделали. На этом упражнении немецких часовых в стрельбе по ходячей мишени закончились.

Борьба со вшами

Про немцев слава была (и теперь есть), что они грамотны, интеллигентны. Василий с братом какое - то время жили в одной избе с ними и частично изучили их нравы. Несмотря на то, что одевались они опрятно, одевали шёлковое бельё и одежда была плотно подогнана, любили их вши. Они сами любили горох и «перестрелку» пахучими зарядами. После удачного выстрела в удушливом смраде раздавался дружный хохот. Каждый из них заботился только о своем благе. Они могли в такой атмосфере принимать пищу, не заботясь о реакции на это соседей. Бывало, сняв мундирчик, веточкой снимали ползающих «тварей». Вечером любили незваные гости усаживаться на широких скамьях. На улице ветер воев в ветвях берез, а у печки тепло. Поневоле закрываются глаза, голова опускается в сладкой дреме. Однако « интервенты» не дремлют. Вши чувствуют, где можно «поживиться», находят места с тонкой кожей, прокусывают её и сосут кровь. Ранка ничтожно мала, боли нет, хочется почесать. Хорошо, если это в зоне досягаемости. А если это на спине или место укуса закрыто брюками? Как достанешь? Вот тогда начинается «импровизация». Полусонный немец старается придавить кровососа спиной к печке и трётся местом укуса о шершавую поверхность. Вши, спасаясь, бегут на другую часть спины и впиваются там. Успевший задремать герой – вояка снова прижимается к печи. Постепенно вши бегают быстрее, а солдат интенсивнее крутит торсом. При этом его руки непрерывно пытаются дотянуться до искусанных мест. Тут не до сна. Вояка уже стоит. Его руки и туловище в непрерывном движении, кажется, что он готов взлететь, но не летит, а несмотря на мороз, срывается и бежит на улицу. Подбегает к изгороди, снимает мундирчик, обметает с него веником вшей, выворачивает, обметает снова и вешает на изгородь до утра, чтобы мороз убил его истязателей. Так же поступали и с другим нательным бельём. Вконец продрогший воин прибегает в избу и старается залезть в печку. Его держат, чтобы не сел на железную плиту голым местом. Однажды, мать Василия, Елизавета остановила взводного Юзефа и говорит, что нужно срочно топить баню, иначе будет эпидемия, все помрём. Юзеф ответил: «Хорошо, чем мы сможем

помочь вам?» - Мать ответила: «Баню я истоплю. Ваша задача привести туда подчинённых. Елизавета Федоровна истопила баню, наносила из речки воды, подбросила на каменку настойки сабельника и закрыла её. Пришла пора проводить немцев в баню. Александр Данилович отказался сопровождать их. Мать попросила Василия. Сын собрал своё белье и в сопровождении солдат направился на берег реки, в старую дедову баню. Она держала тепло и не слишком закоптела, хотя от старости немного покосилась. Солдаты посмотрели инструктаж Василия, как нужно мыться в его бане, и пошли в дом, вытолкали Елизавету Федоровну на улицу, бросили в снег и кричали на нее: «рот, партизанен!» И уже навели на неё автомат. Сестра Василия, Мария, увидав, что дело поворачивается чёрной стороной, побежала к Юзефу. В последнюю минуту за углом крикнули: «Хальт!» Немцы приняли стойку смиренно, руки по швам. Юзеф кулаком сбил автоматчика, ногой - своего помощника, вытащил мать из снега, громко ругал подчинённых и долго говорил с ними. Сам повёл их всех, четырнадцать человек, в баню. Он натирал их намыленной мочалкой из липового лыка, хлестал можжевельным веником на полку. Пока они мылись и парились в бане, мать и дочь вынесли за двор кишащую вшами солому, вымыли пол в избе, вытерли его чистыми тряпками, уложили на него свежую солому и уселись на лавку, отдохнуть. Первым из бани, в накинутой на плечи шинели, прибежал Вилли. Он часто говорил: «Гут, данке», целовал матери руки. С наслаждением лёг на накрытую чистым покрывалом солому. Подошли остальные. Они по очереди подходили к матери и говорили: «Майн гот, гут, данке». Каждый дарил ей подарок. Все благодарили мать и Юзефа. Потом солдат Курт, на губной гармошке, играл плясовые мелодии. Пол очистили от соломы. Солдаты плясали друг с другом. Изба ходила ходуном. Назавтра утром задымились все бани в деревне. Елизаветины постояльцы были инструкторами. Вечером к Румянцевым пришел командир роты, лейтенант Вильгельм. Он тоже благодарил мать. Приходили солдаты из других домов и говорили: «Данке гут» - спасибо. Через четыре дня Василий возвращался домой после катания с гор на лыжах. Шел через двор и увидел, как какой - то военный, в отличной от постояльцев форме и со множеством наград, оглядывал их корову. Василий побежал поставить в известность мать. Мать запричитала и побежала во двор. Сразу закричала: не дам корову - мы умрем с голоду, толкнула немца от коровы. Едва не упав, он говорит: «Гут матка, ты хороший». Он показал рукой на вымя коровы: «Кляйн никс, млеко никс». Мать ответила, что корова яловая. Немец заулыбался и говорит, что они её зарежут и съедят, а взамен дадут другую. Мать сказала - обманете. Немец попросил бумагу, позвал Васю с собой и на печатной машинке напечатал на немецком и русском языке, что воинская часть произвела обмен с гражданкой Румянцевой Елизаветой Федоровной. Её яловую корову обменяли на «стельную». Поставил подпись. Расписался и Василий. Пока из штаба он шел домой, туда привели очень крупную, рогатую, с большим выменем корову. В соседнем дворе стояла, опустив голову, безрогая его Воскресёха. К ней подошли два немца и лишили жизни. Её привел его отец, Данила семь лет назад маленькой, интересной телочкой. Василий часто «кормил» её, на лужке у леса. Иногда она уходила от него. Вася очень огорчился, но был безмерно рад, когда находилась. Теперь её нет. Вася горько заплакал. Мать увидела его слёзы и спросила причину. «Воскресеху зарезали,- ответил Вася.- «Зря плачешь, теперь у нас будет молочная, хорошая корова». Сквозь слезы, Вася ответил: «Ни какой другой не нужно». Мать рассказала об этом брату Шурке. Он прибежал во двор и, положив руку Василию на плечо, сказал: «Мне тоже жаль». Они долго говорили обо всём. Василий перестал плакать, они с братом носили дрова к завтрашнему утру. Чуть позже к Василию подошёл молодой немец, адъютант оберлейтенанта Вильгельма - Кегт и попросил картошки. Его камандир захотел поесть картофельного пюре. На следующее утро Кегт рассказывал, что командир был очень доволен ужином.

Василий со сверстниками пошли кататься с гор на лыжах. Увлечлись и не обратили внимания на громовые удары в нелидовской стороне. Вечером взрослые ребята объяснили им, что зимой грозы не бывает. Это громыхла советская артиллерия, посылая

горячие гостинцы незванным гостям. По всем приметам, скоро немцы побегут. Находясь на крутой горе, к северу от деревни, видели ребята, как из деревенских ворот, в сторону Нелидова, идут две колонны по тридцать человек. Все жалели этих немцев. Они были человечнее других. Мороз был около пятнадцати градусов, но крепчал. Из колонны кричал и махал рукой, молодой солдат Вилли. Долго слышался его голос: «До свидания Васёк, спасибо за всё!» Немцы были легко одеты. Кожаные, с широкими голенищами сапоги. Мягкие, тесные, на два хлопчатобумажных носка, суконные брюки, шёлковое исподнее и френчик без подкладки. На голове пилотки, на уши натянуты наушники. Так же закрывался нос и половой член. На руках тоненькие перчатки, на плечах карабин, на поясе патронташ и кинжал - штык. Мороз крепчал. Ребята разошлись по домам. В доме Василия остались пять немцев, другие ушли в Нелидово. Оставшиеся были хмурые и злые. Мать, Василия и Александра немцы загнали на печку и не разрешали выходить. Весь вечер патрулировали по дороге. Мороз трещал стенами домов. Румянцевы за печкой уснули. Проснулись от душераздирающего крика. Дверь - настезь. В щель переборки Василий видел, как два солдата волокут замотанного бинтами, в одном белье, раненого. Он босиком, раздетый прибежал из Нелидова в Козино. Ступни его ног обледенели. Его уложили на пол, на солому и начали растирать. Раненый закричал и затих. Солдат, растиравший его, подозвал Александра и Василия и приказал носить сено в сани. Ребята помогали запрягать лошадей. Раненого положили в сани и повезли в деревню Боринка, где стояла их часть. В доме осталось три немца. Спать они не ложились, и с рассветом ушли, оставив открытой избу. Когда мороз «нашёл» их за печкой, Василий закрыл дверь и поглядел в окно. Вдоль улицы вытянулся обоз и строй солдат. Они постояли пять минут и двинулись за реку, в деревню Боринка. Василий подобрал по ноге немецкие сапоги, шпory для них, зелёную фуражку и побежал навещать деревенских друзей. Немцев в деревне не было. Не успел он забежать в дом, как увидел перед окнами троих солдат на лыжах, в валенках, белых шубах, шапках - ушанках с красными звёздами. То были разведчики регулярной Красной армии. Они проверяли наличие немцев в деревне. Часов в девять утра Василия посетили четыре одногодка и пригласили на экскурсию в Нелидово. Через час они были там. На большаке, в сторону города Белый, лежали трупы раненых - замерзших немецких солдат. Встречаться они стали в километре, к югу от железной дороги, и чем ближе к дороге, тем больше их было. В ту ночь из Ржева прибыло два санитарных поезда по тридцать пять вагонов. Раненых хотели везти на запад, но красноармейцы взорвали железнодорожный мост через реку Межа. Узнав, что дальше их не повезут, раненые бросились из вагонов и поковыляли в сторону города Белый. Далеко уйти не смогли. Русский мороз настиг их. Василий зашёл в помещение железнодорожной дрезины. Там обнаружил пятилитровую канистру с керосином (пригодится, в лампу подливать), хороший офицерский ремень с кобурой, а в ней парабеллум, подпоясал его под пиджаком. На обратном пути нагнал своих друзей. Не торопясь, шли они домой. Часам к двум дня подошли к крайнему дому своей деревни. После ночного мороза потеплело, небо заволокло тучами. Шел реденький снег. Вдруг ребята опешили. Из второго от начала деревни дома вышли два солдата, лет двадцати. В новеньком немецком обмундировании, с советскими, тоже новыми, трехлинейками с примкнутыми четырехгранными штыками. Винтовки на левом плече они поддерживали левой рукой за ремень. Усмехаются. Форма им к лицу. Ребята приостановились и внимательно всматривались в незнакомцев. Те тоже щупали их глазами. Наконец, один из них спросил: «Откуда и куда идёте?» Ребята подтолкнули Василия, как самого меньшего. Он сказал, что они из этой деревни - Козина. Ходили в Нелидово, а теперь возвращаются. Опять спросили: «Зачем ходили?» Пользуясь тем, что незнакомцы отвлеклись при разговоре с Васей, его дузья один за другим «слиняли». Василий остался один с незнакомцами. Опять спрашивают: «Немцев там видели?» «Видели» - ответил Василий - Только мёртвых и много». «Откуда же их столько взялось?» Василий ответил, что на рельсах стоят два санитарных поезда с ранеными. Их везли из города Ржев в Германию, а

красноармейцы взорвали железнодорожный мост через реку Межа. Раненые, в одном белье, побежали на город Белый. Замёрзли и валяются на снегу, мёртвые. «Русей, русских ты видел?» спросили солдаты. «Видел на окраине» - «Сколько их было?» - «Человек пятнадцать – двадцать. Они лежали в кювете, где Ржевский большак отходит от Бельского и стреляли по немцам, которые перебежали от Ржевского большака на Бельский. Вскоре нас прогнал сержант» - «Он с вами разговаривал?» - «Нет, конечно. Когда они будут наступать, не знаю, но слышал разговор двух бойцов. Один из них сказал, что наступление завтра». Собеседники зашли в дом, приказав Василию ожидать их. Когда вернулись, спросили: «На вашу деревню они будут наступать?» Василий ответил: «Зачем им наступать, вы - то уже пришли» - «Откуда ты знал, что мы должны придти?» - «Потому что сегодня утром после ухода немцев, приходили ваши разведчики и говорили, что придут к обеду лыжным батальоном из деревни Тросно» - «Сколько в Нелидове русских?» - «Говорили, что дивизия» - «Видел ли ты разведчиков, что приходили утром? Как они одеты?» - «Да, видел, на лыжах, в белых халатах, в валенках, шапки со звёздами. Их было трое». - «Куда они пошли?» - «Не, знаю. Когда мы уходили в Нелидово, они оставались. Теперь мы вернулись и видим, что вы пришли». Один из спрашивающих говорит: «Пойдем, мальчик, к батьке нашему, он очень тебя, видеть хочет». Василия повели по деревне и привели в его родной дом. Мать, увидев Василия, сменилась в лице. Один из провожатых подтолкнул его в калитку. Во дворе было человек тридцать, разношёрстно одетых, но больше - в российских серых шинелях. В избе, на окнах, стояли два ручных немецких пулемёта. В прихожей, на полу, сидели, вплотную, человек пятнадцать, одетых разношерстно. Конвоир подтолкнул подростка в переднюю. Вася увидел за их семейным столом рыжего старика в немецкой форме. Конвоир доложил: «Этот мальчик пришел из Нелидова». Фельдфебель поглядел на него и спросил, что и где видел? Василий рассказал ему всё, что видел ранее и спросил: «Ваши ли разведчики были сегодня утром?» - «Да» - ответил тот. И спросил: «По какой дороге они пришли из деревни Тросно?» - «Она из нашего окна видна» и показал ему дорогу, которая мимо конюшни идёт. Фельдфебель, не глядя на Василия, крикнул: «Филиппенко, пулеметы на опушку, мальчика - в амбар». Васин конвоир за руку повёл его к амбару. Сидевшие на полу в прихожей вскочили, сняли с окна два пулемета, побежали к конюшне. Василий услышал их разговор: «Руси идут, Руси идут. С ними мы воевать не будем». Пока вели к амбару, Вася увидел за домом несколько саней, запряженных парами лошадей. В санях трубы и плиты. «Немецкие минометы», - подумал Василий. Конвоир вытащил из запора железный болт, открыл амбарную дверь и втолкнул туда Василия. В амбаре с маленьким оконцем полутемно. Там сидели два старика: Тимофей и Елисей. Они спросили, как он попал сюда. Вася всё рассказал. Старики объяснили, что эти люди - враги наши. Они воюют за немцев. Деды их совестили. Зачем немцам помогают, за это в амбар. За стеной кричал Филиппенко: «Господин фельдфебель, русские лыжники проходят конюшни». Фельдфебель вскричал – отступить в деревню Бор! Услышали голос возницы, понукающего лошадей. Заскрипел засов, на пороге Елизавета: «бегут ироды, пусть им пусто будет». Перед домом появились лыжники. Василий побежал им навстречу, показывая рукой на Фельдфебеля – старика с маузером в руке. Лыжники стреляли по уходящим «братьям», но они скрылись под горой. Лыжники разошлись по домам, на ночлег. Ребята и Василий с ними, катались с гор на лыжах и видели, как через восемьсот метров за рекой по снежной дороге шесть лошадей волочат большую, на высоких колесах, двуколку, а помогают им человек шесть немецких солдат. Передвигались они очень медленно. Лошади выбились из сил. Навстречу «прискакал» немец. Он кричал, размахивал руками. Потом все шестеро побежали в деревню Бор. Верховой расстрелял лошадей, догнал бегущих. Все скрылись из виду. Ребята оставили «альпинизм» до лучших времён и пошли по снегу. Их было восемь мальчиков и две девочки. Подошли к двуколке. Две лошади лежали без признаков жизни, а четыре силились подняться, но не могли. Когда их выпрягли из двуколки, две поднялись сразу, а две другие немного позже.

Одну из лошадей привел домой Василий, остальных – другие ребята. Ночь прошла спокойно. Лыжники поели вместе с хозяевами и выступили в сторону города Белый.

Дулёвское гостеприимство

Партизаны отряда Коровкина и комиссара Иванова провели акцию. В деревне Дулево восемь бывших колхозников в октябре 1941 года выдали фашистам разведгруппу этого партизанского отряда под руководством второго секретаря обкома ВЛКСМ Эдема и способствовали его смерти. Особый отдел приговорил их к расстрелу. Семьи их, со стариками и малыми детьми, выселили в Коми ССР, в устье реки Печора. Дело было так.

Дулево исстари славилось скупердяйством и прижимистостью. Потому имело другое название – Зажимово. Особенно в ту осень отличались активисты – восемь хозяйственных мужиков. Хозяйственны они были не только за свой счёт, но и из-за возможности «урвать» чужое под прикрытием немцев. Потому по нраву была им новая, немецкая власть. Прислуживая ей, они имели возможность обирать земляков. Народ не обманешь, он видит всё. В тот день собрались «опохмелиться» к старосте Фильке. Разлили по стаканам реквизированный самогон и уже подняли их, чтобы провозгласить тост за победу немецкого оружия, как в дверь постучали. Старшина открыл её. В сенях стояли трое с автоматами «ППШ», гранатами «РГД» и наганами на поясе, в гражданской одежде. Старший был лет под двадцать – высокий, смуглый, другой помладше, а третий, из Монины, совсем мальчишка. Лет пятнадцать. Старший спросил: «Есть ли немцы?» - Филька ответил: «Нет никого, здесь свобода. Пьем и думаем, как партизанам помочь». К ним подошли другие собутыльники. Загладели: «Проходите за стол. Мы давно вас, защитники наши, ждём». Партизаны были молодые, неопытные, необстреляные, а собравшиеся дулёвцы славились хитростью и двуличием. Нахваливая советскую власть и партизан, они взяли ребят под руки и повели к столу. Молодые почувствовали себя в кругу единомышленников, расслабились, сняли оружие и сели за стол. Староста налил самогонки и поднёс троим по сто граммов, те пить отказались. Мужики пытались шутить: «Командиров боитесь, зачем тогда головы подставляете под пули?». Старший ответил: «Не боимся, но уважаем». В тот момент, сидевший напротив окна партизан, Александр Булатов, показал на окно и крикнул: «Немцы!» - бросился через сени в другую половину избы, оттуда в окно, через улицу, по огороду к реке. С обрыва - в реку и на другой берег. Видимо, староста успел «подать» сигнал. Немцы цепью, окружили его дом. Офицер кричал: «Филька, давай партизан!». Их искали каратели и Филька с собутыльниками, но не нашли. Раздосадованный командир несколько раз ударил Фильку, выбил ему зубы. Филька плакал от горя, сокрушаясь, как мог он упустить разведчиков. Офицер построил взвод и повел в деревню Козаково – менее километра, где они квартировали. Старики не успокоились и продолжали искать беглецов во дворе. Партизаны, увидев, что немцев нет, а снующих по двору стариков они считали своими, вылезли из соломы и кинулись в избу за оружием. Его не нашли. Припрятал Филька. Вернулись обратно во двор. К старшему партизану подошёл Филька – староста. Глядя ему в глаза, проговорил: «Видишь ли ты, краснопузая сволочь, что господин офицер мне все зубы выбил, а ты, зараза, под соломой сидел». Он неожиданно резко ударил партизана колом по голове. Второй раз - уже по лежавшему партизану и заорал: «Бейте краснопузую сволочь! Ты, Мишка - обратился он к собутыльнику - догони немцев и верни их. Они не успели далеко уйти». Скоро послышался топот сапог. Прибежал офицер и взвод. Сразу к старосте, наотмашь ударил его нагайкой по лицу и стал ругать. «Ты должен исполнять команду хозяина, то есть меня. Без моей команды бить его не имел права. Велел поднять партизана, обмыть его. Дулёвцы все быстро исполнили. Офицер, расхаживая по двору по - страусиному широко расставляя ноги, на ломаном русском говорил: «Немецкая армия господ не воюет с детьми одураченных большевистской пропагандой. Подошел к партизану и показывая

на него пальцем спросил: «Юде?» Партизан плюнул сгустком крови прямо немцу в лицо. Офицер внешне не отреагировал. Достал платочек, тщательно вытер лицо и спросил: «Ты, татарин, откуда?» - «Из Ялты», - ответил партизан. Немец заулыбался и говорит: «Немецкая армия два дня назад освободила Ялту. Иди туда бургомистром» Партизан, что было сил, ударил немца сапогом в пах. Офицер забулькал горлом и отлетел метра на три. Часть солдат бросилась на партизана, другие помогали офицеру. Он заорал: «Хальт!». Его подняли, встали по стойке смирно. Офицер выхватил наган и стрелял в партизана, пока были патроны. Подвели мальчика - партизана. Офицер долго бил его нагайкой. Подросток плакал, офицер поднял его и, поставив рядом с собой, сказал: «Хорошо». Построил взвод и повёл его в Козаково. Партизан истекал кровью. Филька с собутыльниками вернулись в избу продолжать пьянствовать.

Расстреляли бывшего партизана, дезертировавшего из отряда, Чехлова Андрея из деревни Горки; бывшего партизана, Булатова Александра из деревни Шейкино, который при встрече с противником струсил и не вернулся в партизанский отряд. По указу Президиума Верховного Совета РСФСР расстреляли граждан деревни Горки Копылова Ивана и Копылова Ануфрия. – бывших старостами у немцев. По слухам, за содействие врагу расстреляли настоятеля Иоткинской церкви, отца Дмитрия, шесть жителей деревни Половцово – молодых парней и старосту этой деревни – Тита.

И среди врагов были люди.

В Козино первого февраля 1942 года на постой пришла конная санитарная транспортная рота, в четыре взвода. Командир – старший лейтенант Клименков, комиссар Мустаев, командир взвода Жданович, санинструктор Пономарёв, политбоец Кузнецов. Рота квартировала в Козино в феврале и марте. Каждую ночь от них направлялись лошади с санями к полустанку Паникля. Там была линия фронта. На лошадях вывозили раненых к санитарным поездом для отправки в тыл, на лечение. В роте служили нестроевые, с лёгкими увечьями: сухорукие, косоглазые. Они работали ездовыми – санитарями, носили военную одежду, тепло одевались. Все были из колхозников: старательные, заботливые, дисциплинированные. Среди них были русские, татары, мордва, марийцы, чуваша и один еврей – Еська - почтальон, совершенно косой. Шёл февраль – сырой, вьюжный месяц. Многие простужались. В то время у жены военнослужащего, беженки – латышки с девочкой, украли дойную козу, опору семьи.

Хотели отнять у Румянцевых свой подарок – корову и отступающие немцы. Их человек и помог. Перед отступлением немцев, поздно вечером к матери пришёл вражеский солдат – чех и рассказал, что завтра немцы отступают и заберут всё, что можно, в том числе и коров. Нужно корову спрятать. Надели ей на передние ноги валенки, а на задние - немецкие сапоги. Чех всё это хорошо привязал. Ночь, луна зашла за тучи, стемнело. Сын Шурка увёл корову в лес. Чех был патрульным. Корову спасли.

С козой было интереснее. Командир санитарной роты, вместе с комиссаром, отдали приказ найти её во что бы то ни стало. Старшим был назначен лейтенант – красавец Жданович, командир первого взвода. Помощником у него был старшина Куропятник, почтальоном - ефрейтор Еська. Козу искали долго, но зацепки не было. Опросили всех – военных и местных жителей - безрезультатно. Сыщики собрались на совет. Жданович дал право говорить младшему - ефрейтору Ескину. Тот сказал, что коза украдена и задушена мгновенно. Воров было двое. «Сильный» душил и нёс на плече. Начать предлагает с обхода деревни по окружности, обращая внимание на следы. Проявить нужно бдительность на тропинках, на снегу. Нет ли козьего горошка. Если козу несут на плечах, он должен быть обязательно. Жданович дал слово Куропятнику. Тот предложил привлечь к расследованию осведомлённого человека – мальчика Васю, который забрал из двуколки аппараты и установил их, замаскировав провод. Под его руководством дети привели в деревню раненых лошадей, подлечили их. Живёт он в доме, в котором под печкой нашли телефонные аппараты. «Еська, приведи этого паренька»,-

сказал Жданович. К Василию прибежал Еська: «Ну ты, «следопыт», пошли! Зовут тебя. Без тебя не обойтись!» Василий пошёл за Еской. Жданович посмотрел на Васю и сказал: «Нам нужно пройти вокруг деревни, осмотреть все проруби». У первой проруби ничего не нашли. На подходе ко второй обнаружили пять козких горошин. Жданович вытащил бумажный конвертик и сложил туда горошины. Куропятник обследовал все следы у проруби. Еська приложил газету к следам на снегу и ножницами вырезал из неё их контуры – вещественное доказательство. От деревни к риге вели глубокие, спаренные следы – след в след. Решили её обследовать. Следы повели вокруг. С тыльной стороны, к дверному проему, приставлено было дощатое дверное полотно. Переместили его и вошли внутрь, в сушилку. Там, повернув голову в их сторону, стояла искомая коза. Она жевала овсяную солому и глядела на пришедших любопытными глазами. Осмотрели все помещение и больше ничего не нашли. Своими следами вернулись назад, тщательно замаскировали их. Куропатник остался в бане, по соседству, вести наблюдение. Остальные пошли к командиру роты. Он принял их сразу. Выслушав доклад и осмотрев вещественные доказательства, отправил думать. Уединились и стали думать. Представив, в какой избе была коза и где должны были базироваться воры, предположили личность воров. Остановились на кандидатурах высокого, косолапого башкира Сабирова и маленького, молоденького одноглазого Муксимова Есхана. Когда подозреваемые спали, примерили к их обуви выкройки. Все сходилось. Попросились к ротному, на приём. Тот выслушал их и распорядился: Сабирова и Муксимова в поездку не посылать, а отправить в лес, за дровами, и установить за ними наблюдение. Погода ухудшилась, шёл густой снег, но дрова они заготовили, привезли, распилили и сложили. Заметно было служебное рвение. Куропятник это отметил, объявив благодарности и разрешив заниматься личными делами. Бдительность подозреваемых была усыплена. Нужно было ждать их дальнейших действий. Они никуда не пошли. Починив конскую сбрую, легли спать. Метель утихла. Ротному доложили, что «парочка» вышла из дома. Ротный Куропятник и Еский вооружились и быстро пошли к риге. У стен Риги командир роты скомандовал: «Лежать». Воры упали на землю, не успев причинить вреда козе. Войдя в помещение, старший лейтенант скомандовал: «Встать. Вы, Сабиров и Муксимов, арестованы. Куропятник конвоируйте их! Еский, передайте животное хозяевам!». Когда козу привели в дом, она радостно заблеяла, девочка соскочила с печи, обняла её и, ласково поглаживая, говорила: «Роза, радость ты наша». Прибежала её мать, все радовались. Куропятник отвёл арестованных на гауптвахту - в баню. Поставили часовых. Рано утром командование роты пригласило бойцов и население на собрание. Бойцы и жители деревни высказывали своё мнение. Они говорили, как нелегко просто жить в это время. Власти не помогали прокормить детей. В начале войны с трудом уговорили «поджигателей» не сжигать дома, но ведь они нарушили приказ? Как жили бы? Пусть тяжело на фронте, смерть подстерегает на каждом шагу, не намного легче здесь. На фронте кормят и одевают. В деревне под пол за картошкой лезет имеющий силу. Что сможет сделать старый человек против автомата? Жители держатся за чудом сохранившуюся скотинку: корову или козу. Разные были на постое солдаты «великой» Германии. Были и такие, что помогали мирным жителям не помереть, хотя прекрасно знали, что в любой момент умереть могли сами. Рассказали они, как вопреки угрозам оккупантов, спасали семью евреев. Пусть они другой веры, но люди. Помочь в беде - долг каждого. Выступал дед Елисей. Не знаю - сказал он - какой веры эти воры. Они знали, что отнимают средство существования у беззащитной семьи, и всё же пошли на это. Им самим тяжело жить с таким «рюкзаком». Для них самих лучше было бы умереть. Это лёгкий путь. Но пусть живут и каются, молятся своему богу. Он у всех один, только молятся ему по - разному. Если позволит разум, поймут что -нибудь. Не поймут – задохнутся где –нибудь в степи, в крепких «объятиях» таких, как сами». Собрание решило просить командование не передавать дело в трибунал, а попытаться воздействовать своими средствами, чтобы направили эти люди энергию разума своего на пользу общему делу. Война только началась.

ШУРКА – ДОБРОВОЛЕЦ

Ночью долго шёл снег, дороги занесло, ставший беспомощным автотранспорт стоял. Из Нелидовской комендатуры пришёл приказ – население окрестных деревень использовать на расчистке от снега дороги на город Белый. Там, у деревни Паново – передовая. Оттуда поступали раненые. Кто мог, передвигались сами, других нужно было перевозить. Если автомашины застревали в снегу, раненых перегружали на сани по три, четыре человека и везли до санитарного поезда в Нелидово. Линия фронта была в двенадцати километрах от станции - у деревни Карпово, и держалась там до четвертого марта 1943 года. Поезда подходили к полустанку Паникля. Расчищать автодорогу от станции Нелидово до линии фронта было задачей жителей окрестных деревень. Каждой была поставлена задача, закреплён участок дороги. Беда не приходит одна. Немцы пронюхали о тропинке, по которой можно было выйти в деревню Шейкино от деревни Прудянка. Их саперы выходили на большак Нелидово – Белый и в лесу, что между деревней Шейкино и теперь посёлком Южный, устанавливали мины. В тот день козинцы пришли рано утром, им выделили участок дороги. Невдалеке от козинцев, на mine подорвались два колхозника из деревни Иоткино. Пришли сапёры, сняли мины. Брат Василия, Александр, расчищая снег совковой лопатой, обнажил голубой проводок. Вася случайно увидел это и истошно закричал: «Шурка, не двигайся, мина!» Брат стоял, держа лопату в руке, не шевелясь. Подошли сапёры и сняли мину. Метрах в ста далее обнаружили занесенного снегом живого, но без сознания, немецкого сапёра, подорвавшегося на своей же mine. Уложили в сани и вместе с нашими ранеными повезли в санитарный поезд. Снег без перерыва шёл три дня. Облака поредели, поднялись повыше, выглянуло солнце, усилился мороз. Немецкая авиация «утюжила» позиции русских днём и ночью. Люди сидели по своим избам, не разжигая печей, чтобы не обнаружить себя. Самолет - разведчик «Хейнкель – 126», постоянно барражируя над головами, мог вызвать бомбардировщики. Жизнь в деревне начиналась с темнотой, при тщательной маскировке. Печи топили ночью. Маскировались, чтобы не видно было искр из трубы. Летчики хорошо видели даже огонек от папиросы. Подлетали с выключенными двигателями и бросали гранаты. Многих ранили и убили. В такое время в деревню приехал военком (капитан) без руки, с ним женщина – врач, лейтенант, и ездовой – красноармеец.

Он снял с саней стол, укрыл его скатертью. Капитан из чемоданчика вынимал документы людей, которые не были призваны ранее, в срок, доставал повестки. Таких оказалось восемь человек.

Капитан просматривал документы и передавал врачу. Она громко зачитывала фамилию, имя, отчество «призываемого». Призывник должен был следом за ней повторить свои данные. Врач проверяла пульс, смотрела рот, руки, ноги, глаза, задний проход, измеряла пульс и выносила заключение: годен или нет. Брат Василия, Александр Данилович, родился в октябре 1924 года, призыву не подлежал. Врач проговорила его данные. Он повторить не смог. Сильно заикался. Военком вмешался, спросил его фамилию. Александр с большой натугой назвал её. Военком посмотрел на врача и сказал: «Выпишите ему белый билет, такие от призыва освобождаются». Несостоявшийся призывник, повернувшись к капитану, проговорил обстоятельно и без запинки, что он и «заикатый» сможет бить фашистов. Потому пойдет в армию добровольно. «Вольному воля, - ответил капитан, но вы, - обращаясь к врачу, сказал он, - отметьте в документах его заявление». Таким образом, брат Василия, Александр, ушёл на войну. Он погиб, через полтора года, в Великолукском районе, под деревней Чёрнушка. Закрыв амбразуру, по примеру Александра Матросова. Почему он так поступил? Видимо, вспомнил напутствие капитана – окруженца, у матери на печи. Понял справедливость его слов: «Чтобы

научиться военному ремеслу нужно время». Его нет. Фашист из пулемёта, спрятавшись за толстые бетонные стены, ухмыляясь, убивает его друзей. Понял Александр, что сможет подползти к ненавистной амбразуре и заставить прекратить огонь, но отдав свою жизнь. Пополз, пользуясь стрельбой пулемета по другим целям, приблизился к амбразуре. Бросил одну гранату – стреляет, бросил другую – замолк на мгновение. Саша уже у дота. Рука не нашла на поясе связку гранат. Перекошенный рот молодого стервятника совсем близко. Руки дрожат. Он заправляет в пулемет очередную ленту с патронами. Опять запрыгает ствол, исторгая огонь, опять смерти друзей. Александр сгруппировался, прыгнул на дот, вцепился в проволоку на стене, грудь прошла пулемётная очередь. С красной пеной на губах, прошептал: «Будьте вы прокляты, прости мама»... Пулемет умолк. Этого оказалось достаточно, чтобы однополчане вытащили пулеметчика из бетонного мешка и проткнули штыком. Но сможет ли такая месть возместить гибель таких ребят, как Саша и его друзья? Через месяц после мобилизации Саши, улыбчивым мартовским днем, призвали на трудовой фронт его сестру - Марию – на год младше его. Поначалу определили в Новосибирск, в ремесленное училище, учиться на токаря. Затем - в Сталинск, на военный завод. Изготавливали детали для снарядов и мин. Время было тяжёлое, Война еще не окончена. Все понимали, что их труд необходим стране, отцам и братьям, Советской армии. Работали, забывая о себе. Не было ничего другого - одна работа. Сон, когда слипались глаза, подкашивались ноги. Спали прямо в цеху, у буржук. Просыпались и к станку, понимали, что их работу выполнить больше некому. Сначала учили их старые мастера, а затем и сами они передавали опыт. Домой, в родное Козино, Мария вернулась только в 1948 году. Елизавета Федоровна оставалась вдвоём с надеждой и опорой своей – Василием. Кормились остатками из подполья, да молоком, которым выручала корова. Хлеб приносил Вася, в обмен на молоко. За военное лихолетье он заметно возмужал, подрос. Черты лица огрубели, но на людей смотрел всё так же – открыто. Гворил не сразу, разбирался, что за человек с ним говорит. Еще бы, столько людей прошло мимо него, столько смертей! Люди, видя его открытую душу, желали ему долгих лет жизни. Он и живёт. Несмотря на возраст, всё так-же энергичен и отзывчив.

К концу второй декады февраля того же года в дополнение к конной санитарно – транспортной роте в деревне разместился учебный батальон. Готовили младших командиров из солдат 1923- 1924 годов рождения – уроженцев Нелидова и Нелидовского района. Заняли все сараи. Подъём в шесть, отбой - в двадцать три. Питание очень скудное и малокалорийное. Все молодые. Организм развивается, набирает силу. Их учили бросать гранаты, ходить с винтовками, которые они сами мастерили, в штыковую атаку. Они рыли окопы и траншеи. Обмундирования для них не было, ходили в гражданской одежде, в которой их призвали. Намаявшись за день, спали как убитые. Утром опять подъём, учеба, муштра, стрельба. Весна была ранняя. Жаркое солнце растопило снег и верхний слой почвы. Дороги превращались в скользкое месиво. При отсутствии сапог, передвижение становилось невозможным. Приезжал выездной трибунал. Судили Сабирова и Муксимова. Направили на два месяца на передовую, в штрафной батальон, до первого ранения. Через два месяца они вернулись в свою роту. Вскоре её куда - то перевели.

Еська - герой.

Наличие большого количества снега и ранняя весна вызвали большой подъём талой воды. Река затопила прибрежные луга и пойму реки: с севера на юг – около трех километров, на восток – около километра. Зрелище было красиво. В то время повадился летать над этими живописными местами немецкий двухмоторный истребитель «Me - 110». Он наблюдал за движением автомашин по Бельскому тракту и расстреливал всех, кто пытался переправиться через полноводную Межу. Надоел он ужасно, но ничего поделывать не могли. Однажды, почтаьлон - Еська подошел к Василию и попросил дать на время колесо от телеги, топор и пилу. Вася помог ему – дал, что он просил. Через день,

ровно в восемь утра, прилетел Мессершмидт и начал «барражировать»: взад и вперед, пикировал, взмывал. Еська стрелял. Немец понял, что стреляют с высокой горы, заросшей лесом. Когда немец улетал в противоположную сторону, пулемет замолкал, а когда подлетал к горе, бил очередями. Лётчик пытался определить, откуда стреляют, взмывал вверх, пикировал на гору. Пока была ничья. Комиссар роты Мустаев приказал политбойцу Кузнецову привести к нему пулемётчика. Он несказанно удивился, когда увидел перед собой Еську - почтальона. Прочитал нотацию: «Что ты Еська делаешь? Ведь демаскируешь расположение роты». Еська пояснил: «Пулемет в полутора километрах от деревни, в лесу. Откуда немцу знать, что Еська служит здесь почтальоном?» Комиссар оборвал его: «Завтра пойдешь за почтой, зайди в военную прокуратуру, отдай военному прокурору мое представление. Сам - то помойся, побрейся. У кого-нибудь одолжи на время поновой гимнастёрку, подшей подворотничок. Покажись, как будешь представляться». Еська продемонстрировал. Комиссар остался доволен. «Если тебя не посадят, придёшь ко мне. Теперь иди, готовься». Еська пошёл к своему пулемёту. Укрылся ветвями, ждал истребитель. Заслышав гул самолёта, спрятался под ёлочку. Истребитель пролетел над ним и вернулся. Так неоднократно: прилетит, улетит. Пулемет молчит. Летчик расслабился, на повороте летел тише и ниже. Еська не выдержал, решил: будь, что будет. Прижался к прицелу и ждал. Самолёт все ближе и ближе. Пулемёт загрохотал. «Мессер» клюнул носом и врезался в подножье «Еськиной» горы. Когда дым рассеялся, обломки самолёта догорали, летчика в кабине не было. Еська поднялся повыше и видит: на большом суку висит летчик. Стрелок ударил по суку длинной жердью. Летчик упал. Еська подбежал, выхватил из кобуры немца пистолет. Летчик дышал, но был без сознания. Еська обработал иодом его раны. Подошли бойцы. Еська смастерил носилки. Летчика понесли. Вскоре подогнали бричку. На ней немецкого «асса» повезли в санчасть.

На завтра утром, Еська пошёл за почтой. Вначале зашёл к прокурору. Представился, как учили. Прокурор прочитал донесение комиссара и спросил: «Что мне с тобой делать?» Еська ответил: «Дело ваше, товарищ военюрист.» Военком спросил: «Сегодня самолет прилетал ли?» - «Он больше не прилетит, товарищ военюрист» - «Почему вы так думаете?» - «Потому, что летчик вчера доставлен в нашу санчасть, а аппарат его врезался в подножие той горы, откуда я стрелял» - «Каков же смысл донесения?» - «Донесение написано в 11 утра, вчера летчика доставили в 16 часов вечера в санчасть. Теперь воля ваша». Прокурор внимательно, изучающе посмотрел на Еську. «Расскажи подробно, по порядку, как всё было» - «Слушаюсь»,- ответил Еська и начал говорить. Рассказал подробно, со всеми мелочами. Раздался звонок. Еська понял: говорит капитан Мустаев – комиссар санитарной роты. Прокурор спросил его, что он хочет сказать? Мустаев попросил не наказывать почтальона. Он хороший человек, только с чужинкой. Прокурор усмехнулся и спросил: «Почему я должен его наказывать?» За «самовольщину», граничащую с преступлением – ответил комиссар. Вы правы, вздохнул прокурор, он заслуживает наказания в виде награждения его орденом Ленина. Вы молчите капитан? Сейчас же сходите в санчасть. Осведомитесь, как себя чувствует фашистский «асс», сбитый вчера Еськой. Посмотрите самолет, что врезался в гору, у пулемета. Будь здоров, служи Советскому Союзу! Дай нам Бог больше таких героев». Так закончился поединок Еськи с Мессершмиттом.

Послесловие

Закончилась оккупация. Немцев отогнали от Нелидова. Однако долго ещё оглашали окрестности раскаты орудий на подступах к нему. Немцы «правили» в деревне Карпово и Новоникольском. Работал немецкий аэродром за деревней Сёлы, в колхозе Советская Россия. Командуя «коровым» войском, летом 1942 года Вася освоил его « устав» и правила управления. С «тёмного и до «тёмного» коровы обследовали определенные участки леса. Следуя за стадом, Василий побывал на противопожарном разрыве и лучинной дороге, в прибрежных заводях, у реки Тросна и на опушках леса у

деревни Прудня. В каждом стаде были свои вожаки. В козинском старшей была их Зорька. Комолая и рослая, любила она вкусно поесть, потому успокаивалась, лишь найдя сочные луговины. С Василием у них была любовь обоюдная. В выгоне, на месте сбора стада, она подходила к нему, клала голову на плечо и шершавым языком лизала лицо. Это означало: не сердись на меня, сегодня я хочу пройтись по опушкам Богдановского леса, полакомиться клевером. Ты же ведь любишь сладкое молоко? Не мешай мне. Собирай ягоды в сосняке, у деревни Миндюри. Стадо к вечеру туда приведу. Так и случилось. К исходу дня, когда солнце скрывалось за вершинами сосен, Вася слышал голос Зорьки. Она стояла на краю Дулёвского поля, а кругом, сытое и довольное её «войско».

Сверстники ходили в школу, изучали программу пятого класса, а Вася брал учебники и школьные тетради с собой, на пастбище, изучать, как теперь говорят, заочно. Экзамены он сдавал вместе с земляками. Получилось, сдал. Мать силы и время отдавала работе в колхозе. Лошадей не было, всё делали руками: копали землю, сажали и убирали картофель, сеяли и жали. Василий уехал в Эстонию к брату Владимиру, сестра Мария, после возвращения из города Сталинска, вышла замуж за Дворникова Владимира Яковлевича. Позже, в 1952 году вернувшийся из рядов Советской армии, Василий встретил в деревне Нелидовка сына Андрейзена Эдуарда Францевича - Александра Эдуардовича. От него узнал, что его отец – друг и наставник Василия Ларионовича, жив и часто вспоминает деда. Живут они в Одессе. Для какой - то надобности, Александр, совместно с представителями Советской власти, собирал «сход» жителей деревни Нелидовка, где рассматривался вопрос о лояльности его отца к местным жителям и их к нему. Знавшие его земляки отзывались о нём и его семье хорошо.

Страна залечивала раны, нанесённые войной. По деревням звенели ребячьи голоса. Жизнь продолжалась.